1996

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

ЭДМУНД КУПЕР
КИРОН ГОЛОВА-В-ОБЛАКАХ

КИР БУЛЫЧЕВ
РОКОВАЯ СВАДЬБА

ТОМАС ДИШ
ЕГО ПЛЕМЯ

МАРК СТИГЛЕР
ЗИМНЯЯ ПОРА КЭТ

3

3'96 (39)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ И ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

МОТИВ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Эдмунд Купер. *Кирон Голова-в-Облаках.* Роман. 4

Андрей Щербак-Жуков. Последний романтик... Кто следующий? 55

Марк Стиглер. *Зимняя пора Кэт.* 58

Кир Булычев. *Роковая свадьба.* Повесть. 64

Вячеслав Басков. Ребенок под ногами. 80

Томас Диш. *Его племя.* 84

Наталия Сафронова. Если мир в самом деле — театр... 87

БАНК ИДЕИ 90

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Заместитель редактора:
Елена Босовская.

Редакция:
Марина Виденина,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Кирилл Королев,
Тамара Маслова,
Сергей Никифоров,
Татьяна Сычева,
Андрей Чертков.

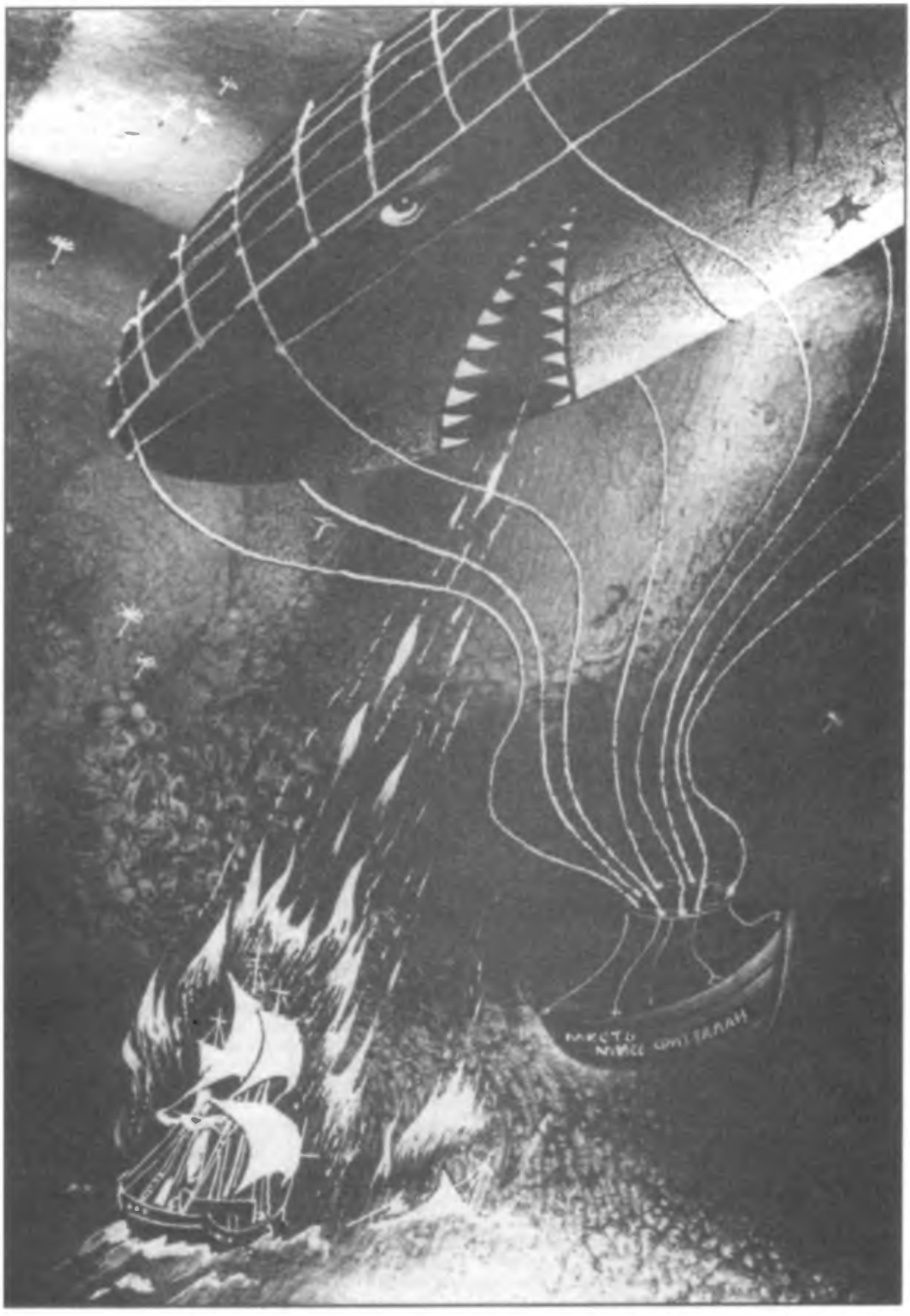
Иллюстрации:
Надежда Бальжак *(К.Булычев)*,
Олег Васильев *(Э.Купер)*,
Александр Жабинский *(М.Стиглер)*,
Алексей Филлипов *(Т.Диш)*

Верстка:
ТОО «Апокриф».

Сдано в набор 5.01.96. Сдано в печать 10.02.96
Отпечатано в ИПК «Московская правда».
123845, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д.7
Усл. печ. л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 20 тыс. экз.
В розницу цена свободная
Заказ № 1017

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

© «Если»
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции
Рукописи не рецензируются и не возвращаются



Эдмунд Купер

Кирон Голова-в-Облаках

В 1811 и 1812 гг. луддиты уничтожили немало вязальных станков и паровых ткацких машин в графствах Ноттингемшир, Дербишир, Лестершир и Йоркшир. В 1816 году волнения вспыхнули с новой силой. Название «луддиты» происходит от имени Неда Лудда, страдавшего идиотизмом мальчика, который, не имея возможности расправиться с теми, кто причинял ему страдания, в приступе ярости разломал в 1779 году свой вязальный станок.

Энциклопедия «Эврим эн», издание 1958 г.

Часть первая

ПРИВЯЗАННЫЙ К ЗЕМЛЕ

1

В восемь лет Кирон часто играл со своей нареченной невестой Петриной. Потом, когда невинный возраст закончился, им уже не позволяли оставаться вдвоем, пока наконец Кирон не достиг совершеннолетия и не вышел из-под контроля своих опекунов.

Мальчика отдали в ученики Хобарту, художнику. Поначалу в его обязанности входило мыть кисти, помогать натягивать холст и смешивать краски. В десять лет он перешел к Хобарту жить, чтобы находиться при деле постоянно. Кирон ждал этого дня — и боялся. Ему не терпелось постичь тайны живописи, законы перспективы, гармонии и изображения; и в то же время он не хотел становиться художником. Он хотел летать по воздуху, как птица. А это пахло ересью.

Он уже был достаточно взрослым, чтобы понимать, что такое ересь, и еще был слишком юным, чтобы этого бояться. Учитель и заботящийся о душе мальчика священник провели немало часов, объясняя ему дьявольский характер неугодных Господу машин. Им не удалось заронить должного страха в душу Кирона; она, напротив, исполнилась тайного преклонения. Уже в пять лет Кирон знал, что однажды он изобретет неугодную Господу машину, чтобы летать по воздуху, как птица.

Отцом маленькой очаровательной девочки Петрины был Шолто, кузнец. В качестве нареченного Петрины Кирону позволялось наблюдать за Шолто в его кузнице — огромная привилегия. Кирон понимал, что придет день и ему тоже придется работать с металлом. Нужно научиться этому делу, чтобы изготовлять необходимые для летающей машины детали. Поэтому он задавал Шолто массу вопросов. Кузнец, огромного роста добряк, обожал свою работу и не видел вреда в том, чтобы поболтать с мальчишкой, да еще помолвленным с его дочерью. Он не считал подобные разговоры нарушением цеховой клятвы Гильдии кузнецов. Вскоре Кирон приобрел определенные познания в закалке стали, скреплении металлических пластин заклепками, ковке шлемов, застежек, копий и плужных лемехов.

— Послушай, малыш, — добродушно ворчал Шолто, — ну и лентяй же ты. Тебе надо думать, как бы что-нибудь нарисовать и раскрасить, а не о том, как стучать в свое удовольствие по железу. Иди, отрабатывай рисунок, не то мастер Хобарт разукрасит твою задницу.

Кирон проявлял благоразумие. Он знал, когда кузнец шутит, а когда говорит всерьез; он знал также, что не стоит хвастаться своими познаниями в кузнечном деле перед кем-либо, а тем более перед отцом.

В детстве дни могут пролетать мгновенно, а могут тянуться бесконечно долго. Кирон, как и прочие члены семьи, вставал с рассветом и тут же вместе со всеми принимался за работу. Пока мать набирала воды из колодца и ставила на огонь кашу, он приносил из мастерской отца стружку и щепки для очага. Отец же шел на поиски дичи или присматривал хорошее дерево на заготовку. Когда солнце поднималось над восточной кромкой горизонта, семья собиралась на завтрак. Каша, хлеб и жир были всегда, ветчина и яйца появлялись периодически, в зависимости от того, как шла торговля и как обстояли дела в курятнике и в хлеву.

После завтрака Кирон вместе с другими ребятишками направлялся в дом учителя на урок, который длился около часа. Потом мальчики расходились по своим наставникам, где до полудня трудились как подмастерья.

Кирону повезло больше других. Хобарт процветал, найдя себе покровителя в лице Фитзалана, владельца феодального поместья Арандель. Хобарт был отменным портретистом, а Фитзалан из Аранделя был тщеславным человеком с тщеславной женой и тремя тщеславными дочерьми. Он не терял надежды обзавестись еще и сыном, но и трех дочерей с лихвой хватало, чтобы плотно загрузить Хобарта работой.

Хобарт поощрял Кирона, его эксперименты угольными палочками на дорогой бумаге. Он мог себе это позволить. Хобарт никогда не был женат. Сейчас он был богат, сед, одинок... Ему хотелось считать Кирона своим сыном.

Так что мальчишке многое позволяли и за малое спрашивали. Хобарт разглядел в нем талант к рисунку, но отмечал слабое пока чувство цвета. Что ж, возможно, оно еще придет. Хобарту нравилось думать, что на стенах замка рядом с его картинами, покрытыми пылью и славой веков, будут висеть картины Кирона...

В детстве дни могут пролетать мгновенно, а могут тянуться мучительно долго. По вечерам, освободившись от своих обязанностей у мастера Хобарта, Кирон самостоятельно распоряжался своим временем. Это было роскошью. В десять лет он станет настоящим подмастерьем и такой свободы уже не будет. А после, догадывался Кирон, возможность делать то, что хочется, навсегда уйдет из его жизни. Если только не удастся изменить выпавшей ему судьбы. Он был слишком молод и верил, что такое возможно; он был достаточно взрослым и понимал, что для этого придется бросить вызов установившимся — почти священным — традициям.

Летними вечерами они с Петриной убегали в холмы. Поросшая лесом гряда напоминала рукотворную стену, протянувшуюся на десять—двенадцать километров от моря. Там, в царстве благородных оленей, фазанов и кроликов, они создавали свой сказочный мир.

Петрина была миловидной девочкой с широко открытыми глазами и волосами цвета перезревшей пшеницы. Придет день, и Кирон станет ее мужем, отцом ее детей. Ей хотелось узнать о нем побольше. Петрина уже понимала, что у Кирона есть тайна, но в чем она заключалась, ей было неведомо.

Однажды теплым летним вечером, отчасти следуя

своему плану, а отчасти по воле случая, Петрина узнала самое заветное желание Кирона.

Утомившись от лазанья по деревьям, пугания косуль и собирания диких цветов, они лежали на сияющей зеленью лужайке и рассматривали небо сквозь листья огромного бука.

— Когда ты станешь великим художником, — сказала Петрина, — я смогу покупать красивые ткани и шить платья, которым будут завидовать все женщины в округе.

— Я никогда не стану великим художником, — отозвался Кирон без всякого сожаления.

— Ты учишься у мастера Хобарта. А он великий художник. Ты узнаешь его секреты, у тебя появятся свои...

— Я никогда не достигну мастерства Хобарта. Он посвятил этому всю свою жизнь. А я свою посвятить не могу.

— Почему?

— Потому, Петрина, что мне уготовано другое.

— Тебе ничего другого не уготовано, Кирон. Ты отдан в ученики мастеру Хобарту, и мы с тобой помолвлены. Такова наша судьба.

— Такова наша судьба, — передразнил ее Кирон. — Глупости! Рассуждаешь, как маленькая девочка. Я хочу летать.

— Ты не хочешь на мне жениться?

— Я хочу летать.

Она вздохнула.

— Мы должны пожениться. Мы обязательно поженимся. Ты станешь знаменитым мастером. И у нас родятся трое детей. А самая великая твоя картина будет про рыбу, уничтожающую людей огнем. Это предсказано. И с этим ничего не поделаешь.

— Предсказано? — изумился Кирон.

Петрина улыбнулась.

— Прошлым летом в замок пригласили Маркуса, астролога из Лондона. Господин Фитзалан хотел знать, будет ли у него когда-нибудь сын.

— Ну?

— Моего отца вызвали починить опору, на которую астролог ставит свое звездное стекло. И мама упросила астролога предсказать твоё будущее. За деньги, конечно... Так что наша судьба, Кирон, известна. Ты станешь великим художником, а у меня будет трое детей... Слышишь, как гудят пчелы? Как они танцуют! Если пойти за ними, они выведут нас к меду.

— К черту пчел! Я один определяю свое будущее. У мастера Хобарта я, конечно, доучусь. С этим ничего не поделаешь. К тому же он очень добрый и самый лучший из всех художников. Да мне и нравится рисовать. Но когда я стану мужчиной, все пойдет по-другому. Я сам стану себе хозяином. И сам выберу свое будущее. Я хочу научиться летать.

— Ты что, отрастишь себе крылья?

— Я сделаю летающий аппарат.

Петрина побледнела.

— Летающий аппарат? Кирон, будь осторожен. Конечно, ты можешь говорить об этом со мной. Я твоя будущая жена, мать твоих детей. Но не вздумай рассказать про летающие машины кому-нибудь еще, особенно учителю или священнику.

Кирон сжал ее руку и опрокинулся на спину, глядя в небо сквозь густую листву бука.

— Я не дурак, — сказал он. — Учитель мало чем отличается от священника, разум его закоснел в правилах и обычаях. Но если учитель просто старый слабый человек, то священник...

— Священник не задумываясь отправит тебя на костер! — резко вставила Петрина.

— В наши дни детей не сжигают. Даже тебе следовало бы это знать.

— В наши дни сжигают мужчин, а придет день, и ты станешь мужчиной. Два года назад сожгли фермера из Чичестера за то, что он придумал машину для уборки пшеницы. Кирон, ради меня постарайся не мечтать больше о летающих машинах. Подобные мысли слишком опасны.

— Все интересное опасно. — Кирон глубоко вздохнул. — Посмотри сквозь эти листья на небо. Такое голубое, красивое... Когда по нему проплывают облака, неужели тебе не хочется их потрогать? Они же как острова, огромные острова в небе. Придет день, и я поплыву среди этих островов. Придет день — я протяну руку и потрогаю облака.

Петрина вздрогнула.

— У меня от таких диких разговоров мороз по коже.

— У меня тоже. Но Первые Люди имели летающие машины, Петрина. Серебряные птицы, которые ревели как драконы и летали высоко за облаками. Так говорит учитель, и даже священник вынужден с ним согласиться. Это история.

— Первые Люди уничтожили себя, — возразила Петрина.

— Так же, как и Вторые Люди, — спокойно сказал Кирон. — У них тоже были летающие машины, может, не такие хорошие, как у Первых. Здорово, наверное, было проноситься с огромной скоростью над землей и видеть, как люди копошатся на ней, словно насекомые.

— Люди — не насекомые!

— С высоты все живые существа кажутся насекомыми.

— Первые Люди уничтожили себя. Вторые Люди тоже. И это тоже история. Священники правы. Машины несут зло.

— Машины не понимают, где добро, а где зло, — рассмеялся Кирон. — Машины не умеют думать. Думать умеют только люди.

— В таком случае, — заявила Петрина, — много думать — это зло, особенно если думать о запретных вещах.

Неожиданно Кирон почувствовал себя взрослым.

— Не волнуйся, малышка, — сказал он. — Я не буду думать слишком много. А у тебя, наверное, действительно будет трое детей, как и предсказал астролог... Я знаю здесь рядом одну сливу. Хочешь, посмотрим, не созрела ли она?

Петрина подпрыгнула.

— А я знаю, где есть яблоня. Наверху яблоки уже красные!

Взявшись за руки, они побежали по просеке в роскошное золотое сияние позднего летнего дня.

2

По случаю исполнения Кирону десяти лет был устроен прощальный завтрак. Мальчик съел его с приличествующей данному случаю торжественностью. Затем пожал руку Жерарду, своему отцу, и поцеловал Кристен, свою мать, по разу в каждую щеку. Прощание было чисто ритуальным, на самом деле они еще часто будут видеть друг друга. Тем не менее символически детство Кирона закончилось. Он больше не будет спать в доме своего отца.

Жерард произнес:

— Сын, теперь ты будешь во всем помогать мастеру Хобарту. Он передаст тебе свой опыт. Пройдут годы, и твои картины украсят стены замка. Возможно, они попадут и в большие дома Лондона, Бристоля и Брума. Что ж, значит мы с матерью жили не напрасно.

— Отец, — слезы душили Кирона без всякой на

то причины, — я выучусь у мастера Хобарта всему, что возможно. Я постараюсь стать достойным вас. Будь на то ваша воля, я тоже стал бы столяром. Но вы пожелали, чтобы я писал портреты, и я постараюсь не уронить чести Кирона, сына столяра.

Кристен обняла его:

— Я даю тебе три рубашки, три куртки и трое гамаш. У тебя есть тулуп из овечьей шкуры и крепкие ботинки. Все это я уложила в мешок из оленьей шкуры. Не простужайся, Кирон, и ешь хорошо. Мы... мы любим тебя и следим за твоими успехами.

Кирон почувствовал, что она тоже несчастна, и не мог понять, почему. Предполагалось, что это праздничный и значительный день для ближайшего окружения семьи.

— Мы скоро увидимся, мама! — Кирон улыбнулся, пытаясь хоть как-то приободриться.

— Да, но ты больше не ляжешь спать в кровать, которую сделал для тебя отец, и не свернешься калачиком под пуховым одеялом, которое я сшила еще до твоего рождения.

— Ну хватит, Кристен, — сказал Жерард, — а то мы сейчас расплачемся.

Он посмотрел на жену и вдруг заметил, что в волосах у нее пробивается седина, на лице появились морщины. Хотя в свои двадцать восемь лет она сохранила прямую осанку и высокую грудь.

Кирон поднял мешок из оленьей шкуры. Вдруг он проникся торжественностью момента и очень официально проговорил:

— Что ж, всего вам доброго. Благодарю вас за то, что подарили мне дыхание жизни. За то, что кормили меня и в зной, и в стужу. Да пребудет с вами Лудд.

Кристен с рыданиями убежала на кухню. Жерард потянулся волосатой рукой ко лбу, как он всегда делал в своей мастерской, и вытер несуществующий пот.

— Да пребудет с тобой Лудд, сынок. Теперь ступай к мастеру Хобарту. И помни: точно так же, как я — лучший столяр на пятьдесят километров вокруг, ты станешь лучшим художником на тысячу.

— Отец, я... я хочу... — Кирон осекся. У него чуть не сорвалось с языка, что он не хочет быть художником, а хочет научиться летать.

— Да, Кирон?

— Я... я хочу быть достойным вас, чтобы вы могли мною гордиться.

Жерард расхохотался и весело хлопнул его по плечу:

— Не горюй, подкидыш! С сегодняшнего дня ты будешь есть лучше, чем дома.

— Только вряд ли эта пища покажется такой же вкусной.

Хотелось сказать больше, гораздо больше. Но слова застряли в горле. Кирон выскочил из дома и направился в сторону Аранделя. Мальчик не оглядывался, но знал, что отец стоит в дверях и смотрит ему вслед. Он не оглядывался из страха: не удержится, подбежит к отцу и расскажет, что на самом деле хочет делать.

Стояло чудесное октябрьское утро. Небо было голубым, хотя по низине в сторону моря стлался густой туман. Арандель лежал внизу, за туманом, но влажные от росы серые каменные стены замка сияли в лучах утреннего солнца, возвышаясь над пеленой. Сказочный замок, яркий, загадочный, исполненный неведомой силы.

Люди говорили: живущие в тени замка разбогатеют или сгорят. Дом мастера Хобарта стоял под самыми стенами.

Высоко в небе грациозно кружился канюк. Бросив мешок, Кирон наблюдал за птицей. Какие легкие движения, какая свобода! Он завидовал ей. Завидовал легкости покорения воздуха.

— Придет день, канюк, — промолвил Кирон, — и я поднимусь вверх вместе с тобой. Я поднимусь еще выше. Я буду смотреть на тебя сверху. Ты поймешь, что люди вторглись в твои владения. Поймешь, что люди снова завоевали небо.

Кирон наклонился за мешком и увидел одуванчик. Пушистый, полный семян. Он сорвал цветок, запрокинул голову, дунул. Семена воспарили. Сплетения тонких, как паутина, нитей поддерживали их в воздухе, не давая опуститься на землю.

Кирон любовался, завороженный. Несколько семян, подхваченные неощутимым дуновением ветерка, поднялись вверх и исчезли в свете утреннего солнца... Даже пушинки умеют танцевать в воздухе! Привязанность человека к земле просто унизительна.

Кирон вздохнул, поднял мешок из оленьей шкуры и решительно зашагал к Аранделю.

3

Пришла зима и забелила землю, укутала холмы морозным туманом, набросила на деревья, траву, заборы и стены домов тончайшую снежную паутину, нанесла на реку Арун ледяные разводы и сделала воздух острым, как яблочное вино.

Зимой Хобарт много кашлял и мало писал. Сырость въелась в его кости и терзала его грудь. Большую часть времени старик сидел у огня, набросив на плечи шаль или тулуп из овечьей шкуры, и размышлял о проектах, которые он наметил на весну. Следовало подумать о росписи большой стены в замке; сеньор Фитзалан заказал ему символическую работу, прославляющую Лудда и отображающую падение Первых Людей. Кроме того, поступил заказ из Ордена Священного Молота.

Готовила мастеру Хобарту и убирала в его доме вдова Тэтчер. Она варила питательные бульоны из кролика, фазана, барашка или оленины с пастернаком, грибами, морковью, картофелем и добрым черным перцем, за который сеньор Фитзалан выкладывал немалые деньги шкиперам парусников, ходивших до самых Пряных островов.

Мастер Хобарт зачерпывал несколько ложек вкуснейшего бульона, после чего, кашляя, усаживался у огня. Добросовестно выждав, пока поест хозяин, Кирон набрасывался на еду и ел до тех пор, пока живот не разбухал. После этого требовалась хорошая прогулка по зимним холмам.

В темное время года мастер Хобарт картин не писал, но не позволял бездельничать своему помощнику. Он учил Кирона мастерить угольные карандаши из прямых веточек ивы, раскрывал тайны росписи тканей, знакомил его с новым искусством коллажа и древними секретами смешивания красок. Подмастерью позволялось тратить драгоценное китовое масло и рисовать в сумерках стулья, столы, вазы с фруктами, подвешенных фазанов и даже протестующую вдову Тэтчер.

Мастер Хобарт был стар и сед. Боли в груди ясно давали знать, что число оставшихся ему весен не достигнет двузначной цифры. Но он твердо решил прожить еще восемь лет, необходимых для завершения ученичества Кирона. С благословения Лудда он увидит, как мальчишка встанет на ноги, прежде чем его самого опустят в каменистую почву Сассекса.

Мастер Хобарт позволял себе одну маленькую тайную ересь, настолько маленькую, что Лудд наверняка простил бы его. Он позволял себе думать, что Кирон — его родной сын. Хобарт никогда не был близок с женщиной, ему хватало его искус-

ства. Но сейчас он страстно мечтал о сыне, и большего, чем этот смышленый мальчик с яркими глазами, и пожелать было невозможно.

Кирон был избавлен от обычных тягот ученичества. Его отлично кормили, он имел много свободного времени, и мастер Хобарт опустил в его кошелек немало серебряных монеток.

Кирон принимал такое отношение. Он любил старика и ничего не имел против его претензий на отцовство. Кроме того, Хобарт был истинным кладезем знаний, а знания Кирон ценил превыше всего.

По вечерам, прежде чем Хобарт отправлялся спать, они подолгу сидели у камина, глядели в огонь, обмениваясь образами и фантазиями, неторопливо беседовали. Хобарт что-нибудь пил от болей и кашля: ирландское виски, аквавит или «живую воду» — в зависимости от того, какое судно торговало в порту. Вечерние возлияния подвигали его на обсуждение вопросов, которых он не касался в трезвом виде. Он говорил о Первых Людях и о Вторых Людях. Он мог порассуждать даже о машинах.

— Мастер Хобарт, учитель говорит, что Первые Люди подавились собственным умом. Как это понимать?

— Ну уж! — Хобарт потягивал ирландское виски и наслаждался разливающимся по телу теплом. — Учителю Шрайвенеру следовало бы больше толковать вам о буквах, числах и законах природы, чем о Первых Людях.

— Вчера, когда я рисовал наш дом на фоне замка, мне удалось передать шероховатость стен. Вы сказали тогда, что я умный. Разве ум — это плохо? Не подавлюсь ли я им?

— Не торопись, малыш, дай подумать. Похоже, мне придется учить тебя не только искусству, но и жизни. А также умению правильно мыслить. — Хобарт еще выпил, еще больше согрелся и еще покашлял. — Учитель говорит правду. Первые Люди действительно подавились собственным умом. Они сделали воздух в городах непригодным для дыхания, воду в реках и озерах — непригодной для питья, покрыли плодородную землю мостовыми из камня и железа и отравили море. Они добивались всего с помощью машин, которых обожали безумно. Но этого им показалось мало. Они изобрели другие, ужасные машины, единственным назначением которых было уничтожение людей сотнями, тысячами и даже десятками тысяч. Ракеты, так они назывались — начиненные смертью машины, летающие по воздуху. Да, твой учитель прав. Первые Люди подавились собственным умом... Но твой ум, Кирон, другого рода. Ты познаешь честное искусство, ты не преклоняешься перед механизмами, уничтожающими своих создателей.

— А все машины непременно плохие? — спросил Кирон.

— Да, малыш, все машины несут зло. Тысячу лет назад это понял Божественный Мальчик; тогда машины только начинали уродовать нашу прекрасную землю. И он пошел на них с молотком. Но люди не прислушались к нему, он был схвачен и распят.

На некоторое время воцарилось молчание, нарушаемое только потрескиванием поленьев в камине и кряхтеньем мастера Хобарта, потягивающего виски.

Мало-помалу Кирон осмелел.

— Поговаривают, что в замке у сеньора Фитзалана есть часы. Они тикают и показывают время с точностью до секунды. Часы — это ведь машина, мастер Хобарт? Значит, они несут зло?

Мастер Хобарт пробормотал что-то нечленораздельное. И лишь спустя некоторое время произнес достаточно ясно:

— По мне, ни священник, ни учитель толком этого не объяснили. Пожалуй, ты прав, Кирон, часы — это машина; но для великих мира сего, занятых множеством дел и не располагающих временем, часы есть *необходимая* вещь. Святой Орден делает различие между необходимыми машинами, которые угодны Богу, и ненужными машинами, ему неугодными. Так вот, часы сеньора Фитзалана, которые мне не раз приходилось видеть в замке, изумительная в своем роде вещь — говорят, их сработал лучший мастер Парижа, — безусловно, угодная Господу машина. Кстати, нет никаких свидетельств, что Божественный Мальчик хоть раз разбил часы.

Кирон отметил, что выпито уже немало, и задал вопрос, на который никогда не решился бы при свете солнца.

— Мастер Хобарт, а разрушал ли Божественный Мальчик летающие машины?

— Летающие машины? — озадаченно переспросил мастер Хобарт. — Таких нет.

— Нет теперь, сэр. Но ведь раньше они были? — Кирон покрылся потом. — Вы сами рассказывали мне про ракеты; а я слышал, что были машины, которые перевозили людей по воздуху с огромной скоростью через моря, с континента на континент. Поэтому мне интересно, разрушал ли Божественный Мальчик летающие машины?

— Лудд, спаси и сохрани нас! — Мастер Хобарт почесал голову. — Летающие машины! Подумать только! Лучше бы мне об этом не говорить!.. Так ведь, Кирон, мальчик мой, они появились гораздо позже Неда Лудда. Полагаю, это произошло, когда Первые Люди окончательно свернули с праведного пути. Это произошло, по моим подсчетам, примерно за сто или двести лет до Великого разрушения.

Взглянув на уровень виски в зеленой фляге, Кирон решил не упускать случая.

— Говорят, что у Вторых Людей тоже были летающие машины. Наверное, если цель таких машин не уничтожение людей, а перевозка полезных грузов на большие расстояния, то нельзя считать их злом?

Мастер Хобарт вытаращил глаза, попытался сфокусировать взгляд, потом сделал внушительный глоток, после чего почесал голову и сказал:

— Все-таки они были злом, Кирон. Наверняка.

Кирон глубоко вздохнул.

— Придет день, и я построю летающую машину. Необходимую. Она не будет служить злым целям, она будет служить добру.

Мастер Хобарт встал, покачнулся и посмотрел на своего ученика.

— Ты будешь писать картины, Кирон. И ты будешь писать их хорошо. Да хранит тебя Лудд от опасных фантазий!.. Помоги мне добраться до комнаты.

4

В пятнадцать лет Кирон стал видным парнем. Благодаря заботам мастера Хобарта и блюдам вдовы Тэтчер он вырос, раздался в плечах и обрел уверенность в себе. Внешне Кирон ничуть не походил на начинающего художника; скорее его можно было принять за молодого фермера или охотника. На деревенских празднествах он бегал, боролся и метал копье не хуже прочих юношей округи; хотя и заставлял временами мастера Хобарта нервно жмуриться и подкрепляться глоточком французской водки, особенно когда летел кувырком в

песочную яму или попадал в борцовский захват, от которого трещали суставы. Хобарт не боялся, что Кирону свернут шею; он опасался за его руки. Какой может быть художник со сломанными пальцами?

К тому времени Кирон достиг в живописи больших успехов. О большем для ученика его возраста мастер Хобарт не мог и мечтать. «Коньком» Кирона по-прежнему оставался рисунок. Хобарт не уставал радоваться уверенности и смелости линий; вместе с тем начинало проявляться истинное, глубинное чувство цвета и фактуры — признак рождения настоящего художника. Поражало также и овладение технической стороной процесса. Смешивая краски и масло, Кирон научился получать изумительный основной цвет. Кроме того, без малейшей помощи со стороны мастера Хобарта Кирон изобрел два способа получения более чистого масла из семян льна. Первый способ был прост до изящества: масло разливалось в кувшины и выдерживалось до тех пор, пока все примеси не оседали на дно. Однако по-прежнему неудовлетворенный полученным результатом, Кирон решил добавлять едкий натр, который растворял неосевшие примеси. В результате получилось абсолютно чистое масло, прозрачное, теплое, золотое. Идеально пригодное для живописи.

Хобарт поинтересовался у мальчика, как тот пришел к таким методам очищения. Ответ несколько встревожил его.

— Вы всегда жаловались на получаемые нами цвета, — сказал Кирон. — Но красители были хорошими, значит, причина крылась в масле. Я налил масло в чистую флягу и стал его изучать. С виду все было нормально. Тогда я оставил флягу до следующего дня. И снова ничего не заметил, но на третий день я увидел, что на донышке скопилось немного грязи. Я дал маслу постоять еще. Спустя семь дней образовался осадок, а масло во фляге стало чище. Тогда я понял, как важно иногда подождать.

— Но едкий натр? Как ты догадался, что едкий натр даст еще более чистое масло?

— Я не догадался, — с улыбкой произнес Кирон. — Мне просто показалось, что процесс очищения еще не завершен. И я стал экспериментировать.

— Экспериментировать? — Хобарт был потрясен. От эксперимента один шаг до ереси.

— Я делал опыты с солью, уксусом, слабым и сильным раствором соды. Я бы проверил и много других веществ, если бы их можно было достать.

— Малыш, — пробормотал Хобарт, — ты меня пугаешь.

Кирон рассмеялся.

— Иногда я пугаю сам себя... Вам понравилось льняное масло?

— Замечательная вещь, Кирон. Мы могли бы сколотить целое состояние, продавая его другим художникам.

— В таком случае, мастер, не продавайте его никому и будьте величайшим художником нашего времени.

Слезы подступили к глазам Хобарта. Такое случалось нечасто, разве что когда приступы кашля разрывали его на части.

— Малыш, я вижу, ты меня любишь, и горжусь этим. Я также вижу, что ты осенен величием, и этим я тоже горжусь, хотя и со страхом... Кирон, сжалься над стариком. Очищенное масло — настоящее чудо. Но будь осторожен в своих экспериментах. Орден... Орден не любит новых идей. Будь благоразумным, мой мальчик.

— Думаю, все эксперименты неосторожны, — проговорил Кирон. — Однако я буду благоразумным. Я не хочу, чтобы вы или мои родители пострадали из-за меня.

Петрину в те дни Кирон видел редко. Времена, когда они убегали вдвоем на холмы, ушли в далекое прошлое. Теперь они виделись в официальной обстановке в присутствии родителей. Они виделись главным образом в церкви, на ярмарках, посвященных четырем временам года, и по святым праздникам, когда все люди в округе откладывали работу, одевались получше и шли к родственникам или друзьям, а то и просто прогуливались по улицам, слушая игру музыкантов сеньора Фитзалана.

Иногда Кирон сталкивался с Петриной случайно, но долго они не говорили: боялись длинных языков. Кирон возмужал, а Петрина стала настоящей красавицей. Волосы девушки опускались ниже талии роскошной волной, в глазах горел голубой огонь, а губы призывно набухли. Веснушки и мальчишеская угловатость пропали, фигура приобрела женственную округлость. Обычно уверенный в себе Кирон становился в ее присутствии косноязычным. И тем не менее он знал, что на всех деревенских игрищах она смотрит только на него — ему даже не надо было на нее оглядываться, и это придавало Кирону странную силу. Еще три года, и она станет его женой. Поистине, его отец заключил отличный контракт с кузнецом Шолто.

Кирон по памяти сделал несколько рисунков Петрины, которые потом развесил над кроватью. Хобарт внимательно на них посмотрел и не сказал ничего. Когда дело касалось подобного, от художественной дисциплины мальчика не оставалось и следа. Результат, однако, завораживал.

Но даже Петрина не могла отвлечь Кирона от всепоглощающей идеи покорения воздуха. Вот уже несколько лет, как он скрупулезно изучал все, что хоть как-то могло перемещаться в воздухе: облака, насекомых, птиц, несомые ветром семена и даже осенние листья. Летними вечерами, когда не было срочной работы и мастер Хобарт с удовольствием дремал на солнышке, Кирон ложился в сладко пахнущую траву и вслушивался в притяжение земли, гибкую, невидимую силу, тянущую его к центру мира. Он поднимал взор и видел, как лениво плывут по небу облака, как купаются в синеве жаворонки, словно волшебным ножом режут воздух ласточки, мечутся и подпрыгивают, преодолевая невидимые преграды, бабочки, как зависают в воздухе стрекозы.

Неужели человек навеки привязан к земле? Говорили, будто когда-то люди даже высаживались на поверхность Луны. Кирон не слишком доверял легенде, но в том, что в былые времена человек наслаждался свободой полета, сомнений не оставалось. И еще насладится, что бы там ни твердили служители Лудда!

Пока же оставалось мучиться, глядя на несущиеся по небу рваные облака, зная, что они состоят из воды, которая значительно тяжелее воздуха, и все равно летят в лазурной выси. Оставалось томиться, наблюдая, как хищные птицы парят, кружатся и, едва качнув крылом, поднимаются выше и выше, постепенно превращаясь в точку.

Кирон сравнивал их легкие движения с исступленными усилиями пчелы, вынужденной так часто махать крыльями, что они становились невидимыми. Гудение тонких мембран напоминало юноше рев старинных моторов, звука которых он никогда не слышал.

Поистине, массу тайн хранят рожденные летать. Поистине, должен тогда существовать и иной способ покорения неба.

Кирон принялся экспериментировать с воздушными змеями. Это не запрещалось учителями. Змеи считались не машинами, а игрушками. Их запускали многие мальчишки — безобидное занятие, хотя для пятнадцатилетнего юноши, которому оставалось меньше трех лет ученичества, конечно, несколько запоздалое.

Видя ветреными осенними вечерами Кирона со шнурком от уходящего в синеву змея, взрослые поднимали брови, удивляясь не высоте полета, а долготерпению мастера Хобарта. Не иначе, как старик впал в детство или в немилость у сеньора Фитзалана; в любом другом случае шалопаю нашлось бы дело посерьезней.

Сверстники реагировали активнее — вовсю потешались, что Кирон воспринимал очень спокойно. Его считали полоумным и называли Кирон Голова-в-Облаках, потому что он постоянно смотрел вверх. Дальше других пошел Эйлвин, ученик мельника.

Широкоплечий, крепкий Эйлвин всегда завидовал Кирону. Причин тому было две. Эйлвин не хотел быть мельником. Он с детства любил рисовать и раскрашивать и больше всего на свете желал стать учеником мастера Хобарта. Кроме того, дело касалось Петрины. Эйлвин был помолвлен с Джоаной, дочерью Лодовика, шорника. В лучшем случае Джоану можно было назвать унылой, лишенной обаяния девушкой. Детей, правда, она должна была рожать хорошо, да и в женских ремеслах была искусна, но к тем девушкам, от которых сердца парней то замирают, то колотятся изо всех сил, Джоана не относилась.

Эйлвин простил бы Кирону то, что он стал учеником мастера Хобарта. Он простил бы ему и то, что его помолвили с Петриной. Но он не мог простить ему и того, и другого. И потому однажды вечером, когда только что сработанный Кироном змей поднялся невероятно высоко, а ничего не подозревавший Кирон старался поднять его еще выше, Эйлвин, отбросив приличия, подскочил к Кирону и перерезал шнур. Ветер был сильный. Змей несколько раз дернулся, как безумный, после чего понесся к югу, в море.

Кирон ошарашенно уставился на Эйлвина.

— Зачем ты это сделал?

— Затем, что ты придурок.

— Разве я не имею права на придурь, если мне так нравится?

Эйлвин растерялся, но пути назад уже не было.

— Нет. Ты должен быть таким, как мы все. Запускать змеев можно детям. Мы уже вышли из этого возраста.

— Однако ты еще не вышел из возраста, когда наказывают битьем. Я долго придумывал эту конструкцию. И ты сейчас получишь по заслугам.

— Попробуй, тронь! — завопил Эйлвин. — Давай, попробуй!

Особой уверенности он, впрочем, не чувствовал, хотя и был сильнее Кирона. Но Кирон обладал гибкостью тела и ума — чудесная комбинация.

— Послушай, Эйлвин, — спокойно сказал Кирон, — ты действительно заслужил наказание. Мне жаль.

Юноши стояли друг перед другом. Эйлвин верил в силу и сомневался в тактике; Кирон верил в тактику и не был уверен в силе.

Эйлвин кинулся в атаку. Схватить Кирона покрепче — и дело решено. Но Кирон не стоял на месте. Мощным прыжком он перелетел через голову противника. Эйлвин опешил, обернулся и тут же получил великолепный удар в прыжке.

Искры посыпались у него из глаз, мир погрузился во тьму, и юноша рухнул на землю. Потом зрение вернулось: Эйлвин увидел спокойно ожидающего его Кирона. С яростным криком он вскочил на ноги и снова кинулся на противника, готовый на этот раз к его уверткам. Однако их не последовало. Кирон, похоже, собрался встретить удар плечом, что было, конечно, глупо, учитывая значительный вес Эйлвина. Но в самый последний, удачно выбранный момент Кирон пригнулся. Не сумев остановиться, Эйлвин беспомощно распластался на его спине, и в этот миг Кирон резко выпрямился. Эйлвин перевернулся в воздухе и с тяжелым стуком хлопнулся спиной о землю. Подняться он не смог. Голова раскалывалась, в ушах стоял гул, все тело болело.

Кирон стоял над противником.

— Ты жалеешь, что перерезал шнур?

— Да проклянет тебя Лудд! — Эйлвин попытался схватить Кирона за ногу.

Кирон наступил ему на руку, придавив ее к земле.

— Жалеешь?

Эйлвин застонал от боли.

— Будь ты проклят в аду и еще глубже! Я никогда не пожалею! У тебя есть мастер Хобарт, и у тебя будет Петрина. Да покарает меня Лудд, если когда-нибудь... — Эйлвин потерял сознание.

Когда он пришел в себя, Кирон легонько похлопал его по лицу.

— Оставь меня в покое, парень. Ты можешь переломать мне все кости, Кирон Голова-в-Облаках, но я никогда не пожалею о содеянном. Клянусь тебе!

Кирон осторожно помог ему сесть и сам присел рядом.

— Почему ты заговорил о мастере Хобарте и Петрине?

Побледнев, Эйлвин поднял глаза.

— Ты имеешь все, о чем я когда-либо мечтал, — проговорил он, задыхаясь от рыданий. — И все равно играешься как ребенок.

Неожиданно Кирон все понял.

— Ты хочешь рисовать?

— Да, смерть Лудду, я хотел рисовать. Но мне придется только молоть зерно.

— А Петрина?

Эйлвин поморщился.

— Можешь радоваться. Я помолвлен с Джоаной.

— Прости меня, — сказал Кирон просто. — Я не знал всех сил.

— Каких сил ты не знал? — ошарашенно спросил Эйлвин.

— Тех, которые заставили тебя перерезать шнур. С Петриной ничего не поделать. Я ее люблю и на ней женюсь. А вот с другим вопросом, может быть, что-нибудь и получится...

— Ничего с этим не получится, — пробормотал Эйлвин. — Мельник не рисует картин, и его ученик тоже. Вот и все.

Кирон улыбнулся.

— Разве есть какой-нибудь закон? Разве сеньор Фитзалан объявил, что, если мельники станут рисовать, их надлежит казнить?

— Ты смеешься надо мной, — проговорил Эйлвин. — А кроме того, кто станет учить меня рисовать? Кто даст мне холст и краски?

— Я.

Эйлвин замер с открытым ртом.

— Ты? Но почему?

— А разве у нас есть причина для вражды, Эйлвин? Должны ли мы стать врагами из-за решений, которые были приняты без нашего участия?

— Нет, но...

— Тогда послушай. Я хотел бы иметь тебя своим другом. Придет день, и мне очень понадобится такой друг. Что касается Петрины, то здесь я ничего

не могу и не буду делать. А мастеру Хобарту я служу хорошо, и он меня любит. Он даст мне холст и краски и не станет задавать вопросы, на которые я не захочу отвечать... Я научу тебя рисовать, Эйлвин. Ты доволен?

Эйлвин протянул руку и сжал предплечье Кирона. Кирон сделал то же самое, скрепив таким образом древнюю клятву взаимной верности.

— Я доволен. Клянусь Молотом Лудда, я более чем доволен. Но почему ты так поступаешь?

— Мы пожали руки, значит, мы связаны клятвой. Решено?

— Решено.

— Тогда я кое-что тебе скажу, Эйлвин. Ты хочешь рисовать, но тебе уготовано стать мельником. Я хочу строить летающие машины, но мне уготовано стать художником. По отдельности нам придется смириться с судьбой; вместе же мы сможем бросить ей вызов. Ты будешь мне верен?

— До конца. Однако ты правильно сказал: рисующий мельник закона не нарушает, но летающие машины... Твое будущее опасно, Кирон Голова-в-Облаках!

Кирон улыбнулся дразнилке, теперь совершенно беззлобной.

— Законы придумывают люди. И люди их изменяют... Змей, шнур которого ты перерезал, был не просто игрушкой, Эйлвин. Я ставил эксперимент. Это был экспериментальный проект змея, способного поднять человека в воздух.

— Не продолжай, Кирон. Тебя отправят на костер.

— Послушай. Я открыл закон — когда придет время, он не даст луддитам и пальцем пошевелить.

— Что за закон?

— Закон исторической необходимости, — сказал Кирон. — Рано или поздно станет необходимо, чтобы человек снова поднялся в воздух. Но пока придется работать втайне.

— Я боюсь за тебя, Кирон.

— Я и сам боюсь, Эйлвин. Но нас связывает договор, тебя и меня. Я передам тебе свое умение, и ты будешь счастлив.

— А что ты попросишь у меня взамен?

— Не знаю. Честно, не знаю. Я попрошу твоей помощи, это точно. И риск может оказаться велик. Может быть, речь пойдет о твоей жизни. Хотя я постараюсь этого избежать.

Эйлвин поднялся. Встал и Кирон. Они снова сжали друг другу руки.

— Лучше быть мертвым художником, чем живым мельником, — пошутил Эйлвин.

— Еще лучше быть живым художником и живым летать по воздуху, — сказал Кирон.

5

Юной госпоже Эликс Фитзалан, проклятию сеньора Фитзалана, было семнадцать лет. Слава Лудду, через год она повенчается с молодым сеньором Тальботом из Чичестера.

Сеньор Фитзалан считал дни до этого благостного момента. Он желал Тальботу счастья, хотя и сильно сомневался, что союз с его дочерью может сделать кого-то счастливым. Между тем политические соображения требовали единства Тальботов и Фитзаланов. Вместе они контролировали почти все южное побережье — что было весьма удобно в мирные времена и вдвойне удобно во время войн. Которые Лудд запрещал.

Эликс знала, что ей уготована судьба жертвенного ягненка, и вела себя соответствующим образом. Как старшая дочь в семье, она обладала массой привилегий; как ключ к владениям на побережье, она могла требовать у сеньора Фитзалана все, что ей вздумается, пока брачный контракт не лег в его сейф.

И в этом своенравная Эликс себе не отказывала. Она требовала потех, пиров, развлечений. Все знали, что Тальбот из Чичестера — юноша болезненный, с частыми кровотечениями из носа. Агенты Эликс доносили, что долго он не протянет. Не любя его, девушка все же надеялась, что жених доживет до свадьбы и они успеют завести сына. Тогда она сравнится во власти с отцом.

Пока же она крутила Фитзаланом, как хотела. Он не мог рисковать брачным союзом.

Эликс безумно любила лошадей. Казалось, она любила их больше всего на свете. Вполне естественно, что однажды девушка потребовала свой портрет верхом на лошади, в прыжке через ворота из семи бревен.

До того дня уже существовало пять портретов Эликс. Два из них висели в замке, один отправили в Лондон, а два были подарены Тальботу.

Все пять портретов написал мастер Хобарт. Когда ему заказали шестой, он в ужасе воздел к небу дрожащие руки.

— Сеньор Фитзалан, как я смогу запечатлеть вашу дочь на коне, да еще прыгающую через ворота в семь бревен?

— Не знаю, мастер Хобарт, да мне и нет до этого дела, — спокойно ответил сеньор Фитзалан. — От этого зависит мир в моей семье, во всяком случае на время, и я требую, чтобы картина была написана.

— Но сеньор...

— Никаких «но», господин художник. Причем постарайся, чтобы лошадь вышла такой же привлекательной, как и всадница. У меня прекрасная конюшня; люди должны это увидеть.

— Слушаюсь, сеньор.

— Да успокойся, наконец! Дрожишь как осенний листок. Надеюсь, ты не будешь так трястись с кистью в руке?

— Нет, сеньор, — поспешно ответствовал мастер Хобарт, — это дрожь от волнения. Когда в моей руке кисть, она тверда, как камень.

— Если ей достанет твердости хорошо изобразить всадницу и лошадь, я оценю это в пятьсот шиллингов.

— Благодарю вас, сеньор.

Нахмурившись, Фитзалан сурово уставился на старика.

— Но если полотно мне не понравится, ты его съешь!

— Да, сеньор, благодарю вас.

Крепко сцепив перед собой руки (отчасти, чтобы скрыть дрожь) и низко кланяясь, как приговоренный, чью казнь только что отложили, мастер Хобарт удалился.

— Хобарт!

— Да, сеньор?

— Подожди. Эта картина... Ты начинай работать, мастер Хобарт, но не спеши. Понял?

— Да, сеньор, — тупо ответил художник, хотя не понял ничего.

— Мисс Эликс — очень послушная и любящая дочь. Вместе с тем она... как бы это выразиться... бывает нетерпеливой, если не сказать, упрямой.

— Точно так, сеньор.

— Нет, не точно так! Черт бы тебя побрал. Неужели ты и впрямь так бестолков?

— Я понял, сеньор. Вся округа знает, что мисс Эликс...

— Хобарт, ты выживший из ума старик. Ты ничего не понимаешь в женщинах.

— Ничего, сеньор.

Неожиданно до Фитзалана дошло, что Хобарт действительно выживший из ума старик, ничего не понимающий в женщинах.

— Прости, меня, старина. Я был груб с тобой.

— Вы оказываете мне слишком много чести, сеньор.

Фитзалан улыбнулся.

— Поделюсь с тобой как с другом, Хобарт. У мисс Эликс, да благословит ее Лудд, весьма странные причуды. Ей нужны потехи и развлечения. А женские развлечения дорого стоят, Хобарт. Взять эту картину. Сможешь сделать ее за неделю?

— Видите ли, сеньор...

— Сможешь или нет?

— Да, сеньор.

— Вот мы и дошли до главного. Ты не сделаешь ее за неделю, мастер Хобарт. Ты не сделаешь ее и за месяц. Тебе потребуется время. Много времени. Ты должен сделать массу набросков и извести мою дочь позированием, или как оно там называется. Работать много и долго, ясно?

— Ясно, сеньор.

— Мисс Эликс будет тебя ругать. Я выскажу свое недовольство. Но ты не торопись. Понимаешь меня, Хобарт?

— Да, сеньор.

— У мисс Эликс слишком много свободного времени. Ты займешь ее время, сколько сможешь, только чтобы это не бросалось в глаза. И... твой ученик, толковый ли он парень?

— О сеньор! — Хобарт почувствовал себя увереннее. — Это самый смышленый и работоспособный молодой человек, его успехи в обращении с кистью, мелом, карандашом, углем и угольным...

— Довольно! Ни к чему перечислять его воинские доблести. Я видел парня возле замка, Хобарт, да и во владении встречал не раз. Весьма приятный юноша. Да, весьма приятный. Пусть он прислуживает мисс Эликс. Пусть выезжает с ней, гуляет. Пусть сделает побольше этих, как вы, черт побери, их называете?

— Предварительных набросков? — рискнул Хобарт.

— Набросков, рисунков, что хочет, но чтобы два месяца у девчонки не было ни одного свободного дня, а лучше и вечера тоже. Понял?

— А как же мисс Эликс, сеньор? Ведь она устанет...

— Плевать на мисс Эликс! Женщины не устают, когда на них смотрят или когда вокруг вертятся восхищенные художники... Семьсот пятьдесят, Хобарт, и ни пенни больше. Ты выслушал мои требования. Теперь ступай.

Хобарт попятился, на лбу у него выступил пот. Безусловно, новые заботы можно утопить только во французской или шотландской водке. Характер мисс Эликс был хорошо известен. Кроме того, с печальной ясностью Хобарт осознал, что никогда не был силен в лошадях.

6

Мисс Эликс доводила Кирона до отчаяния. Это была необузданная юная леди. Дикая, очаровательная, властная, скучающая. И умная. Достаточно умная, чтобы сообразить, что Кирона принесли в жертву, дабы ее умилостивить; перед ней мальчик для битья. Как бы то ни было, применять хлыст ей нравилось — и на словах, и на деле.

В первое же утро, когда Кирон явился с угольными палочками, бумагой и мольбертом, она принялась изводить его едкими замечаниями по поводу его костюма, акцента, происхождения, невежественности.

Кирон установил мольберт и приступил к работе. Но рука его дрожала, и рисунок выходил ужасно. Кирон это видел; девушка тоже.

Мастер Хобарт, как мог, осторожно объяснил Кирону его миссию.

— Видишь ли, сынок, — старик все чаще прибегал к такому обращению, — здесь замешаны дипломатические соображения. Сеньор Фитзалан был со мной совершенно откровенен. Он хочет, чтобы мисс Эликс несколько отвлекли. Я уже стар для таких дел. Поэтому...

— Поэтому дежурной обезьянкой буду я, — сказал Кирон спокойно.

— Я бы не стал определять твою роль такими словами. — Хобарт не сумел скрыть раздражения. — Твоя задача — наброски, без которых нам не обойтись при выборе окончательной композиции.

— Обезьянка с кисточкой, — сделал уступку Кирон. — Картину будете писать вы. А я должен затягивать дело, пока вы с сеньором Фитзаланом не решите, что момент наступил.

— Нет же, нет! — запротестовал Хобарт. — Писать портрет будешь ты.

— Вы доверите мне?

— Кирон, я готов доверить тебе свою жизнь. Кроме того, посмотри на мои руки, малыш. Вот, посмотри.

Мастер Хобарт протянул руки. Они ужасно дрожали. Резко обозначились вены, суставы распухли, пальцы скрючились. Такими руками уже не нарисовать даже правильной окружности.

— Простите меня, мастер Хобарт. Пожалуйста, простите меня.

— Не надо извиняться, сынок. Не надо. У меня есть ты. Сеньор Фитзалан не знает, что я покончил с живописью.

— Вы не покончили с живописью, мастер.

— Послушай меня. Послушай. Картина будет подписана «*Хобарт*». В последний раз я поставлю свою подпись... Но когда сеньор Фитзалан одобрит работу, я расширю подпись. Она будет читаться «*Хобарт и Кирон*». Ты доволен?

От потрясения по лицу Кирона побежали слезы.

— Мастер Хобарт, это невозможно.

— Возможно, и я это сделаю. Будешь ли ты доволен?

— Более чем доволен. У меня нет слов.

— Сейчас, только сейчас, я прошу тебя назвать меня отцом. И еще я прошу тебя нарисовать мисс Эликс с честью для нас обоих.

— Отец, я сделаю все, что в моих силах, — промолвил Кирон.

— Я удовлетворен. Твоих сил вполне хватит... Сеньор Фитзалан готов выложить за удачный портрет семьсот пятьдесят шиллингов.

— Семьсот пятьдесят шиллингов!

Впервые Кирон услышал, что мастер Хобарт заговорил о деньгах. Названная сумма была огромной. Официальное жалованье самого Кирона составляло десять шиллингов в год.

— Учти, что сюда включена плата за потраченное время и все хлопоты, связанные с предварительными набросками, которые, Лудд милостив, займут свободное время мисс Эликс в течение ближайших восьми недель.

— За волокиту платят больше, чем за сам портрет!

— Не наше дело, сынок, препарировать щедрость сеньора Фитзалана. А сейчас слушай меня внимательно. Ты видел мои руки. Кроме того, ты должен знать, что лошадей я рисую... менее удачно, чем все остальное. Странная история с этими лошадьми. Однако у всех художников есть свои слабости. Впрочем, я отвлекся... Главное — портрет выпол-

нишь ты. Хороший портрет, в этом я не сомневаюсь. А по подписи мир поймет, что ученик превзошел своего учителя. Но вернемся к гонорару. С согласия сеньора Фитзалана двести пятьдесят шиллингов будут отправлены мастеру Жерарду, чтобы таким образом подтвердить, что дитя его плоти и моего духа — один и тот же человек. Двести пятьдесят шиллингов будут ожидать твоего совершеннолетия и окончания ученичества, оставшиеся двести пятьдесят я беру себе как плату за твое обучение и распоряжаться этими деньгами волен по своему усмотрению. Устраивает ли тебя такое соглашение, Кирон?

Некоторое время Кирон не мог вымолвить ни слова.

— Мастер Хобарт, доброта ваша безгранична. Но одного я принять не смогу: такую подпись.

— Ты же видел мои руки. Я больше не в силах писать. Конечно, простые работы — набросать рисунок, продумать композицию... Но писать картины я больше не могу.

— Я не соглашусь на такие условия! — крикнул Кирон.

— Сынок, трудно спорить с фактами, — проговорил Хобарт.

— Сэр, вы подпишите картину «*Хобарт*», или я прекращаю ученичество и начинаю жить продажей очищенного масла.

— Но почему? Почему? — Хобарт не мог понять причины, по которой Кирон отказывался от славы.

А Кирон никак не мог найти верных слов.

— Потому, что мне выпало счастье служить и учиться у вас, сэр. И я горжусь уже одним этим.

Чтобы скрыть эмоции, Хобарт зашелся в приступе кашля. Кирон принес ему флягу с ирландской водкой.

В то утро, когда он впервые направился в замок рисовать мисс Эликс, лил проливной дождь, что в некотором смысле было хорошо. Кирон хотел несколько освоиться, прежде чем браться за изображение лошади в движении.

Мисс Эликс, одетая в халат из голубого шелка, подрубленный чуть ниже лодыжки и чуть выше груди, приняла его в продолговатом зале, заставленном полками с множеством книг. Столько книг Кирон не видел никогда в жизни. Широко открыв рот, он жадно рассматривал библиотеку.

Мисс Эликс оторвала взгляд от клавикордов.

— Ну что, ты намерен пялиться на книги или все-таки попробуешь нарисовать меня?

— Простите, мисс Эликс.

Кирон неуклюже протопал по дорогому персидскому ковру, оставляя за собой мокрые следы.

— С тебя капает больше, чем с прачки, мужлан. Может, приказать выставить тебя на улицу?

— Там с меня будет капать еще больше, госпожа. От вашего внимания не могло укрыться, что небеса сегодня разверзлись.

— Не напрягай умишко, подмастерье. И помни, что ты имеешь дело с человеком высокого происхождения.

— Еще раз прошу меня простить, мисс Эликс.

— Приступай к работе, парень, и больше не болтай.

— Слушаюсь, госпожа. Не могли бы вы некоторое время не двигаться? — Стула Кирону не предложили, он опустился на корточки и прикрепил бумагу к мольберту.

— Я буду двигаться тогда, когда найду нужным, — отрезала мисс Эликс. — У тебя слишком длинные волосы, к тому же ты чем-то воняешь. Вряд ли мне удастся долго тебя вынести.

Кирон прикусил язык и достал из сумки угольную палочку.

— Я слышала, ты помолвлен с Петриной?

— Да, госпожа.

— Она хорошенькая. Но до чего же ты нелеп!.. Бедная девочка. Нам, женщинам, редко везет с теми, кого для нас выбирают.

— Да, госпожа.

— Меньше болтай, мужлан. Давай трудись.

Рука Кирона сильно дрожала. Линии были ужасны, и Кирон понимал, что первый рисунок получится в лучшем случае карикатурой.

— А ну-ка, дай я посмотрю, что ты нарисовал. Бывает, что у дурно одетого человека, сына крестьянина, оказывается талант.

Мисс Эликс наслаждалась. Этого олуха она изжарит на медленном огне.

— Госпожа, первый рисунок всего лишь проба, — в отчаянии пробормотал Кирон. — Он не достоин вашего внимания.

— И тем не менее я на него взгляну. — Девушка поднялась со стульчика у клавикордов и подошла к Кирону. — Лудд милосердный! Ты рисуешь, как паралитик. Убирайся, мальчишка! Я не желаю тебя больше видеть.

— Да, госпожа Эликс. Простите, мне очень жаль.

Кирон принялся собирать мольберт, бумагу и палочки. Уйти и тихонько где-нибудь повеситься представлялось ему лучшим выходом из положения.

— До завтра, — добавила мисс Эликс вкрадчивым тоном. — Приходи в это же время, мальчик. И молись, чтобы обстоятельства сложились удачнее.

Весь в поту, Кирон убежал. Он не повесился. Однако ночью его мучили кошмары.

7

На следующий день тоже шел дождь. Но Кирон принял меры: прикрыл мешковиной голову и плечи, а все материалы уложил в плотную сумку. Туда же он засунул и пару ботинок. Войдя в замок, Кирон попросил, чтобы ему дали время причесаться и сменить обувь.

Мисс Фитзалан как и накануне сидела за клавикордами в полном книг зале.

— Ну, мальчик, ты пришел вовремя. Это уже кое-что. Да и выглядишь почище. И это тоже неплохо. Будем надеяться, что сегодня ты не испортишь дорогостоящую бумагу... Ну, что застыл как чучело? Бери какой-нибудь стул, устраивайся и докажи, что мой папочка не швыряет денег на ветер.

Кровь бросилась Кирону в голову. Поток слов готов был сорваться с его губ. Ни одного стула поблизости не было, и он опустился на ковер.

— Надеюсь, ты пришел в чистых штанах, — заметила Эликс. — Этот ковер привезли из далекой страны, о которой ты и не слышал, и стоит он больше, чем ты сумеешь заработать своим жалким талантом за всю жизнь.

— Госпожа, — ответил Кирон мягко, — мои штаны чистые, и я вижу, что этот ковер выполнен в персидском стиле. Привезли его из самой Персии или нет, я не знаю. Говорят, фламандские ткачи научились делать ковры под персов; стоят они значительно дешевле оригинальных, что немаловажно для знатных людей.

Ковер был персидский, и Кирон это прекрасно видел. Но какой-то отпор он должен был дать и поэтому выпалил первое, что пришло в голову.

— Неотесанная деревенщина! — взорвалась Эликс. — Это настоящий персидский ковер!

— Я действительно происхожу из крестьян и

нисколько не сомневаюсь в правдивости ваших слов, — сказал Кирон, стараясь вложить как можно больше сомнения в интонацию. — Позволите ли мне начинать? — Он почувствовал себя лучше.

— Давай, бестолковый, приступай. Царапай бумагу, раз уж больше ни на что не способен. Да постарайся, чтобы сегодня у тебя получилось лучше, чем накануне, иначе, клянусь, шериф моего отца погонит тебя пинками до самой берлоги Хобарта, который, как видно, впал в маразм, если принял тебя в подмастерья.

— Конечно, я не делаю чести мастеру Хобарту, но это лучший художник на всем юге. А портрет вам понравится, мисс Эликс, в этом я вас уверяю.

На некоторое время воцарилось молчание. Кирон рисовал, а Эликс слегка ерзала от нетерпения.

Кирон вдруг поверил, что он сумеет найти ключик к этой знатной юной леди. Как все женщины, она наверняка чувствительна к лести. Что ж, сегодня рука не дрожала, и польстить ей он сможет. Глаза Кирон нарисовал побольше и покрасивее, талию поуже, груди пополнее, волосы заставил литься по плечам сияющим каскадом.

Наконец любопытство пересилило, и девушка сказала:

— Ну, взгляну-ка я на твои потуги, мальчик.

Кирон поднялся, но от долгого сидения в неудобной позе ноги его затекли, и он тут же сел снова.

Эликс расхохоталась.

— Не иначе, у тебя ноги отнялись от страха перед моим недовольством.

Кирон промолчал. Он взял рисунок и, прихрамывая, подошел к клавикордам, где развернул бумагу перед девушкой.

Она погрузилась в созерцание.

— Нос у меня не кривой, — промолвила наконец Эликс, — а уши поменьше. Но по сравнению со вчерашним уже лучше. Может быть, есть надежда.

— Благодарю вас, госпожа.

— Я сказала «может быть», а это значит, что может и не быть. — Она кинула взгляд в окно. — Смотри, дождь перестал. Теперь мы поездим верхом.

— Госпожа, — в замешательстве пробормотал Кирон, — я не езжу верхом. Моя задача сделать несколько набросков в различных положениях и...

— Твоя задача, мальчик, угодить мне. Мастеру Хобарту заказали мой портрет верхом на лошади. Так вот, чтобы получше узнать людей, а заодно и посмотреть, какова я в седле, ты тоже будешь выезжать. Жди здесь, я переоденусь.

Кирон ждал, а книги притягивали его, словно магнит. Какое множество книг! Прекрасных, роскошных книг. Они, должно быть, стары, очень стары. Священники, в силу необходимости, разрешали использовать печатные станки, но лишь для распространения священных текстов. Здесь же были книги не только о жизни и подвигах Неда Лудда, но и труды по всевозможным темным и неясным темам.

Мисс Эликс переодевалась долго. Оставшись наедине, Кирон принялся изучать книги. В основном это были невообразимо старые фолианты. Корешки изгрызли мыши, бумага порыжела и покрылась пятнами времени. На полках стояли биографии владельцев Аранделя, книги по истории, военному делу, сельскому хозяйству, охоте, географии, торговле с далекими странами, а также труды по астрономии. И там же была одна тонкая, невероятно истрепанная, неправдоподобно древняя книга о развитии дьявольских машин, в том числе летающих по воздуху.

Кирон с жадностью схватил ее. Продираясь сквозь трудные и вообще непонятные слова, он читал о людях со странными именами, творивших странные дела, о братьях Монгольфье, Отто Лилиентале, Сантосе Дюмоне, пока не вернулась мисс Эликс.

Кирон виновато захлопнул книжку и поставил ее на место.

— Мальчик, разве я позволяла тебе смотреть книги моего отца?

— Нет, мисс Эликс.

— Тогда и не делай этого. Пошли, покатаемся на лошадях.

Мисс Эликс очень нравилось происходящее. Именно так она все и задумала.

Для Кирона оседлали кобылу, настолько старую и миролюбивую, что, как заметила Эликс, едва научившийся ходить ребенок вполне смог бы ею управлять. Себе Эликс выбрала красивого, норовистого скакуна.

Дождавшись, когда конюхи более или менее устроили Кирона в седле, она поскакала вперед, позволяя коню самому выбирать путь между разбросанными домишками, обозначающими зарождающийся город. Кирон старался не отставать, выбивая зубами дробь и тяжело плюхаясь задом о седло.

Люди с интересом смотрели на мисс Эликс. Женщины приседали, мужчины прикасались к шляпам. Все поражались, что сопровождает ее Кирон, подмастерье, и веселились его неумению держаться в седле. Наблюдая за отчаянными усилиями Кирона, не смогла сдержать улыбку и Петрина. Два или три обнаглевших подмастерья даже позволили себе позубоскалить вслух.

За Аранделем мисс Эликс пустила коня легким галопом. Земля еще не просохла после дождя, но ехать было легко. Правда, не для Кирона. Не обращая на него внимания, старая кобыла вовсю неслась за скакуном мисс Эликс.

Вскоре Кирон бросил поводья и беспомощно повис, вцепившись в гриву несчастной скотины. Было ясно, что рано или поздно он свалится.

Мисс Эликс выбрала путь вдоль берега вздувшейся от дождей реки Арун. Это был коварный выбор, ибо Кирон мог полететь и в воду.

Лудд отвернулся от него, все произошло именно так. Кирон шлепнулся в жидкую прибрежную грязь, приняв часть удара на плечо, а часть на спину. Таких падений он не испытывал даже в борцовских состязаниях.

Эликс хохотала от души.

— Ну, подмастерье, как ты рисуешь, так и ездишь верхом! Давай, садись в седло, мальчик. Не стой чучелом. Я не собираюсь ждать тебя целую вечность!

Из последних сил Кирон взобрался на лошадь. Превозмогая боль, он тронул кобылу с места, но долго в седле не удержался. На этот раз, однако, он предпочел упасть не в реку, а на луг. Дрожа от боли, Кирон встал на ноги и машинально попытался снова взобраться в седло.

— Довольно, мальчик. Ты так перепугал мою бедную лошадь, что она будет сбрасывать тебя каждый раз, едва почувствует твой вес. Бери ее под уздцы, мы возвращаемся. Я поеду медленно. Да смотри, веди ее осторожно, она не привыкла к таким олухам, как ты.

Эликс развернула коня и, не обращая внимания на Кирона, поскакала через Арандель к замку. Измазанный грязью, дрожащий от боли Кирон тащился следом, время от времени нервно поглядывая через плечо на покорную лошаденку.

Собравшиеся жители искренне потешались, стараясь скрыть веселье от мисс Эликс и продемон-

стрировать его Кирону Голова-в-Облаках, чье перепачканное лицо было сейчас обращено к земле. Хуже всего, что Петрина как раз сделала все покупки и возвращалась домой с полной сумкой свежего хлеба. Увидев Кирона, она едва не вскрикнула от ужаса, но мало-помалу выражение ее лица изменилось, и она рассмеялась.

Смех подействовал на Кирона как пощечина.

В замке суровые конюхи приняли у него кобылу. Присланный мисс Эликс лакей с плохо скрываемым отвращением прошелся щеткой по одежде Кирона, сшитой из добротной оленьей кожи и шерсти; сам он был одет в лен и бархат. Кирон подумал, что неожиданная смерть была бы для него сейчас даром небес.

Лудд, однако, не явил своей милости, и Кирон остался в живых. Мисс Эликс с непроницаемым лицом велела ему следовать за ней в библиотеку. Кирон покорно повиновался, намереваясь как можно скорее собрать все свои инструменты и удалиться.

Мольберт и рисунок лежали на персидском ковре; не обращая на них внимания, Эликс направилась к клавикордам. Ее мокрые сапожки оставили грязные отпечатки на рисунке Кирона.

Неожиданно он понял, что его терпение исчерпано. Мужское начало не могло выносить дальнейших унижений от этой испорченной девчонки.

— Хватит, дрянь! — крикнул он. — Я и так многое тебе позволил!

Эликс резко повернулась, растерявшись от изумления и гнева.

— Мальчишка, ты забылся! В моем присутствии ты употребил бранное слово, причем адресовав его мне. За это тебя вышвырнут из замка, твое ученичество будет прекращено, а ты будешь изгнан и обречен на проживание в лесу и питание дикими орехами.

— Только прежде я преподам вам урок! — холодно ответил Кирон. — Запомните, мисс, ваша кровь, может, и благородна, но ведете вы себя похамски.

С этими словами Кирон выдернул девушку из-за клавикордов, перебросил через стул и принялся изо всех сил шлепать по ягодицам.

Эликс завизжала.

Визг ее настолько пришелся Кирону по душе, что он не заметил, как распахнулись двери и в библиотеку вбежали слуги.

Он ничего не замечал, наслаждаясь наказанием мерзкой девчонки, которая корчила из себя даму.

Он ничего не замечал, пока крепкие руки не схватили его сзади, голова зазвенела от удара, и все погрузилось во мрак.

8

Кирон очнулся в подвале замка. Он очнулся от того, что в лицо ему выплеснули ведро ледяной воды. Он очнулся и обнаружил, что руки его прикованы к стене. Он очнулся и обнаружил, что кисти рук у него вывернуты, плечи онемели, а голова раскалывается. Он очнулся и обнаружил, что перед ним на стуле сидит сеньор Фитзалан. Рядом с сеньором Фитзаланом стоит тюремщик замка, а позади его стула — мисс Эликс.

«Они убьют меня, — мелькнула у Кирона невнятная мысль. — Ну и пусть. Лучше умереть как человек, чем жить как овца».

— Ну-с, подмастерье, ты наконец соизволил присоединиться к нам.

Голос сеньора Фитзалана был мягким и приятным, но лицо выражало суровость. Кирон понял, что обречен.

— Простите меня, сеньор, — ответил он с неожиданным для него самого юмором, — я не знал, что вы здесь.

— Ха! — Сеньор Фитзалан позволил себе улыбнуться. — Запомню твою шутку... Ну ладно, парень, ты нанес моей дочери несколько ударов по месту, упомянуть которое не решится ни один джентльмен. Прежде чем я определю твою участь, хочу, чтобы ты знал: такого еще не бывало. Можешь этим гордиться, если хочешь. До сего дня ни один человек, даже я, не смел в гневе поднять руку на мою дочь. Ну, что ты теперь скажешь?

— Ничего, сеньор, — ответил Кирон после короткого раздумья.

Просить о пощаде было глупо. Так же глупо, как и объяснять что-либо.

— Итак, парень, какое, по-твоему, наказание ты заслужил?

— Я, конечно, ударил мисс Эликс, сеньор, но не хотел причинить ей вреда. Это все.

Он поднял взгляд на Эликс. Девушка больше не выглядела властной юной леди. Сейчас она была бледна и несчастна.

«Что ж, — подумал Кирон, — пусть моя смерть останется на ее совести».

— Все? — переспросил сеньор Фитзалан. — Все?

— Может, приободрить его? — вмешался тюремщик.

— Помолчи! — повысил голос сеньор Фитзалан. — Будь у парня хоть немного мозгов, его приободрила бы сама ситуация... Ладно, подмастерье, ты сказал свое слово. Ничего не хочешь добавить?

Кирон задумался. Добавить можно было многое. И с тем же успехом можно было промолчать.

— Молю Бога, сеньор, чтобы мой поступок не отразился на вашем отношении к мастеру Хобарту, доброму человеку и великому художнику, который должен отвечать только за свои собственные поступки. Я также молю, чтобы позор не пал на моих родителей; они и так наказаны моим рождением.

У сеньора Фитзалана запершило в горле, усы его задрожали. Мисс Эликс наклонилась и, не сводя с Кирона глаз, принялась гладить отца по длинным седым волосам.

— Я долго думал, как тебя наказать, подмастерье. Поначалу планировал отрубить тебе голову, в назидание всем прочим шалопаям, которых полно в каждом владении. Но поскольку такое наказание в некотором роде ограниченно и через двенадцать месяцев о нем, как правило, забывают, я начал склоняться к отсечению дерзнувшей руки и выкалыванию нечестивых глаз.

Кирон задрожал. Смерть показалась ему благом.

— Как бы то ни было, — продолжал сеньор Фитзалан, — моя дочь, привыкшая во всем поступать по-своему, придумала для тебя более изощренную кару.

У Кирона пересохло во рту. Значит, даже перечисленные ужасы не могут удовлетворить жажду мести мисс Фитзалан.

— Итак, подмастерье, ты понесешь наказание, определенное мисс Эликс, поскольку она является в данном случае пострадавшей стороной.

— Сеньор, — поспешно пробормотал Кирон. — Я согласен с отсечением головы. Это справедливо.

— Вот как? Решать будешь не ты, парень. Считай, что тебе повезло.

Кирон был уверен в обратном. Топор — это быстро, а вот то, что придумала для него мисс Эликс, наверняка растянется надолго.

— Приговариваю тебя, — сеньор Фитзалан улыбнулся, — к выполнению желания мисс Эликс рисовать надлежащие картины и никогда не поднимать

на нее руку, дабы моя рука не поднялась на тебя... Тебе повезло, мальчишка, что у моей дочери своеобразные капризы, и она умеет по-женски добиваться их исполнения. Ну, что теперь скажешь?

Кирон открыл рот, но не смог произнести ни звука.

— Прикажи его развязать, отец. Он свое получил.

Эликс смотрела на Кирона с состраданием. Это были первые ее слова.

Фитзалан в отчаянии возвел глаза к потолку.

— Наверное, мне никогда не понять женщин!

Потом он кивнул тюремщику, и Кирона расковали. Юноша наконец обрел дар речи.

— Благодарю вас, сеньор, за проявленное ко мне милосердие.

Фитзалан расхохотался.

— Он называет это милосердием, клянусь Луддом! Да если мисс Эликс решила тебе отомстить, о милосердии не может быть и речи!.. Ладно, убирайся отсюда и помолись хорошенько!

9

На следующий день Кирон явился в замок как обычно, но мисс Эликс его не приняла. Подавленный, он вернулся в дом мастера Хобарта, решив, что она передумала и все потеряно: заказ и семьсот пятьдесят шиллингов — все. Кирон прекрасно понимал, что ему повезло, что он легко отделался, но в глубине души был искренне огорчен. Он боялся, что его поведение отразится на отношении к мастеру Хобарту, и старик лишится всех заказов.

Ничего не прибавляя и не опуская, Кирон пересказал происшедшее, стараясь быть как можно более точным. Он ожидал, что Хобарт испугается, испытает к нему отвращение, безусловно, его поколотит и скорее всего прогонит.

Он был прав: Хобарт испугался. Он ошибся: отвращения Хобарт не испытал.

— Я понял, сынок, что мисс Эликс жестоко с тобой поступила. Прости меня. Я знал, что она своевольна, но не думал, что она так уронит свое достоинство. Не переживай, что мы попадем в немилость. Не очень-то мне и нравилось это дело с самого начала. Важно то, что ты остался жив. — Художник попытался засмеяться, но зашелся в приступе кашля, унять который можно было только при помощи ирландской водки. — В любом случае у нас остается великолепное очищенное масло.

— Вы не рассержены? — изумленно спросил Кирон.

— Да, я рассержен: из-за дурного характера страдает талант. Кто такая Эликс Фитзалан? Дочь сеньора Фитзалана и ничего больше. В этом вся ее важность. А ты, Кирон, художник, может быть, гений. Нехорошо, конечно, что ты ее побил, хотя, честно говоря, я рад; мне и самому хотелось это сделать... Ну да ладно. Сеньор Фитзалан достаточно мудр, чтобы не раздувать это дело.

— Спасибо вам, сэр.

— Больше ничего не говори, Кирон. Завтра пойдем ловить форель.

На следующий день, однако, лакей доставил распоряжение из замка. Мисс Эликс Фитзалан желала видеть Кирона, ученика мастера Хобарта, со всеми необходимыми для рисования предметами.

— Ты не пойдешь, — заявил Хобарт. — Скажем, что ты заболел.

— Я обязан пойти, сэр, — возразил Кирон. — Это часть приговора.

Как и раньше, мисс Эликс встретила его за клавикордами. На музыкальном инструменте лежала книга. Кирон узнал ее.

— Доброе утро, мастер Кирон.

Он даже растерялся от подобной учтивости. Кроме того, он не был еще мастером — только подмастерьем.

— Доброе утро, мисс Эликс.

Девушка поднялась и протянула Кирону книгу.

— Ты, кажется, интересовался этим. Возьми, книга твоя.

Кирон был потрясен.

— Вы так добры, мисс Эликс... — Он осторожно взял подарок, лаская его пальцами. — Вы бесконечно добры ко мне. Я... — Кирон замолчал.

Эликс улыбнулась.

— Прошлое забыто. Как ты хочешь, чтобы я позировала?

— Как вам удобно, мисс Эликс. Я могу сделать много набросков, обработать их, а потом мастер Хобарт выберет то, что ему пригодится.

— Кирон.

— Да, мисс Эликс?

— Называй меня Эликс.

Он был потрясен еще больше.

— Да... Эликс?

— Кирон, ни один мужчина никогда меня не бил.

— Простите, мисс... то есть Эликс. Я полагал, что о прошлом забыто...

— Кирон.

— Да, мисс... я хотел сказать Эликс.

Она поднялась и подошла к нему вплотную. Платье шуршало, вокруг распространялся аромат духов, щеки девушки пылали, а глаза светились нежностью. Эликс больше не походила на ледяную принцессу, изводившую Кирона своими капризами.

— Я плохо с тобой обращалась, это ты прости меня. Вчера я проплакала всю ночь из-за того, что вела себя жестоко и глупо, я боялась, что ты меня возненавидишь. Ты ненавидишь меня? Если да, то я должна научиться это переносить.

Кирон не знал, что сказать или сделать. Непонятно почему, но сердце готово было выпрыгнуть у него из груди. На лбу выступил пот, а все тело горело огнем. Наконец он обрел дар речи.

— Мисс, я не ненавижу вас. Поверьте мне, нет. Произошло нечто такое, что... Наверное, я повредился рассудком.

Она улыбнулась.

— Ты не повредился рассудком, Кирон. Во всяком случае, не больше, чем я... Мы друзья, да?

— Да, мы друзья.

Кирон весь дрожал. Собственный голос казался ему незнакомым, чужим. Почему она стоит так близко? Почему в голове такой шум?

— Мы близкие друзья?

— Если вы того хотите.

— А ты не хочешь?

— Эликс... я... я... — Он окончательно смешался.

— Поцелуй меня, Кирон! Дай свои губы!

Он не заметил, как книга выскользнула у него из пальцев.

— Поцелуй меня, — прошептала Эликс, и ее шепот окончательно лишил Кирона способности соображать.

Он держал ее в руках. Он ощущал ее тело. Ее груди упирались в его грудь, а ниже он чувствовал тепло ее живота. А потом он почувствовал на своих губах ее губы.

За это полагались кандалы, темница, бич, дыба — все мыслимые пытки. Но ему было все равно. Ощущать вкус губ мисс Фитзалан, прижимать к себе ее тело.... Ему было все равно.

Наконец они оторвались друг от друга.

— Ни один мужчина не бил меня раньше. Ни один мужчина меня так не обнимал. Ни один мужчина не

целовал меня так. — Эликс выглядела счастливой. — Я люблю тебя, Кирон.

— Любовь страшит меня, — произнес Кирон. — Она разрушает. Но я тоже тебя люблю. Думал, что ненавижу, а оказалось, что ненависть — это форма любви.

Реальность вернулась к Эликс, и она нахмурилась.

— Любовь — хрупкий цветок, Кирон, не больше. Давай наслаждаться им, пока можем. Твоя судьба — это Петрина. Моя — бледное скучное существо Тальбот из Чичестера... Твоя Петрина умеет так целоваться?

— Эликс, я не знаю, я... мы никогда не... — Он окончательно запутался.

— Тс... молчи. Мне известен ответ... До сих пор ты был обыкновенным подмастерьем, которого, пользуясь положением своего отца, дразнила капризная распутница. Но любовь опасна, Кирон. Она делает нас равными в глазах друг друга, в то время как в глазах других пропасть между нами велика. Тальбот, Петрина, обычаи и традиции кружат над нами, как призраки. Придется быть очень осторожными, иначе нас просто уничтожат.

Кирон с трудом улыбнулся.

— Я буду осторожен, Эликс, хотя бы потому, что так нужно. Я боюсь не за себя одного.

Она взяла его за руку.

— Только не бойся уж слишком. Головы у нас есть, и все будет хорошо. — Девушка засмеялась. — Как я поняла, отец поручил мастеру Хобарту занять меня хотя бы на два месяца. А роль жертвенного ягненка отвели тебе. Так?

Кирон улыбнулся.

— Да, Эликс, все именно так.

— А раз так, — откликнулась она весело, — никто не станет возражать, если мы растянем два месяца до трех! Ни мой отец, ни мастер Хобарт. Все будут радоваться успеху своего замысла. Так вот, на людях я буду надменной мисс Эликс, стремящейся во всем тебя унизить. А ты будешь изображать из себя несчастного подмастерья, который терпит все это ради своего будущего. Сумеешь?

— Сумею.

— Хорошо. Сегодня мы займемся набросками, а завтра опять поедем кататься. Конечно, ты опять упадешь. Люди над тобой посмеются, Кирон Голова-в-Облаках — да, я знаю, что тебя так называют, — и ты опять будешь унижен. Сможешь ты это вынести?

— Я смогу вынести обман только ради правды.

— Как ты хорошо сказал, любимый. — Эликс снова поцеловала его. — Когда мы останемся одни, по-настоящему одни, ты будешь командовать мною. Я буду целовать твои ноги, если так тебе захочется. Я буду гладить твои волосы, прижимать тебя к себе и наслаждаться твоими прикосновениями.

— Эликс, не терзай меня.

— Терзания начнутся потом, Кирон, когда меня уложат в постель к Тальботу, а в твою ляжет Петрина. Сможем ли мы тогда вынести все это?

— Не знаю. — Кирон обнял ее еще крепче. — Знаю только, что немного времени у нас есть. И за это я благодарен судьбе.

— Немного времени... — вздохнула Эликс. — Как печально... Я хочу узнать о тебе все. Все, что можно. Ты на самом деле мечтаешь стать художником, как мастер Хобарт? Или у тебя есть что-то еще?

— Больше всего, — промолвил Кирон, лаская ее, — я хочу летать. Хочу покорить воздух, как это сделали Первые и Вторые Люди. Хочу приблизиться к звездам.

— Кирон Голова-в-Облаках, — прошептала Эликс, — я люблю тебя.

10

Брат Себастьян уставился на вытянувшегося на кушетке Кирона без участия, но и без тени враждебности. Приятной внешности человек тридцати или около того лет, брат Себастьян скрывал под благообразной личиной недюжинные честолюбие и жажду власти. Он редко срывался и всегда имел скорбный вид. Людям нравилось, когда он выглядел несчастным.

Сломанная нога Кирона болела нестерпимо. Вправлял ее личный хирург сеньора Фитзалана. Юноша тем не менее пришел к выводу, что специалист он никудышный. С трудом выпрямив конечности, Кирон заметил, что сломанная нога значительно короче. Ему бы очень не хотелось сменить прозвище на Кирон Хромоногий. А потом, кто же пожелает бороться с калекой?

Брат Себастьян пребывал в затруднительном положении. По настоянию мисс Эликс Кирона перевезли из дома мастера Хобарта в замок и выделили ему отдельную комнату. Эликс нажаловалась на него отцу, высказав предположение, что занятый исключительно собственными проделками Кирон и ногу-то сломал специально, чтобы не делать рисунков и набросков, без которых потом не обойтись мастеру Хобарту. А посему не следует давать подмастерью поблажки; лучше, притащив его в замок, заставить хорошенько потрудиться. Заодно будет ему урок, что от важных дел не улизнуть, сломав ногу.

Сеньор Фитзалан удивленно посмотрел на дочь. Он был умным человеком. Достаточно умным, чтобы понимать, что существуют вещи, которых лучше не знать. А кроме того, мальчишка оказался весьма полезен. Как только Эликс получила возможность срывать на нем настроение, она стала заметно мягче. И на время заживления ноги Кирону предоставили место в замке. Так что Себастьян пребывал в затруднительном положении: простолюдин Кирон являлся важной персоной. Во всяком случае на данный период.

— Скажи, брат мой, при каких обстоятельствах ты сломал конечность? — Вопрос был чисто риторический: вся округа знала эту историю.

— Я всего-навсего запускал змея, брат Себастьян, — осторожно ответил Кирон.

— Змея? Ты запускал змея? Похоже, меня ввели в заблуждение. Я слышал, что ты *летал* на змее.

На мгновение Кирон задумался. Брат Себастьян откинул капюшон. Голова его была гладко выбрита, открытое лицо казалось совершенно наивным.

— Это правда, брат Себастьян, — согласился Кирон, — я летал на змее.

— Змей, очевидно, был очень велик.

— Да, брат Себастьян. Это был очень большой змей. Я сделал его.

— А кто помогал тебе в его строительстве, Кирон?

Кирон тщательно обдумывал ответ. Если признать, что Эйлвин достал рыбацкий парус, что они вместе вырезали ивовые прутья, а кузнеца Шолто уговорили выковать крепления на раму, то дело станет весьма напоминать заговор.

— Никто, брат Себастьян. Правда, я уговорил ученика мельника подержать веревку, так ведь этот тупица ни на что не годен, как только молоть зерно. Мне он, однако, помог, несмотря на свою глупость. Откуда же я мог знать, что он устроит панику, когда я поднимусь в воздух.

Монах задумчиво потер подбородок.

— А ведь это и впрямь было зрелище.

— В самом деле, брат Себастьян! — не сдержал восторга Кирон. — Дул сильный ветер с моря, я оторвался от земли, ноги мои заплясали в воздухе, ища опоры, которой не было. Я испытал редкое чувство. Я ведь успел подняться на высоту десяти человеческих ростов, прежде чем петля соскользнула с крюка.

— Тебе повезло, Кирон, что море смягчило твое падение.

— Я специально экспериментировал на берегу.

— Экспериментировал? — Брат Себастьян удивленно поднял брови. «Эксперимент» было опасное слово. От него попахивало костром.

— В том смысле, что я хотел посмотреть, как лучше можно управлять змеем, — поспешно поправился Кирон. — И только.

Брат Себастьян не спеша гладил подбородок. И наконец сказал:

— Змей был сделан из паруса и ивовых прутьев.

— Да, брат Себастьян.

— А рама, как ты ее назвал, имела металлические крепления, изготовить которые мог только кузнец.

— Да, брат Себастьян.

— Это был очень хитрый змей, Кирон.

— Да, брат Себастьян. Хитрый змей.

— И ты придумал его сам?

— Сам.

— А Шолто знал о твоем плане?

— Нет, брат Себастьян.

— А этот мальчик, Эйлвин, только помог тебе держать веревки?

— Да, брат Себастьян.

— Мне рассказали, что ты научил его пользоваться воротом, что позволило управлять змеем без особых усилий.

— Вы очень хорошо информированы.

— И тебе захотелось полетать?

Это был по-настоящему опасный вопрос. Кирон прекрасно понял всю его подоплеку.

— Небосвод в самом деле прекрасен, — осторожно ответил он. — Я восхищаюсь им как художник. Особенно едва уловимыми переменами, которые в нем происходят... К еще большей славе Лудда.

Брат Себастьян перекрестился.

— К еще большей славе Лудда, — автоматически повторил он. Выдержав почтительную паузу, брат добавил: — Так ты все-таки хотел полететь?

Нога ныла нестерпимо, пот выступил на лбу, и Кирон не мог поручиться, что выдержит настойчивость проклятого монаха.

— Я восхищаюсь свободным полетом птицы, но не мечтаю отрастить перья. Я человек, брат Себастьян, и принимаю все свободы и ограничения человека.

— Но, Кирон, брат мой, скажи, хотел ли ты полетать?

— Брат Себастьян, я не хочу быть птицей.

Монах тяжело вздохнул. Выглядел он неважно.

— Ты настойчиво избегаешь прямых ответов.

— Простите меня. Я полагал, что мои ответы правдивы и точны. Но проклятая нога так болит, что я, очевидно, плохо соображаю.

— Может быть, и так. Я доложу Святому Ордену о нашей беседе, Кирон. Пусть более компетентные люди вынесут свое решение.

— Хорошо, брат Себастьян, — пробормотал Кирон, не видя на самом деле в этом ничего хорошего. — Наверное, моя детская шалость оказалась несвоевременной.

— Змеи и вправду игрушки для детей, Кирон. Ты об этом не забывай. А ты почти мужчина.

— Я запомню.

— Я уйду молиться за тебя. У тебя большое будущее. Мастер Хобарт говорил мне, что ты талантлив. Не навреди себе, Кирон. Хороших художников не так много. А зло постоянно подстерегает нас.

— Я запомню ваши слова, брат Себастьян, и буду размышлять над их мудростью.

— Да пребудет с тобой Лудд, брат мой.

— И с вами тоже.

— Что ж, тогда прощай.

Не успела за ним закрыться дверь, как в комнату влетела Эликс.

— Как ты поговорил с братом Себастьяном?

— Он дурак.

— Любимый мой, это всем известно. Но остался ли он доволен?

— Не знаю.

— Как не знаешь? Ты должен был почувствовать!

— Видимо, я тоже дурак, — раздраженно ответил Кирон. — Кроме того, невыносимо крутит ногу... — Он улыбнулся и добавил: — К тому же сегодня прекрасный день, и мне очень хочется погулять с тобой по лесу.

— Может, хоть это научит тебя не гулять по воздуху, когда у нас так мало времени. — Эликс поежилась. — Ты мог разбиться насмерть. Пообещай, что будешь впредь осторожнее!

Кирон взглянул на свою ногу.

— Сейчас мне только и остается, что быть осторожным.

— Не только сейчас, как ты прекрасно понимаешь, но и впредь.

— Я буду осторожным до тех пор, пока тебя не уложат в постель Тальбота, — искренне пообещал Кирон. — А потом я сделаю такого змея, который поднимет меня высоко над замком твоего отца. И я с него спрыгну и разобьюсь вдребезги на его глазах.

Лицо Эликс исказила гримаса.

— Я желаю Тальботу смерти. Правда. И еще я хочу, чтобы чума унесла эту дурнушку Петрину с ее крестьянской грудью и задом, как у коровы. Прости меня, Лудд, но я молюсь об этом.

— У Петрины зад не как у коровы.

— Как у коровы! Я ее хорошо разглядела!

Кирон расхохотался.

— Значит, ты изучала ее, Зеленоглазка?

— Я тебя ненавижу! Как я тебя ненавижу!

— А я хочу нарисовать тебя в ярости, во власти огня твоих чувств. К тому же мне надо успеть сделать хоть несколько набросков, прежде чем мастер Хобарт и твой отец вообразят то, что давно стало реальностью.

— Простолюдин! — взорвалась Эликс.

— Да, я простолюдин, — ответил Кирон спокойно. — Не забывай, что и без Тальбота и Петрины между нами целая бездна.

— Я тебя люблю. Я готова умереть за тебя. Этого что, недостаточно?

— Это больше, чем достаточно. И я люблю тебя, Эликс, но мы живем в мире, где наша любовь — оскорбление для всех остальных... К тому же я должен выполнить свое предназначение.

— Я не помешаю тебе писать картины.

— Ты хочешь помешать мне летать.

Она изумленно уставилась на него.

— Летать!.. Кирон, любимый мой, да ты сошел с ума! Люди не летают! И никогда не полетят!

— Да, я сумасшедший, и я полечу! Я построю машину, которая...

— Не говори о машинах! А если не можешь без этого, то не говори никому, кроме меня. Машины это зло. Так учил Божественный Мальчик, так учит Святой Орден. Это знают все!

— И все же это неправда, — проговорил Кирон. — Машины не могут быть злом. Зло присуще лишь человеку... Я буду летать, клянусь, я буду летать на благо людям! Клянусь духом братьев Монгольфье, Отто Лилиенталя и Сантоса Дюмона!

— Кто это такие?

— Призраки, великие добрые призраки. Люди, которые, живя столетия назад, поднимали глаза к звездам... Я прочитал о них в той книге, что ты мне дала.

— Лучше бы я ее сожгла. Мой отец не читает и потому понятия не имел, что держит в библиотеке ересь.

— Даже если бы ты ее сожгла, Эликс, я все равно поднял бы глаза к небу. Не в природе человека оставаться прикованным к земле... Иди, поцелуй меня. А потом я постараюсь не уронить чести мастера Хобарта.

11

Дни летели быстро. Нога Кирона зажила и на вид не казалась короче. Весна перешла в лето; расцвела и мисс Эликс, что не осталось незамеченным. Она научила Кирона ездить верхом, по крайней мере, не падать с коня при движении. Он делал наброски лошадей: лошадей пасущихся, идущих иноходью, несущихся галопом...

Когда Эликс в первый раз прыгнула для него через ворота в семь бревен, он пришел в ужас.

— Не делай так больше никогда! Слышишь, любимая? Ты же едва не сломала шею.

— Фи! И это говорит витающий в облаках, парящий над землей и прыгающий в море!

С этими словами Эликс разогнала коня и прыгнула снова: каштановые волосы разлетелись на солнце, на мгновение она застыла между землей и небом, будто бесконечно прекрасная богиня.

Кирон работал как одержимый. Он сделал сотню рисунков и забраковал девяносто. Портрет Эликс Фитзалан станет его единственной заявкой на величие в живописи. Он знал, что получится хорошо, ибо его переполняли любовь, красота, молодость и радость жизни.

Мастер Хобарт стал больше кашлять и меньше жаловаться. Наверное, потому, что Кирон перестал жаловаться вообще.

Хобарт рассматривал рисунки, которые приносил Кирон и поражался. Кажется, парень понял, что такое живопись. В работе была элегантность и... да, величие. Хобарт наливал себе стаканчик ирландской водки и размышлял о величии в искусстве. Выходки со змеями не шли ни в какое сравнение с такой чистотой линий и мастерством в передачи движения.

Кирон написал картину за один день. За один день, состоящий из двадцати четырех рабочих часов. За все это время он не проронил ни слова. Он не узнавал мастера Хобарта. Старик кружил вокруг полотна, потирая руки, но Кирон его не замечал. Вдова Тэтчер приносила ему поесть; он смотрел на нее непонимающим взглядом, и еда оставалась нетронутой. Когда стемнело, Хобарт принес лампы. Много ламп. Дорогой китовый жир не жалелся. При перемене освещения Кирон пробормотал что-то про себя, не осознав происшедшего.

Один раз он упал и почувствовал, как кто-то влил ему в рот обжигающую губы жидкость. Он поднялся и вновь принялся за работу. Всадница была закончена, но копыта взмывшего коня не получились. Он соскреб их с холста и принялся рисовать заново.

А этот чертов хвост? А ноздри? А грива, милосердный Лудд!.. Теперь ему не нравились глаза. У животного, на котором столь славная всадница совершает такой невероятный прыжок, должны быть огромные, гордые глаза. Он снова посмотрел на Эликс. Черт бы все побрал, волосы не получились! Длинные, чудные волосы должны в этот момент жить своей жизнью.

Мастер Хобарт поправлял фитили в лампах, прихлебывал ирландскую водку, бормоча что-то жалобное себе под нос, и со страхом поглядывал на молодого человека, который, казалось, уже и не рисовал, а вел бой не на жизнь, а на смерть. Но с кем, тупо спрашивал себя Хобарт, снова прикладываясь к кружке, кто этот враг, с которым Кирон вступил в яростную схватку?

И вдруг понял, что враг этот — время. Кирон не просто пытался нарисовать отличный портрет, он бросал вызов. Он являл собой воплощенную силу жизни, каждое прикосновение кисти было ударом меча. Он заявлял о своем праве на бессмертие.

Когда рассвело, картина была готова. Хобарт, успевший слегка вздремнуть, отдернул шторы, но лампы не погасил.

Кирон застыл перед холстом. Кисти и мольберт выпали из его уставших рук.

Хобарт смотрел на портрет и плакал. Перед ним было великое искусство.

Бледный и изможденный Кирон поднял на него красные, воспаленные глаза.

— Я сделал все, что мог, мастер Хобарт. Что скажете?

— Сын мой! Мой сын! — Старик не находил слов. — Ты вошел в сан бессмертных. Я старый дурак. Я пытался учить тебя. И только сейчас, слишком поздно я понял, что сам всего лишь подмастерье.

Кирон наступил на лежащие на полу кисти.

— Сэр, я никогда больше не создам такого.

— Но почему? Почему, Кирон? Ты — великий художник. Если ты пишешь так в начале своей карьеры...

— *Так* я больше не напишу, — повторил Кирон. — Эту картину писала любовь. — Он вдруг рассмеялся. — Конечно, я смогу рисовать, чтобы жить, однако портреты мои будут в лучшем случае похожи на оригинал. А жить я буду, чтобы летать. Это мое истинное предназначение.

Хобарт ничего не сказал. Картина была великолепна. Но бедный мальчик, безусловно, спятил.

12

Сеньору Фитзалану картина понравилась. Он не знал, что все до последнего мазка сделано Кироном, хотя и догадывался, что большую часть прописывал подмастерье. Дрожание старого Хобарта стало еще заметнее, и даже Фитзалану было ясно, что трудиться ему осталось недолго. К счастью, ученик, кажется, превосходит учителя. А работы ему в ближайшие годы будет немало. Фитзалан привык, чтобы его окружало прекрасное: картины, которые он едва удостаивал взгляда, и книги, которых не читал вовсе. Величие человека отражается в его свершениях или в его богатстве. Фитзалану не довелось свершить героических деяний, зато он мог вволю приобретать искусные изделия кузнецов, ювелиров, оружейников, резчиков и художников. По крайней мере его будут помнить за вкус.

Картину решили назвать «Прыжок мисс Фитзалан». Подписана она была просто: «*Хобарт*».

Но Эликс знала, кто истинный автор, и пролила немало слез из-за того, что имя Кирона не будет стоять на полотне, которое навеки сохранит цветение ее юности. Она плакала еще и потому, что разглядела в картине подлинное мастерство и совершенство, источником которых являлась любовь. И

еще она плакала потому, что волшебные дни остались позади, и теперь встречаться с Кироном, если им вообще доведется еще встретиться, надо будет тайком, украдкой, от случая к случаю. А вскоре и это станет невозможным: до свадьбы с Тальботом оставалось меньше месяца.

Сеньор Фитзалан прислал за Хобартом управляющего имением. Тот принес замшевый мешочек с семьюстами пятьюдесятью шиллингами и велел, чтобы вместе с Хобартом в замок явился Кирон.

Помня, как прошла последняя беседа Кирона с Фитзаланом, мастер Хобарт встревожился. Кирон, напротив, отнесся к этому совершенно спокойно. Он надел чистое белье, свою лучшую кожаную куртку и последовал за управляющим.

Сеньор Фитзалан принял его в комнате, которой Кирон раньше не видел. Помимо массы оружия, развешенного по стенам, медвежьей шкуры на полу, стола и двух кресел, там не было почти ничего.

Сеньор Фитзалан сидел за столом, поигрывая небольшим охотничьим ножом.

— Ну что, подмастерье, тебе понравилась картина «Прыжок мисс Фитзалан»? — Тон был ровным, но вопрос прозвучал угрожающе.

— Сеньор, я... я... — Кирон смешался, лихорадочно соображая, что может быть не так с полотном. — Картина хороша; как и все прочие, нарисованные мастером Хобартом.

Фитзалан едва заметно улыбнулся.

— Ну, это скромно сказано... С момента нашей последней встречи я получаю на тебя донесения. Как хорошие, так и плохие. С каких начнем?

На лбу Кирона выступил пот, но остроумие его не покинуло.

— С плохих, сеньор. Чтобы потом было чем утешиться.

— С плохих, так с плохих. Тобою заинтересовался Святой Орден, Кирон. Мне сказали, что ты построил машину?

— Я только смастерил большого змея, сеньор, который...

— Достаточно, подробности мне известны. Святой Орден давно определил, что воздушные змеи являются игрушками. Между тем, если такая игрушка используется для противоестественного подъема человека над землей, она уже становится машиной. Тебе известна история нашего народа. Машины дважды подминали под себя величие и достоинство человека. Мудрость Божественного Мальчика несомненна. Люди сумеют выжить, только если отвергнут соблазн машин. Разве это не так, Кирон?

Кирон сглотнул.

— Сеньор, я склоняю голову перед мудростью Святого Ордена.

— И правильно делаешь, мальчик. От машин попахивает костром. Ты когда-нибудь видел, как горит человек, Кирон?

— Нет, сеньор.

— А я видел, — спокойно сказал Фитзалан. — Святой Орден более могуществен, чем все дворяне нашего острова вместе взятые, и это хорошо. Ибо он указывает путь, по которому нам следует идти. Я видел, как сожгли крестьянина, который придумал косилку. Видел, как сожгли кузнеца, который придумал паровой двигатель. Видел, как сожгли человека благородного происхождения — он баловался с электричеством и наконец получил свет, источником которого был не огонь. Видел, как сожгли бедную прачку, которой не хотелось выжимать белье, и она придумала для этого специальное устройство... Вонь при сжигании людей не сравнишь с запахом жарящейся свинины, Кирон. Я понятно выражаюсь?

— Очень понятно, сеньор.

— В таком случае баловству с машинами пришел конец, Кирон. Я написал Святому Ордену, что ты осознал свою глупость. В этот раз мне удалось тебя отстоять. Но не думай, что так будет и впредь.

— Очень вам благодарен, сеньор.

— И есть за что. Однако я тоже благодарен тебе. «Прыжок мисс Фитзалан» — отличная картина. К тому же условия, которые я поставил твоему хозяину, были даже перевыполнены.

— Я счастлив это слышать, сеньор.

— И зря. Как раз это меня и беспокоит. Я велел занимать свободное время мисс Фитзалан в течение двух месяцев. Ты же умудрился растянуть удовольствие на три.

— Виновата моя сломанная нога, сеньор. Ей надо было зажить.

Сеньор Фитзалан ткнул острием ножа в сторону Кирона.

— Какое-то время моя дочь Эликс была счастлива. Сейчас она рыдает. Можешь ли ты объяснить причину?

— Не знаю, что сказать, сеньор.

Сеньор Фитзалан мрачно рассмеялся.

— И я, подмастерье, и я... От женщин всегда можно ожидать самого неожиданного. Мисс Эликс говорила о тебе хорошо. Не очень, правда, но хорошо. Когда надо, она умеет следить за своим язычком... Тем не менее сейчас она рыдает. Через месяц — свадьба с Тальботом. А она плачет. Поразительно, не так ли?

— Поистине поразительно, сеньор Фитзалан. — Разговор начал пугать Кирона.

— Так ты это учти. Есть вещи, о которых лучше не говорить, потому что потом их следует признать или отвергнуть. Иногда и то, и другое ведет к беде. А теперь, парень, не старайся показаться умнее, а просто скажи мне: понял ли ты, о чем я умолчал?

Кирон сглотнул, не отрывая взгляда от острия охотничьего ножа, направленного, казалось, прямо ему в сердце.

— Я понял вас, сэр.

— Ладно. Верю тебе. — Сеньор Фитзалан отложил нож в сторону, вытащил небольшой замшевый мешочек и потряс им. — За лошадь мне не стыдно, хотя я знаю, как мало разбирается в лошадях старый Хобарт. Да и наездница вышла весьма грациозной. Ты неплохо проживешь своим искусством, парень. Но не пытайся прожить чем бы то ни было другим.

Он швырнул Кирону мешочек.

— Здесь пятьдесят шиллингов, которые подтверждают, что ты хорошо потрудился, несмотря на некоторые оплошности. А вот за услуги, о которых я не просил, у меня припасены другие награды. Благодари Бога, что ты их не получил.

— Да, сеньор.

— Тогда ступай. И помни, что слезы высыхают быстро, если не вызывать новых.

— Да, сеньор.

Обливаясь ледяным потом, Кирон покинул комнату.

13

Необходимости посещать замок больше не возникало, и Кирон туда не ходил. Предупреждение сеньора Фитзалана было достаточно откровенным.

И тем не менее жить без объятий Эликс не хотелось.

Придется полюбить Петрину. Любить ее будет легко. Она будет лежать рядом с ним долгими ночами, она родит ему детей, она будет седеть и дряхлеть вместе с ним. Годы могут охладить страст-

ный пыл юности, но то, что люди вместе познали и оценили, с годами делается только дороже.

У каждого человека одна жизнь, размышлял Кирон. Мы здесь лишь на короткий миг. Так мало времени! Так мало времени, чтобы человек успел оторваться от земли и снова стать господином неба.

Мастер Хобарт гордился триумфом своего ученика. По условиям договора ученичество Кирона должно было длиться еще несколько месяцев, но Хобарт понимал, что кормит и предоставляет жилье уже не подмастерью. Ему выпала честь разделять общество гения.

В распоряжении юноши оказалось пятьдесят шиллингов. Целое состояние, таких денег у него не было за все семнадцать лет жизни. Как их потратить? Возникали проблемы. Двадцать шиллингов — Эйлвину, так хорошо помогшему ему со змеем. На эти деньги можно купить много красок, холста и льняного масла. Добротные материалы, да еще уроки Кирона — и Эйлвин будет хорошо вознагражден за свою дружбу. Он станет мастером живописи и мастером-мукомолом. И хоть этим скрасит судьбу.

А на оставшиеся тридцать шиллингов...

Кирон прочел подаренную Эликс книгу. Он прочел ее много раз. Покорение воздуха шло постепенно. Он повторит эти шаги. И следующим шагом должен стать надутый горячим воздухом шар, подобный тому, который много столетий назад построили братья Жозеф и Этьен Монгольфье.

Требовалось много полотна и много бумаги, чтобы обернуть сшитый из полотна шар. Кроме того, требовался небольшой медник. И снова требовалась помощь Эйлвина.

Эликс не разделяла философских взглядов отца в части того, что слезы высыхают быстро, если не вызывать новых. Она посылала Кирону тайные письма; он не рисковал отвечать. Тогда она стала совершать ежедневные верховые прогулки через Арандель, при этом всегда задерживалась перед домом мастера Хобарта. Кирон ее видел, сердце его замирало, но он не выходил на улицу — боялся не столько гнева сеньора Фитзалана, сколько того, что близость Эликс вызовет у него желание стать к ней еще ближе. Так первая чаша вина вызывает желание выпить вторую, а потом третью.

Кроме того, если негодования сеньора Фитзалана еще можно было избежать, в конце концов расставание все равно неизбежно. Да и Эликс легче смириться с постелью Тальбота, если ее не будут греть прикосновения Кирона.

Он смотрел на девушку из окошка, кусал губы и не выходил. А если случайно попадался ей на пути, то останавливался, опускал голову и слегка кланялся, как требовал этикет от любого мужчины, в том числе подмастерья.

Чтобы отвлечься, он строил опасные планы, связанные с воздушным шаром. Шар не должен поднимать человека, иначе Святой Орден, случись ему узнать о происходящем, тут же определит его как машину. А узнать он скорее всего узнал бы , ибо братья не только внушали страх простому народу, но и пользовались известной долей уважения, и многие не задумываясь доносили на своего соседа, тем более что это всегда вело к улучшению собственного благосостояния.

Так что строить управляемый человеком воздушный шар было нельзя... пока. Но надутый горячим воздухом баллон на веревке — ведь это же все-таки игрушка? Пусть очень хитроумная, но игрушка. И не опасная... Страсть поэкспериментировать с летающими по воздуху предметами настолько овладела Кироном, что он опрометчиво проигнорировал весомый факт: Святой Орден уже заинтересовался его деятельностью...

Поначалу проект шара был весьма скромен. Он не должен был превышать в длину человеческого роста, а в ширину — винной бочки, сшить его можно было из четырех кусков полотна, вырезанных по рисунку и закрепленных на легком деревянном каркасе. Но где осуществить такой замысел, не нарушая блаженного неведения мастера Хобарта и не пробуждая нездорового любопытства обывателей?

Кирон посоветовался с Эйлвином. Тот погрузился в раздумья. Проблема напоминала его собственную. Он тоже мечтал свободно рисовать в уединении, чтобы никто не ворчал на него за пустую трату времени и не дразнил за попытку овладеть не положенным ему мастерством.

Решение пришло неожиданно. Кирон и Эйлвин прогуливались по берегу речки Арун вдали от городка, который казался отсюда зажатым между церковью и замком.

Решение пришло к ним в образе приткнувшейся у реки заброшенной ветряной мельницы. Ею не пользовались уже лет сто или больше. Согласно легенде, мельника и всю его семью отправили на костер за неправильное использование энергии ветра. Согласно легенде, их призраки до сих пор посещали заброшенную мельницу.

Эйлвин кое-что слышал об этой истории. И пересказал ее Кирону. Мельник был целеустремленным и талантливым человеком. Он полагал, что природные ветры дуют для того, чтобы человек мог использовать их в любых целях. Святой же Орден позволял использовать ветер только для перемалывания зерна, что необходимо для выживания человека, для качания воды, что тоже необходимо для выживания человека, и для надувания парусов — опять-таки необходимого для выживания человека дела. Орден дозволял пользоваться машинами в случае крайней нужды.

Мельник же приспособил энергию ветра для вращения токарного станка, и его сын принялся вытачивать из ценных пород дерева кубки, чаши, подносы, которые потом охотно раскупались знатью, ценящей чистоту форм во всем, будь то стекло, камень, металл или дерево. На этом мельник не остановился и смастерил работающий от ветра ткацкий станок, на котором его жена и дочь принялись изготавливать льняное и шелковое белье, какого было не найти во всей округе.

Завистливые люди выдали его Святому Ордену. Все четверо были сожжены в один день и в одно и то же время, причем разместили их так, чтобы каждый мог наблюдать агонию остальных, если, конечно, не помешает дым.

Мельница была оставлена привидениям.

Прозвали ее Мельница Ткача. Мало кто проявлял желание посетить Мельницу Ткача днем или ночью. Кроме того, когда Арун разливался, нижняя ее часть всегда уходила под воду.

Кирон посмотрел на заброшенную мельницу, подумал о привидениях и возлюбил их всей душой. Вот отменное место для постройки воздушного шара! Вот где Эйлвин сможет спокойно рисовать!

— Здесь наш дом, — сказал Кирон. — Среди крыс и преданий наш дом. Здесь я научу тебя искусству письма масляными красками. Здесь я сделаю свой воздушный шар на горячем воздухе.

Эйлвину идея не понравилась.

— Это очень далеко от города, Кирон.

— Ну и хорошо.

— Кроме того, нас могут посетить привидения.

— Ты веришь в привидения, Эйлвин?

Эйлвин перекрестился.

— Я верю, что есть вещи, в которые опасно не верить.

— Ну, в таком случае привидения на нашей стороне. Они не сделают нам ничего плохого, ибо мы тоже пошли против судьбы.

— Мне страшно, — прошептал Эйлвин.

— Мне тоже. Но лучше бояться и делать то, что хочется, чем не бояться и не делать ничего.

Эйлвин промолчал. И Мельница Ткача стала прибежищем для мельника, мечтавшего о живописи, и для художника, который хотел летать.

14

На постройку воздушного шара, доставившего Эликс Фитзалан несколько ужасных моментов, поставившего Кирона на грань катастрофы и изменившего ход истории, ушло немало дней.

Несмотря на то, что заброшенную мельницу Эйлвин и Кирон использовали каждый для своих целей, Кирон твердо решил не втягивать друга в новую авантюру. Он также решил не прибегать больше к помощи Шолто, кузнеца, хотя и не представлял, как обойдется без металлических креплений. Намек брата Себастьяна был предельно ясен. И если желание Кирона покорить небо должно принести кому-то страдание, то пусть уж это будет он сам.

Кирон накупил огромное количество грубого полотна и поразил мастера Хобарта своими потребностями в бумаге. Любя Кирона и боясь за него, старик решил не прибегать к прямым расспросам. Он помнил, что Кирон — один из великих мира сего, «Прыжок мисс Фитзалан» является шедевром по любым меркам, а разве великие не имеют права на безумие? Хобарт стал больше пить, больше кашлять и больше молиться.

Итак, Кирон перетащил на заброшенную мельницу полотно, бумагу, нитки, иглы, купил у лудильщика старую пожарную корзину из металлических прутьев, чем немало его поразил, ибо отдал за никчемную железную рухлядь пять серебряных пенни. И, как одержимый, принялся за работу. Раму он сплел из ивовых прутьев, гибкие побеги идеально подходили для этой цели. Главное, рассуждал Кирон, это вес. Рама должна быть настолько легкой, чтобы горячий воздух смог поднять ее вверх.

Эликс, между тем, ежедневно выезжала на прогулки, надеясь еще раз повстречаться с Кироном, прежде чем ее отвезут в Чичестер и уложат в безрадостную постель к человеку, которому недолго осталось жить на этом свете. А Эйлвин, как только выпадала возможность, прибегал на заброшенную мельницу и рисовал.

Кирон передавал ему свои знания. Эйлвин оказался старательным учеником, а Кирон — хорошим учителем. Небо и пейзажи выходили из-под кисти Эйлвина словно окрашенные огнем, его холсты жили цветом и движением. Кирон убедился, что ученик мельника по-настоящему талантлив. Как жаль, что ему придется всю жизнь перемалывать зерно!

Между тем строительство воздушного шара шло своим чередом. Смелели и замыслы Кирона. Теперь ему был нужен шар в два человеческих роста и шириной в две винные бочки. Огромный шар: не игрушка, а заявление о поставленной цели.

Эликс между тем продолжала выезжать. Однажды в поисках юноши, чье лицо лишало ее покоя, она доехала по реке Арун до Мельницы Ткача. Именно в тот день воздушный шар был готов к запуску.

Он висел на высунутом из окна деревянном шесте, покачиваясь на ветру, в то время как в медном котелке разгорались угли, разогревая воздух, который должен был расшириться от тепла, наполнить шар и поднять его вверх. Кирон собирался контролировать подъем с помощью длинного прочного шнура.

Эйлвин делал наброски Кирона за работой: проверяющего крепления и раздувающего угли. Друзья не заметили Эликс, пока она не подъехала почти к самой мельнице.

— Лудд милосердный! — воскликнул Эйлвин в ужасе. — Дочь сеньора! — Он попытался спрятать рисунки, словно его застали за совершением тяжкого преступления.

— Не волнуйся, дружище, — сказал Кирон, подняв голову. — Обещаю тебе, что мисс Эликс не причинит нам вреда.

Он никогда не рассказывал Эйлвину, да и вообще кому-либо, о возникшей между ним и Эликс близости. Лучше всего, когда такие вещи помнят или забывают те, кто их пережил.

Эликс спрыгнула с коня.

— А я-то думаю, где же ты прячешься, Кирон. И что это за хитроумная штуковина, которая завладела всем твоим вниманием?

— Это надуваемый горячим воздухом воздушный шар, мисс Эликс. Причуда, игрушка, не более.

— Значит, — продолжала Эликс, — здесь собрались ученик художника, который не рисует, и ученик мельника, который не мелет зерно. Весьма занятно. — Она повернулась к Эйлвину. — Послушай, парень, прогуляй немного моего коня, пусть попасется. Сегодня он хорошо поскакал.

— Слушаюсь, мисс. — Эйлвин взял поводья и повел скакуна прочь.

Дождавшись, когда он отойдет достаточно далеко, Эликс сказала:

— Я разыскиваю тебя столько дней, Кирон! Почему ты унижаешь меня?

— Дорогая Эликс, я не унижаю тебя.

— Ты не приходишь в замок.

— Мне незачем туда приходить. К тому же твой отец мне запретил.

— Он знает что-нибудь?

— Не знаю откуда, но да. — Кирон улыбнулся. — Он сказал мне, что ты плачешь...

— Ложь! — гневно перебила его Эликс. — Я бы не стала плакать из-за ученика художника.

— В этом я не сомневаюсь, — спокойно сказал Кирон. — Тем не менее твой отец — честный человек. Очевидно, он заблуждался.

Не заботясь о том, видит их Эйлвин или нет, она вдруг прильнула к Кирону.

— Я люблю тебя!

— Эликс, любимая, я тоже тебя люблю. Но у нас разные дороги. Ты помолвлена с Тальботом, я помолвлен с Петриной. Ты благородного происхождения, а я человек низкого рода. И с этим ничего не поделать.

— Посмотрим, — сказала Эликс. — Обещаю тебе, что через год Тальбот умрет.

— Ты убьешь его?

— Он умрет, Кирон. Умрет, и все... А вот Петрина?

Кирон прижал ее к себе и поцеловал.

— Эликс, мы предаемся бесплодным мечтаниям. Ты должна понимать это.

Эликс вытерла глаза.

— Да, надо быть тем, кто мы есть. — Она отстранилась. — Этот ученик мельника не станет рассказывать сказки?

— Не беспокойся. Он мой друг. Я научил его моему искусству.

— Ты не только его научил своему искусству,

Кирон Голова-в-Облаках, — попыталась расемеяться Эликс. — Смотри, твой шар раздулся, как толстая тыква. Он хочет подняться.

— Лудд милосердный! Эликс, извини, я должен ослабить веревки сверху!

С этими словами он кинулся в мельницу, развязал удерживающие верхушки шара веревки и выставил шест в окно. Потом спустился вниз и критически оглядел свое изделие.

Шар на самом деле напоминал огромную тыкву, гораздо большую, чем он предполагал. Подвешенный снизу медный котел раскалился добела. Шар покачивался на легком ветру, натягивая причальный шнур.

Эликс с изумлением смотрела на происходящее.

— Как ты объяснишь эту игрушку Святому Ордену, Кирон?

— А как я должен ее объяснять? — горько переспросил он. — Это действительно игрушка, а я дурной Кирон Голова-в-Облаках.

— Монахи могут объявить эту штуку машиной. А тебя обвинить в машинизме.

— Пусть повесятся!

Кирон отвязал крепления, и шар поплыл вверх. Кирон постепенно отпускал якорный шнур, наслаждаясь сильной тягой. Шар поднялся над мельницей. Едва успев привязать коня Эликс к кусту, Эйлвин широко раскрыл рот, потрясенный дивным зрелищем.

Радостное натяжение шнура свидетельствовало о том, что притяжение земли преодолимо, и Кирон торжествовал. От восторга он подпрыгнул, и шар тут же поднял его выше головы Эликс, а потом мягко опустил на землю.

— Браво! Браво! — кричала Эликс. — Какая чудная игрушка! Дай мне попробовать! Ну, пожалуйста!

— Только держи изо всех сил. Тяга гораздо сильнее, чем ты думаешь... А вообще, Эликс, лучше бы ты не прикасалась к этой вещи...

— Не зуди, Кирон! Я должна попробовать. И попробую! Я не ребенок.

— Это действительно игрушка не для ребенка, — предупредил Кирон. — Ладно, держи вот так. Или намотай на руку.

Он передал ей шнур и, убедившись, что она держит его крепко, осторожно отпустил. Ощутив тягу, Эликс взвизгнула от восторга. А потом подпрыгнула, как сделал Кирон. Ветер как будто ждал этого момента и подул резко и сильно. Шар понесся вверх. Только сейчас Кирон сообразил, что Эликс значительно легче его. Вцепившись в шнур, она волшебным образом поднималась все выше и выше. Шар медленно поплыл над лугом.

Эликс завизжала.

— Прыгай! — в ужасе закричал Кирон. — Отпускай шнур! Отпускай!

Она либо не слышала его, либо не понимала. Изо всех сил держась за шнур двумя руками, Эликс отчаянно молотила воздух ногами, словно это могло опустить ее на землю.

Эйлвин, как завороженный, следил за происходящим. Потом рухнул на колени и принялся молиться.

На счастье, подъем шел медленно. Шар не успел подняться больше чем на три или четыре метра, когда Эликс либо сообразила, что пора прыгать, либо уже не могла удерживать шнур. Кирон бежал за ней, выкрикивая слова поддержки. Временами он подпрыгивал, пытаясь ухватить ее за ноги. Она и полетела прямо на него, свалив Кирона с ног и повредив себе лодыжку. Усевшись на сырой земле, девушка захныкала, потирая ушибленное место и выжидательно поглядывая на Кирона.

Он гладил ее волосы и шептал утешительные слова, не сводя при этом глаз со стремительно набиравшего высоту шара. Шнур тянулся за ним, как длинный провисший хвост. От ветра угли в медном кувшине разгорелись на славу, что еще больше ускоряло подъем. Поднявшись метров на двести, шар поплыл в направлении Аранделя.

Кирон следил за ним завороженным взглядом. Гордость переполняла его. Поистине, он создал изумительную вещь. Даже если шар будет в два раза меньше, к нему можно присоединить корзину, сесть в нее и поплыть по небу, как бог... или хотя бы как один из Первых Людей.

— Кирон, у меня болит нога.

— Да, любовь моя. Сейчас я ею займусь. — Он по-прежнему смотрел вверх.

— Я промокла, одежда моя в грязи.

— Да, Эликс. Ты согреешься, высохнешь, и я отвезу тебя в замок. — Он не сводил глаз с шара.

—Я тебя ненавижу! — взорвалась она.

— Да, любовь моя. Это объяснимо. Я — ненавистный человек. — Он по-прежнему следил за шаром.

— Я люблю тебя! Лудд милосердный... Слышишь ты, дурак, я люблю тебя! — Она стиснула Кирона в объятиях и поцеловала его.

— Эликс, дорогая, я на самом деле дурак, но сегодня я кое-чего достиг.

Шар, доплыв до Аранделя, начал своевольничать. Он вдруг изменил направление и завис над замком. А потом, словно убедившись, что место назначения достигнуто, демонстративно разорвался и рухнул кучей горящих обломков на родовое имение сеньора Фитзалана.

К этому времени Эйлвин уже пришел в себя и бежал к Кирону. Увидев, что произошло с шаром, он снова повалился на колени и запричитал:

— Лудд, спаси и сохрани! Лудд, спаси и сохрани! Кирон, бедный Кирон, что же теперь будет?

Кирон ободряюще ему улыбнулся:

— Эйлвин, дружище, приди в себя. А потом собери свои кисти, краски и возвращайся тихонько к своему хозяину. Тебя сегодня здесь не было. И ни меня, ни мисс Эликс ты не видел. Понял?

— Я понял Кирон. Мы же поклялись в дружбе.

— Вот и давай выполнять клятву. Ты не должен подвергаться риску в подобных случаях. — Он повернулся к Эликс и обнял ее на глазах Эйлвина. — Мисс Эликс, видели вы сегодня Эйлвина, ученика мельника?

Девушка покраснела.

— Я его не видела, если ты этого хочешь, Кирон, — сказала она мягко. — Сегодня я не видела ученика мельника.

— И ты, Эйлвин, — продолжал Кирон, — ты не видел сегодня ни меня, ни мисс Эликс. А если ты заявишь, что видел, я убью тебя.

— Мы же дали клятву, — обиделся Эйлвин. — Зачем ты так говоришь?

— Эйлвин, прости меня, я ничего не соображаю. Слишком быстро все происходит. Пора, идем.

Эликс попыталась встать, но вскрикнула от боли и снова опустилась на землю.

— Лодыжка... она распухла, и боль усилилась... Что мы будем делать, Кирон? Что мы будем делать?

— Ты сможешь доехать, если я посажу тебя в седло?

— Наверное. Думаю, да.

Он наклонился, поднял ее и осторожно понес к тому месту, где был привязан конь. Оно оказалось несколько дальше, чем ему показалось, да и Эликс, как выяснилось, была тяжелее, чем он предполагал.

От напряжения онемели руки, и Кирон чуть не задохнулся. Перед тем как поднять Эликс в седло, он опустил ее на землю.

Она в отчаянии смотрела на распухшую лодыжку и вымазанную грязью одежду.

— Как я объясню все это? — воскликнула девушка. — Какое дурацкое положение!

— Ты упала, — сказал Кирон. — Упала с лошади.

— Я никогда не падаю, — высокомерно возразила Эликс. — Тебе не известно, что я — лучшая наездница юга?

— И тем не менее, Эликс, сегодня ты упала. Правда никому из нас не принесет ничего хорошего. Ни твоему отцу, ни Тальботу не следует знать, что ты нечестиво взлетела над лугом, держась за веревку от воздушного шара.

— А если меня видели?

Кирон пожал плечами.

— Что стоит слово простолюдина по сравнению со словом человека из рода Фитзаланов? Кроме того, тебя могли увидеть только в подзорную трубу.

— Такая труба есть у нашего охранника. Он следит за прибытием в порт торговых судов.

— Тогда ему нет дела до выходок неизвестного воздухоплавателя, — терпеливо ответил Кирон. — А кроме того, ты была в воздухе так недолго, что никто не успел бы узнать тебя. Ну а если видели просто фигуру, то я возьму все на себя. В конце концов, это мой воздушный шар... Ну, давай подсажу... — Ему удалось поднять ее в седло без видимых усилий.

В глазах Эликс застыли слезы.

— Что они сделают с тобой, любимый?

— Не знаю, — ответил он беспечно. — Похоже, что так просто они от меня не отстанут. В любом случае ты ничего не видела. Поклянись!

— Кирон, как я могу клясться, если я не знаю, что они с тобой сделают!

— Я требую этого ради тебя, меня, ради этого несчастного Эйлвина, который едва не спятил со страха.

— Тогда я клянусь, — тяжело вздохнула Эликс, — но мне очень страшно.

— Улыбнись, Эликс. Я навсегда запомню тебя такой.

— Мы еще увидимся... до моей свадьбы?

— Это ведает Лудд. Не я. Эликс... осталось около месяца?

— Семнадцать дней... Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. Поезжай! Мы всегда будем по-доброму вспоминать нашу любовь.

Эликс печально повернула коня к Аранделю. Некоторое время Кирон смотрел ей вслед, потом пошел к мельнице. Надо было спрятать инструменты и материалы, навести порядок. И хорошенько подумать. Не лучше ли пойти в замок и признаться в запуске шара? Или пусть люди сеньора Фитзалана сами его ищут? Много времени им не потребуется. На такое способен только Кирон Голова-в-Облаках. По всему выходит, что лучше покаяться и объясниться с сеньором Фитзаланом до вмешательства монахов.

Но Кирону не повезло. Подзорная труба была не только у охранника замка. Она была и у брата Себастьяна, который частенько забирался с нею на колокольню собора, чтобы узнать получше, чем живет мир.

15

Кирон не знал, сколько времени он был прикован к стене; он не знал, день сейчас или ночь. Он знал только, что находится в камере Исправительного дома луддитов и что его дело может удостоиться внимания самого Великого Инквизитора. Уже давно, говорили знающие люди, никого не привлекали за создание летающих машин. Дело, таким образом, выходило за рамки местного случая.

В тот день, когда надутый горячим воздухом шар пронес мисс Эликс над лугом, а потом величественно взмыл ввысь, чтобы рухнуть сказочными обломками на замок, Кирон не успел принести сеньору Фитзалану свои извинения и объяснения. Его поджидали монахи: брат Себастьян, брат Гильдебранд и брат Лемюэль.

Его обвинили в ереси и именем Божественного Мальчика арестовали. Потом с позором провели через весь Арандель на острие меча, и это был последний раз, когда Кирон видел дневной свет.

Братья Гильдебранд и Лемюэль хотели лишь припугнуть Кирона, считая создание воздушного шара не более, чем амбициозной выходкой. К тому же до совершеннолетия Кирону оставался еще целый год, и на серьезного противника существующей доктрины он просто не тянул.

Но брат Себастьян был настроен решительно. Ему было крайне необходимо завоевать себе положение в Ордене. А завоевать его можно было, только вовремя себя проявив. Путь наверх лежал либо через высокие связи, которых у брата Себастьяна не было, либо через разоблачение крупной ереси. Брат Себастьян прилежно молился, чтобы Кирона признали крупным еретиком.

Да, Кирон еще не мужчина. Но ведь ересь не зависит от возраста. Не минуло и тридцати лет с того дня, когда на костер отправили тринадцатилетнего мальчика, который попытался приспособить для своих целей струю пара из кипящего чайника. Тогдашний Великий Инквизитор определил его преступление как создание одной из форм турбины.

Преступление Кирона легче поддавалось определению: он пытался создать машину, которая могла бы оторвать от земли и поднять в воздух человека. Если уж это не ересь, то брат Себастьян съест свою сутану.

Чем больше брат Себастьян размышлял над этим делом, тем больше утверждался в своей правоте. Подзорная труба позволила разглядеть, что висел, вцепившись в адское изделие, не Кирон. Эта была женщина.

А спустя несколько минут брат Себастьян встретил мисс Эликс. Она возвращалась в замок верхом на лошади и была сильно подавлена.

По ее словам, ее сбросил конь. Но все знали, что сбросить мисс Эликс невозможно. Брат Себастьян принялся осмысливать происходящее. Не так давно Кирон пропадал в замке, делая наброски для блестящей картины мастера Хобарта «Прыжок мисс Фитзалан». Кирон был почти одного возраста с мисс Эликс. А когда есть дым, можно смело предполагать наличие огня.

У брата Себастьяна достало ума сообразить, что до Эликс Фитзалан ему не добраться. Святой Орден еще не был готов бросить прямой вызов феодалам. А для достижения цели брата Себастьяна вполне хватало и одного Кирона. Он, как-никак, был вхож в замок, общался с семьей сеньора и по собственной значимости, безусловно, отличался от простого крестьянина. Кроме того, многое можно было извлечь из его близости к мисс Эликс. Многое извлечь, хотя немного об этом известно. А если понадобится, то можно вспомнить и книжку. Как минимум, с ее помощью без труда удастся погасить любой протест со стороны Фитзаланов.

Сразу же после ареста Кирона брат Себастьян

вооружился ордером на обыск и направился в дом мастера Хобарта. Он решил припугнуть старика в надежде, что тот выдаст себя как соучастника в ереси. Кроме того, необходимо было осмотреть комнату Кирона.

Запугать Хобарта не удалось, тот лишь раскричался и раскашлялся. А вот книжка нашлась. Кирон держал ее под матрасом. То, что в ней описывались запрещенные машины, было очень важно, то, что она оказалась пусть плохо, но спрятана, было еще важнее, а вот то, что на кожаном переплете стоял герб Фитзаланов, было важнее всего.

Пусть сеньор об этом узнает, размышлял брат Себастьян. Пусть знает, что, если он попытается вмешаться в ход божественного правосудия, могут обгореть и его благородные пальчики.

Брат Себастьян упивался головокружительной властью. Он отправил отчет о деле в Канцелярию Великого Инквизитора в Лондон и втайне ожидал, что именно ему теперь поручат довести дело о ереси до конца.

Пока же он держал Кирона на цепи в Исправительном доме. Страдания мальчишки его ничуть не радовали. Подобную радость он как раз посчитал бы неисправимым грехом. Брат Себастьян убедил себя, что озабочен единственно спасением души Кирона. И если тому суждено будет изведать за свой проступок костра, не приведи, конечно, Лудд, то пусть уж он пойдет на него просветленным, с ясным сознанием того, что грех его искупится, если он искренне покается.

Поэтому брат Себастьян подолгу беседовал с арестованным, стараясь определить, где дьявольские намерения, а где юношеская беспечность.

— Ты, наверное, ненавидишь меня, Кирон? — интересовался брат Себастьян, сидя на стуле и прихлебывая чай из кружки.

Живущий несколько дней на холодной воде, хлебе и отрубях, Кирон сохранил ясность рассудка.

— Почему я должен вас ненавидеть, брат Себастьян? Вы исполняете свой долг, и за это я вас уважаю и даже восхищаюсь вами.

— Так. Значит, мы понимаем друг друга. Я не хочу тебя наказывать. Я хочу тебя спасти.

— Так я и думал. Вы действуете из лучших побуждений. — Кирон улыбнулся. — Я бы тоже хотел, чтобы меня не наказали, а спасли.

— Шар с горячим воздухом — это тяжелый грех. Это машина, Кирон. Машина, запрещенная Святым Орденом. Ты должен понимать, что долг Святого Ордена — защищать людей от зла и соблазна машин. Ты же знаешь историю, юноша. Машины дважды исковеркали жизнь человека. И нельзя допустить, чтобы это произошло в третий раз. — Брат Себастьян шумно прихлебнул из кружки.

Кирон облизнул губы. Он уже не помнил, когда пил что-нибудь теплое.

— Я не подозревал, что шар — это зло, брат Себастьян. Для меня он был просто глупой игрушкой, способом убить время.

— Вот как? — холодно спросил брат Себастьян. — А книга? Книга про летающие машины. Откуда она у тебя, Кирон?

О книге брат Себастьян упомянул впервые. Изможденный, замерзший, подавленный, Кирон растерялся. Челюсть его отвисла. Он подумал об Эликс. Даже до нее может добраться этот черный ворон.

— Ты не отвечаешь, Кирон. Может, хочешь кого-нибудь выгородить?

— Я не хочу никого выгораживать, кроме себя. Я взял эту книгу. Я хотел ее вернуть.

— В данных печальных обстоятельствах это только слова. Подобное можно истолковать и как кражу. Человек, привыкший рассуждать, посчитал бы, что ты стащил книгу с намерением построить одну или несколько из описанных в ней машин.

— Да проклянет вас Лудд! — взорвался Кирон. — Уничтожайте знания, если вам угодно. Остановите движение вперед. Можете и меня сжечь. Только не лезьте ко мне со своими нравоучениями!

Брат Себастьян допил чай и проговорил печально:

— Проклятие Лудда предназначено тем, кто строит со злым умыслом машины. Ты можешь сгореть, Кирон; такую вероятность исключать нельзя. И это сильно меня огорчит. Но так исполнится воля Лудда. Как бы то ни было, я твой друг, и я спасу твою душу.

С этими словами брат Себастьян оставил Кирона.

16

Великий Инквизитор признал, что совершено преступление, и постановил провести судебное расследование на причастность к ереси. По обычаю, суд должен был начаться в первый день следующего лунного месяца, с тем чтобы в случае вынесения приговора привести его в исполнение в последний день этого же месяца.

Между тем условия содержания Кирона улучшились. Ему предоставили соломенную подстилку, стол и стул. Один раз в день ему давали горячее, кроме того, разрешалось принимать посетителей и назвать свидетелей, которые могли бы выступить в его пользу. Святой Орден шел на подобные уступки, чтобы никто не мог пожаловаться на его пристрастность или несправедливость. Хотя мало кто из обвиненных в ереси когда-либо был оправдан.

Открытые процессы затевались только при наличии неопровержимых улик. Тем не менее формальности соблюдались.

Первыми пришли навестить Кирона родители. У Кристен были красные, заплаканные глаза. Жерард, напротив, был полон надежды, уверенности и приятно пах стружками. Он полагал, что из мальчишеской проделки раздули не по уму серьезное дело.

— Кирон, мальчик мой, как тебя здесь кормят? — всхлипнула Кристен. — Они хорошо кормят тебя?

Кирон заметил, что мать стала совсем седой, хотя едва достигла тридцати пяти. При этом она сохранила красоту и стать. Ему стало бесконечно жаль ее за ту боль, что он ей причинил.

— Да, мама. Я здесь просто отъедаюсь. Мне ничего не надо.

— Ты же художник! — взорвался вдруг Жерард. — Причем великий художник. Так сказал мастер Хобарт. — Он оглядел соломенную подстилку и голые стены камеры. — Как они смеют содержать в таком месте человека с блестящим будущим? Ты в самом деле виновен, сын? Скажи по-простому. Мы вырастили тебя и имеем право знать.

— Отец, — осторожно заговорил Кирон, зная, что брат Себастьян наверняка приник ухом к двери, — я сделал себе игрушку. Для развлечения. Я надул горячим воздухом шар. Я и подумать не мог, что Святой Орден обидится на такой пустяк.

Жерард задумчиво потер подбородок.

— Это было опрометчиво, сын. Но вряд ли грешно. Орден не любит ничего нового... и правильно делает. А виноваты скорее все те, кто тебя научил... Я слышал, что «Прыжок мисс Фитзалан» — это шедевр, хотя я и не смыслю в таких вещах. Мастер Хобарт говорил, что без тебя он не смог бы написать эту картину.

— Мастер Хобарт — гений, — сказал Кирон, — но доля истины в его словах есть.

— Не бойся, мальчик. — Жерард обнял сына. — Тебя оправдают, а те, кто хочет тебя осудить, сами понесут наказание.

— Я ни на кого не держу зла, — сказал Кирон главным образом для брата Себастьяна. — И надеюсь, что Святой Орден установит мою невиновность и позволит мне и дальше заниматься своим делом.

Жерард хлопнул его по плечу.

— Хорошо сказано! Я знал! Я знал, что ты умный, развитой парень, а все это — сплошная неразбериха.

Кристен оказалась мудрее. Она прижала Кирона к себе и погладила его по голове.

— Тебе страшно, маленький мой? — прошептала она.

— Да, мама, мне страшно.

— Ты знаешь, что они будут делать?

— Да, мама. Я знаю, что они будут делать.

— Успокойся, Кирон. Мы умрем вместе. А если существует другая жизнь, то мы разделим и ее.

— Уймись, женщина! — вспыхнул Жерард. — Кирон будет жить.

Кристен отошла, обретя вдруг какую-то просветленность.

— Да, Жерард. Наш Кирон будет жить. Теперь я в этом уверена.

— Клянусь Молотом Лудда, да и своим молотком тоже, он будет жить! — воскликнул Жерард. — Он будет жить хотя бы для того, чтобы похоронить тех, кто пытается очернить его имя.

В дверь постучал стражник.

— Мы еще придем, — сказала Кристен. — Мы придем завтра. Я принесу свежие лепешки, масло и черничное варенье, которое ты так любишь.

Едва они удалились, в камеру вошел брат Себастьян.

— У твоего отца сильный голос, — сказал он осторожно.

Кирон слабо улыбнулся.

— Сильный ум и сильная рука. Он простой и славный человек.

— Тем не менее он произносит опасные слова.

— Мой отец — честный человек, и это знают все в округе, — спокойно ответил Кирон. — Он за всю жизнь никого не обманул и ни разу не согрешил. Его оружие — его честность.

— Что ты хочешь этим сказать, мальчик?

— Только то, брат Себастьян, что в вашей клетке одна птичка. Вторую из этого гнезда вам не заполучить.

Пришла навестить его и Петрина. Как требовали приличия, ее сопровождал отец.

Шолто, огромный, молчаливый и добродушный человек, не проронил ни слова. Разговор поддерживала налитая, созревшая для свадьбы Петрина.

— Кирон, ты такой бледный. Тебя хорошо кормят?

Он улыбнулся.

— Правду говорят, все женщины одинаковы. Вот и мать первым делом подумала о моем желудке.

— Есть, наверное, и различия, — вспыхнула Петрина. — И ты скоро их почувствуешь.

— Прости. Я не хотел тебя задеть. — Кирон повернулся к кузнецу. — Спасибо, Шолто, что вы пришли и привели Петрину. Я очень вам благодарен. Ни я, ни мой отец не будем в обиде, если вы решите теперь расторгнуть контракт.

Шолто неуклюже заерзал, посмотрел на стены, на потолок, на пол, словно ища там божественного указания. Ничего не было, и он наконец произнес:

— Кирон, мальчик, я люблю тебя. По правде, я в этой печальной истории ничего не понимаю. Я знаю, как обращаться с железом и сталью, во всем прочем я не силен. Остальным занимается моя жена Сольвиг. Теперь, — он бросил тревожный взгляд на дочь, — еще и Петрина. Я хозяин в кузнице. А с женщинами... — Он пожал плечами. — Разве можно их переспорить?

— Расторгнуть контракт? — взорвалась Петрина, отбросив волосы и выставив круглые, крепкие груди. — Ты хочешь расторгнуть контракт, Кирон Голова-в-Облаках?

Кирон опешил. Девочка, которую он так хорошо знал, превратилась в яркую женщину. Он полагал, что она сама захочет избавиться от обязательств перед еретиком, которого скорее всего отправят на костер. Но с женщинами никогда нельзя ничего предполагать.

— Я просто думал облегчить вам кое-какие неприятные моменты...

— Плохо ты думал, — оборвала его Петрина. — Иначе тебе не пришло бы в голову изобретать дурацких змеев и надувать шары горячим воздухом. И не пришло бы в голову путаться с Фитзаланами.

— Говори осторожнее, Петрина, — предупредил Кирон, помня, что брат Себастьян не отрывает ухо от двери. — Стены здесь тонкие, и слышно хорошо.

— Да наплевать! Пусть! Все и так знают, что Эликс Фитзалан по тебе сохнет. — Она улыбнулась. — Наверное, брат Себастьян тоже про это слышал.

— У брата Себастьяна отличный слух, — подтвердил Кирон. — Даже наши разговоры в камере не остаются без внимания.

— Это не имеет значения, — спокойно ответила Петрина. — Тут нечего скрывать. Так ты, значит, хочешь расторгнуть контракт?

— Нет, клянусь Недом Луддом. Я женюсь на тебе, Петрина. И при других обстоятельствах я сделал бы это с радостью.

Петрина улыбнулась.

— Тогда никаких проблем, Кирон. Я выхожу за тебя замуж. Вот так.

— Ты по-прежнему веришь предсказанию астролога Маркуса?

— Да, Кирон. А потом, что бы ни творил Святой Орден, он уважает брачные контракты. Это мне удалось узнать, хотя и с трудом.

— Ну и что?

— А то, что при нашем обоюдном желании Великий Инквизитор может отсрочить наказание до того времени, пока я не рожу тебе ребенка или не станет ясно, что я не могу забеременеть.

Кирон опешил.

— Ты пойдешь на это ради меня?

— Ты мой законный муж. Разве я могу поступить иначе?

Кирон рассмеялся.

— Астролог Маркус может оказаться прав.

— Не смейся над учеными людьми.

— Но как ты узнала о том, что наказание могут отсрочить?

— Неважно, как я узнала. К тому же это не наверняка: слишком многое зависит от настроения Великого Инквизитора. Знаю только, что раньше такое случалось. Святой Орден может даже ускорить день свадьбы, чтобы потом не пришлось откладывать казнь, — добавила она мрачно.

— Как же так? — растерялся Кирон. — Меня отпустят на свободу, пока у нас не появится ребенок?

— Нет, глупый. Мне разрешат разделить с тобой камеру. Их доброте есть предел.

— Ты хочешь жить в тюрьме с еретиком? Это же клеймо на всю жизнь!

— Я и вдовой останусь на всю жизнь, Кирон. Но таков мой выбор. Ты недоволен?

— Нет, я... Петрина, дорогая, я не могу просить у тебя так много.

— Правильно. Ты и не просил. Твоя совесть должна оставаться чистой.

Шолто нервно потер руки.

— Никогда не спорь с женщинами, Кирон. Будет еще хуже.

— Вы по-прежнему хотите, чтобы ваша дочь вышла за меня?

Шолто почесал голову.

— Контракт есть контракт. А потом, если женщина задалась какой-то целью, она ведь все равно своего добьется, насколько я знаю.

— Ну и не будем терять времени, — заявила Петрина. — Это решено. — Она приблизилась к Кирону и прошептала: — Ты можешь изобразить безумие?

Он изумленно уставился на нее.

— Могу ли я...

Она прижала руку к его губам.

— Мне говорили, что Святой Орден учитывает временное помрачение сознания, если есть люди, готовые выступить тому свидетелями.

— Ты многое узнала, — мягко сказал Кирон. — Многое и о многом. Кто научил тебя, Петрина?

Она прижала рот к его уху.

— Одна леди приезжала на лошади. Понятно?

Эликс! Эликс Фитзалан так взволнована его судьбой, что убедила даже Петрину. Голова Кирона пошла кругом.

В дверь постучал стражник.

— Мы придем еще, Кирон, — сказала Петрина. — Уверена, что отец и завтра пожелает меня сопровождать. Я принесу тебе кусок пирога и свинины, прямо из жаровни, и посмотрю, как ты будешь есть.

— Петрина, я хочу поцеловать тебя. — Кирон с сомнением взглянул на Шолто.

Кузнец расхохотался.

— Целуй ее, мальчик! Целуй хорошо. Только так и можно победить женщину.

Ближе к вечеру в тот же день пришел Хобарт. На плечи старика была наброшена шаль, в руках он держал флягу с водкой, а все его тело сотрясал кашель.

— Кирон, мальчик мой, как с тобой тут обращаются?

— Вполне прилично, мастер Хобарт. Я, как видите, жив и здоров.

— Ты похудел. И побледнел тоже.

— Вес меня не волнует. А вот солнышка недостает.

— Скоро будет солнышко, мальчик мой. Скоро будет. Я написал заявление, что шар ты построил по моей просьбе. Он был мне нужен для рисования, это на самом деле так. Мне был нужен рисунок замка с высоты.

Кирон едва не расплакался.

— Отец, вы не должны делать этого. Вы не можете подвергать себя такому риску.

С некоторым усилием Хобарт выпрямился.

— А кто мне вправе помешать? Ты назвал меня отцом, и я этим горжусь. А разве отец не должен защищать своего сына, пусть даже не родного, а духовного?

— Но сын... духовный сын тоже имеет обязанности. — Кирон протянул руку. — Я прошу вас уничтожить этот документ. Он опасен.

— Опасен?! Да наплевать! — Мастер Хобарт прихлебнул из бутылки. — Ты меня прости, Кирон. Эта жидкость необходима старику, пережившему свои силы и талант... Всю жизнь, Кирон, я прожил в безопасности... и в страхе. В страхе перед теми, кто дает мне работу, в страхе утратить свои скромные способности. Но приходит время подняться над страхом. Когда надо защитить того, кого любишь. Прости меня. Я не мужественный человек. Я черпаю свою решимость из этой фляги. Прости меня. Но я был рядом с великим. И я доволен. Понимаешь? Я видел, как ты кладешь мазки, несущие в себе дикую, невиданную силу. Я знаю, что ты пойдешь далеко. Я хочу, чтобы ты рисовал, ибо к этому у тебя огромный дар. Но если ты хочешь достичь звезд, я принимаю это. Хотя и не в силах уразуметь. Большего тебе сказать не могу. Принимаю. Между нами все ясно?

— Мы понимаем друг друга, отец.

— Значит, все сказано. — Хобарт сделал солидный глоток. — Я пережил свой талант и свои силы, но я еще не пережил своей пользы. Сейчас я хочу заплатить очень маленькую цену за твою свободу.

Кирон уже не мог сдержать слез.

— Отец, вы убиваете меня своей любовью.

Хобарт улыбнулся.

— Я видел, что ты вырос, окруженный любовью. Я учил тебя с любовью. Любовью я не причиню тебе вреда... Кирон, я не уверен, что смогу прийти к тебе еще. Здоровье, ты понимаешь?

— Понимаю.

— Так что поцелуй меня, сынок. Для тебя это очень мало, а для меня много, потому что я старый дурень.

Кирон обнял его и поцеловал.

Мастер Хобарт выпил еще. И ушел. Спустя два дня его обнаружили повесившимся на стропилах в собственной спальне.

17

Последние дни в Исправительном доме луддитов Кирон вспоминал с удовольствием. Это были последние дни знакомого ему мира, последние дни порядка, безопасности и покоя.

Жерард и Кристен навестили его еще раз. Пришла еще раз и Петрина. После определенных сомнений Кирона навестил и Эйлвин, ученик мельника.

Он ничего не знал о предпринимаемых в защиту Кирона шагах и смотрел на товарища с таким сожалением, словно запах дыма уже разъедал ему ноздри.

— Да, Кирон, в печальную минуту я пришел к тебе...

Кирон расхохотался.

— Да не так-то уж все и плохо. Кормят досыта, сплю вволю, родные и близкие не забывают.

Уверенный, что их подслушивают, Эйлвин кивнул в сторону запертой двери:

— Я не нарушал данного тебе слова, Кирон.

— Хорошо, дружище. Я тоже. И не собираюсь. Не будем из-за этого волноваться.

Эйлвин почувствовал облегчение. Ему совершенно не хотелось привлекать к себе внимание Святого Ордена.

— Многие готовы выступить в твою защиту. И я среди них, если ты меня попросишь.

Кирон видел страдание в глазах Эйлвина и понял, что ему нелегко дались эти слова.

— Эйлвин, спасибо тебе. Я благодарен за твою доброту, но пусть в мою защиту прозвучат более сильные голоса.

— Если случится самое худшее... — начал Эйлвин.

— Не случится. — Кирон тоже кивнул на дверь и добавил пророческим голосом: — Я останусь жить хотя бы для того, чтобы похоронить всех тех, кто желал мне зла. В этом я тебе клянусь.

Эйлвин поерзал.

— Наверное, мне пора.

— Не забывай о том, чему ты научился. У тебя есть талант, я знаю.

Эйлвин пожал плечами. Где он теперь будет брать материалы и уроки?

— Мы с тобой оказались прикованными к своей судьбе, Кирон. Я приду еще. — Он протянул руку. — Ты мой настоящий друг.

Больше он, однако, не пришел в Исправительный дом, а когда Кирон увидел его в следующий раз, Эйлвин был уже не тот. Он уже не был художником. И черные волосы его побелели.

Последним посетителем Кирона была Эликс Фитзалан. Ее сопровождал управляющий поместьем, который всем своим видом показывал крайнее недовольство состоявшейся встречей.

— В присутствии госпожи Эликс Фитзалан полагается стоять, — сухо объявил он, что было совершенно излишним, ибо Кирон уже встал.

— Кентигерн, — холодно отчеканила мисс Эликс, — ступайте и разделите общество брата Себастьяна, чье тяжелое дыхание свидетельствует о его присутствии. Обсудите с ним интересующие вас темы, извлеките для себя пользу от общения с просвещенной и чистой душой.

— Но, госпожа, сеньор Фитзалан велел мне находиться в пределах слышимости.

— Вот и находитесь. Я слышу прекрасно. Сейчас я, например, слышу, как брат Себастьян трясется, словно юродивый. А может, у него видения. Кстати, расспросите его.

Раздосадованный, Кентигерн удалился. Некоторое время Кирон слышал, как он говорил о чем-то с братом Себастьяном по ту сторону двери.

— Ну что, Кирон?

— Ну что, мисс Эликс?

Они смотрели друг на друга, едва сдерживаясь, чтобы не броситься в объятия. О чем немедленно донесли бы дежурившие у замочной скважины.

— Значит, ты украл книгу из библиотеки моего отца. Во всяком случае, так я слышала. — Глаза же ее в это время говорили: «Спасибо, любимый, что защитил меня».

Кирон принял игру:

— Мне бесконечно жаль, мисс Эликс, я хотел взять ее на время.

— А ты знал, что там ересь?

— Нет, мисс. По правде говоря, я хотел почитать ее и при первой же возможности вернуть на место.

— Отец считает тебя глупцом, Кирон. Безвредным глупцом.

— Да, мисс Эликс. Я действительно глупец. И злых намерений у меня не было.

Кирон опустился на колени и поцеловал девушке руку. Ему хотелось впиться ей в губы и ощутить под рукой ее груди. Но он помнил о подглядывающих и подслушивающих.

— Мисс, наверное, в самом деле странно, что вы занимаетесь моими проблемами. И хотя я ничто по сравнению с вами, я бесконечно благодарен вам за внимание к моей судьбе.

Эликс печально улыбнулась:

— Встань, Кирон. Художник знает свою натуру. А натура знает своего художника. Им не нужны формальности.

— Мисс, я... — Кирон взглянул на дверь камеры.

— Да, знаю. Уши торчат отовсюду. Мастер Кентигерн побагровел, а брат Себастьян засопел. Это меня не волнует... Отец просил поблагодарить тебя за то, что ты взял эту книгу.

— Как?

— Очень просто. Он и не знал, что у него была еретическая книга. И теперь рад, что избавился от нее. Он тоже выступит в твою защиту. Он просил передать, что, хотя и поддерживает Святой Орден в искоренении ереси, но считает: дураки, которых среди нас много, должны переводиться без ее участия.

— Он очень добр ко мне.

Вспомнив свой последний разговор с сеньором, Кирон подумал, что тот исключительно к нему добр.

— Помимо всего, он практичный человек, — загадочно добавила Эликс. — И для достижения своих целей привык платить столько, сколько надо... Кирон, у меня для тебя новости. Хорошие и плохие.

Кирон понял.

— Мастер Хобарт?

— Он умер. И оставил документ.

— Я знаю. Как он умер?

— Повесился... Святой Орден не пошлет тебя на костер. Этот документ снимает с тебя вину. Против него и всех, кто выступит в твою защиту, Орден окажется бессильным.

Кирон рыдал. Потом кинулся к двери.

— Брат Себастьян! Ты слышишь меня? Если меня оправдают, тебе лучше уехать отсюда! Потому что, если ты не уедешь...

— Кирон! — резко крикнула Эликс. — Не своди на нет то, ради чего умер добрый человек!

Кирон спрятал лицо в ладонях.

— Прости меня, Эликс. Он был мне как отец и...

— И он будет славен своей последней работой. Величайшей из всех его картин. Ты, кажется, ему помогал... Будь же достоин его. И довольно об этом.

Кирон поднял красные от слез глаза.

— Я постараюсь быть достойным его. Но кто скажет, что мне это удалось?

— Покажет время, Кирон. Мне пора идти. — Она улыбнулась и вдруг отбросила всю осторожность. — Отец поставил жесткие условия... Но ты все равно поцелуй меня, Кирон. Поцелуй, чтобы я это запомнила.

Кирон опешил.

— А брат Себастьян?

— Он уже не играет большой роли, его дни сочтены. А Кентигерн верен дому Фитзаланов. Поцелуй меня. Будь снисходителен к женскому капризу. У меня предчувствие. Мне снятся сны... — Она вздрогнула. — Поцелуй меня.

Кирон прижал ее к себе, ощутил теплые молодые груди и принялся целовать ее рот, щеки, уши, шею... У него тоже было предчувствие. И он знал, что больше не обнимет живую Эликс Фитзалан..

18

Кирон спал плохо: мучили сны. Он видел себя ребенком, вдвоем с Петриной поздним летом. Они решали, что делать: выследить пчел и найти мед или отправиться за яблоками и грушами. Остановились на яблоках.

Картина переменилась. Чудное октябрьское утро, небо неописуемой голубизны, из легкой дымки вверх поднимались зубцы и стены замка; мальчик Кирон с сумкой из оленьей шкуры шел в дом мастера Хобарта. Вот он увидел одуванчик, сорвал

его и дунул. Семена медленно поплыли в воздухе.

Могучий голос, наполнивший, казалось, весь мир, произнес:

— Значит, ты хочешь летать?

Испуганный Кирон огляделся. Никого рядом не было. Но что-то подсказывало ему, что надо отвечать.

— Да, — сказал он, — я хочу летать.

В ответ раздался смех.

— Это птицы летают. А люди ходят по земле. Брось опасные мысли!

По-прежнему никого вокруг не было. Испуганный, Кирон побежал к дому мастера Хобарта.

Туман и тьма. Потом яркий свет. Кирон летел по небу и вдруг стал падать. Ледяное море и резкая боль в ноге. Неожиданно возникло лицо брата Себастьяна — огромное, как замок. Он смотрел на Кирона холодными глазами.

— Ересь, Кирон. За ересь людей сжигают. Сжигают! Сжигают! Сжигают!

Лицо брата Себастьяна скрылось в черном тумане. Нет, не в тумане — в столбе дыма.

Кирон задыхался. С криком он открыл глаза. Кругом действительно стоял дым, камера была погружена во тьму. Слышались крики, шум, вопли, удар грома. Или это не удар грома?

Он ничего не мог сообразить, однако дым был настоящий. Кирон мучительно кашлял, глаза заливали слезы. Он хотел вдохнуть свежего воздуха, но воздуха не было. Один удушающий дым.

Вопли, крики и гром, казалось, стихли; все происходило где-то далеко. Его оставили задыхаться в этой тьме.

Кирон попытался кричать, но издал лишь жалобный хрип. Он лихорадочно пытался найти хоть какое-то объяснение происходящему.

— Очевидно, суд уже прошел, — сказал он себе спокойно, — меня признали виновным. И я уже не в камере. От дыма и жары разум мой помутился. Я на костре, я горю. А почему темно? Очевидно, первыми отказали глаза. Значит, это конец, Кирон Голова-в-Облаках. Я думал, будет ужаснее.

Разрываясь от кашля, он рухнул на пол, все еще не теряя сознания, чувствуя лицом, что каменный пол теплый. Это иллюзия. Умирающие всегда пытаются избежать своей участи...

Он потерял сознание.

Снаружи, на улицах Аранделя, продолжались крики, гам и шум пожара. К счастью, Кирон оказался избавленным от всего этого. Он лежал на полу, широко открыв рот, и бессознательно пытался вдохнуть хоть немного оставшегося воздуха. Он бы, вне всякого сомнения, задохнулся, если бы не случились два события — одно сразу же вслед за другим. Звероподобный бородач несколькими ударами топора выломал дымящуюся дверь и сунул в камеру факел, чтобы определить, не лежит ли там чего ценного. Факел тут же потух — воздуха совсем не осталось; ворвавшийся тем не менее успел разглядеть, что, кроме лежащего на полу человека, в комнате ничего нет. Труп его не интересовал.

Почти сразу же ветер переменился и вытянул гарь из камеры.

Кирон был почти при смерти. Прошло немало часов, прежде чем к нему вернулось сознание.

На лице, ладонях и ступнях повскакивали волдыри от ожогов. Было невыносимо больно. Малейшее движение вызывало раздирающий кашель.Тем не менее он поднялся на ноги и выбрался из камеры, а потом и из Исправительного дома луддитов. Никем не замеченный, он споткнулся о тело брата Себастьяна. Тот лежал с перерезанным горлом, но Кирон этого не увидел. Он побрел по улицам Аранделя.

Только что рассвело. Город вымер. Мертвый город с тлеющими руинами домов. Кроме шума рушащихся обломков и потрескивания догорающих бревен, ни один звук не нарушал тишины. Живые покинули Арандель, а мертвые остались лежать там, где упали.

Кошмар сновидений оказался реальностью.

Часть вторая

ДОСТИГШИЙ НЕБА

1

Ничего не соображая от боли и шока, Кирон побрел в сторону замка, шатаясь как пьяный. Главные ворота были разнесены в щепы, судя по всему, взрывом.

Он перебрался через обломки ворот и трупы защитников. Происходящее не поддавалось осмыслению, сознание не включалось. Работали только инстинкты. И они вели его на поиски Эликс.

Он нашел ее.

И пожалел об этом.

Она лежала в большом зале под галереей менестрелей — ночная рубашка задрана на голову, ноги широко раздвинуты. Меч торчал из живота, пригвоздив девушку к деревянному полу.

Кирон опустил рубашку и взглянул на ее лицо. Он увидел бледную, страшную незнакомку. Широко распахнутые от ужаса глаза уже подернулись пеленой смерти, рот был безвольно открыт, а на искусанных губах запеклась корка крови.

Кирон был достаточно взрослым, чтобы представить, как она умерла; он был достаточно юным, чтобы горевать искренне и безутешно. С криком отчаяния он упал на колени и принялся целовать холодный лоб. Его слезы заливали ее лицо, искаженное мукой и ужасом, временами ему казалось, что она тоже плачет.

— Эликс! Эликс! — выкрикивал он сквозь рыдания. — Я хочу умереть рядом с тобой. — Затем иная мысль пронзила его раскаленной иглой, острая, как само горе. — Нет, клянусь Молотом Лудда, я останусь жить и разыщу тех, кто это сделал. И найду для них страшную кару!

Потом Кирон закрыл ей глаза и осторожно вытащил меч. Лезвие оказалось очень узким. Кровь не выступила.

— Я сохраню этот меч, — произнес он вслух, — чтобы вернуть его владельцу.

Кирон выпрямил руки и ноги Эликс и аккуратно расправил рубашку на ее теле. Некоторое время он гладил ее волосы и наконец, пробормотал:

— Спи спокойно, любимая. Я буду жить, и мертвые никогда не будут забыты.

Зажав в руке меч, он осторожно обошел замок. Резня и разрушения потрясли его. Повсюду с оружием в руках лежали убитые люди сеньора Фитзалана. Среди них было и много чужих. В странных одеждах — темнокожие, белые...

Двух младших дочерей Фитзалана он не нашел. Их либо увезли, либо убили в другом месте. Самого сеньора Фитзалана Кирон обнаружил в одном из верхних коридоров. Он лежал рядом с дверью в спальню, в одной руке у него был меч, в другой кинжал, на груди, на белоснежной нижней рубашке алело красное пятно, а на лице застыло изумление.

В спальне, на огромной кровати, каких Кирон не видел ни разу в жизни, на изорванных и окровавленных шелковых простынях лежала жена сеньора.

Одежды ее были сорваны, и, судя по всему, ей пришлось пережить те же мучения, что и Эликс.

Кирон больше не мог смотреть, у него даже не достало сил должным образом прикрыть мертвую. Он кинулся из комнаты, чувствуя, как тошнота поднимается из желудка и наполняет сухой рот.

Кирон начал думать. Разрушения были огромны, Арандель и замок опустели... Но не могли же погибнуть все? Многие, очевидно, успели бежать в предместья, где люди, в том числе его мать и отец, имели хорошую возможность спастись. Да, если повезет, он найдет многих, переживших эту безумную ночь. Он обязан разыскать их, разузнать о происшедшей трагедии и определить, что нужно делать.

По-прежнему не выпуская из руки меч, Кирон направился по темным переходам к выходу.

Вдруг он услышал стон. Кирон замер. Стон повторился, и он пошел на звук.

Он снова оказался в огромном зале. Недалеко от того места, где он нашел Эликс, лежал чужеземец в диковинных одеждах. Весь живот его был залит кровью; видно, удар был хорош. Кирон удивился, как мог он его не заметить раньше.

Темнокожий чужеземец бешено вращал глазами и бормотал что-то на незнакомом языке. При этом руки его вытягивались, словно он молил о чем-то.

До Кирона вдруг дошло, что это вполне мог быть один из тех, кто надругался над Эликс.

Мысль его обрадовала. По крайней мере, хоть кому-то можно отомстить.

Он поднял меч, пронзивший Эликс.

— Пусть Лудд сжалится над тобой. От меня пощады не жди.

Он вонзал меч — раз, другой, третий...

С каждым ударом темнокожий издавал страшные хрипы. Потом испустил глубокий вздох и затих.

Кирон торжествовал: счет открыт. Потом, едва соображая, где он и что делает, Кирон выбрался из замка.

К его великому изумлению, стоял яркий солнечный день. В замке лежали замученные Эликс и ее родители, на улицах Аранделя валялись трупы и тлели остатки строений... Кирон недоверчиво поднял голову и уставился в синее небо, заслонившись рукой от солнца. Оно ошиблось. В такой день не может быть приветливого света.

Он попытался сообразить, что же сейчас делать. Надо найти Жерарда и Кристен, найти хоть кого-нибудь живого. И узнать, что все-таки произошло.

Не выпуская меча, Кирон устало побрел в сторону предместья. Там, среди холмов, наверняка остались живые.

Ужасно хотелось пить. Горло пересохло, губы покрылись коркой. Не пройдя и пятидесяти шагов от замка, он издал отчаянный крик и повалился на землю.

Темнота опустилась на него среди солнечного дня. Он был рад ей. Темнота пришла как друг.

Кирону должно было исполниться восемнадцать, скоро совершеннолетие. Но за один этот день он повзрослел на несколько лет. Он повидал слишком много. Больше, чем может увидеть взрослый человек и сохранить при этом рассудок.

Тьма навалилась на него и защитила от безумия.

2

Шолто лил воду на его губы. Петрина держала голову. Кто-то пытался вытащить из руки меч, но пальцы не разжимались.

— Ну, мальчик, успокойся, — приговаривал Шолто. — Ты в безопасности. Я тащил тебя на спине, и при каждом шаге этот меч тыкал меня в ногу. Сейчас ты можешь его отпустить. Ты среди друзей.

Кирон сел, протер глаза, облизнул губы и попытался сообразить, где он и что происходит. Петрина поцеловала его, и он выпустил меч. Пальцы нестерпимо болели.

Кирон огляделся. Солнце по-прежнему стояло высоко. Вокруг, на лесной поляне, было много людей, знакомых и незнакомых. Родителей он не увидел.

— Мои отец и мать?

Это были его первые слова. Голоса он не услышал, с губ сорвался сипящий хрип, словно каркал древний старик. В легких еще остался дым, и Кирон тут же зашелся кашлем.

— Крепись, парень, — сказал Шолто. — Надо уметь переносить несчастья.

— Они мертвы?

— Да, мертвы... Твой отец успел рассчитаться. Рядом с ним мы нашли троих, которые убедились в его силе.

— А мать?

— Прости меня, сынок, — мягко произнес Шолто. — Есть вещи, для которых я не могу найти слов. Я простой человек. Прости меня. Моя жена тоже мертва, и разум мой помрачен... Твоя мать была незаурядной женщиной. Давай не будем больше об этом.

Кирон осмысливал сказанное. «Шолто прав, — тупо подумал он. — Лучше не расспрашивать».

— Поблагодари Лудда, что сам остался жив, — сказала Петрина.

— Эликс Фитзалан убита, — промолвил Кирон. — Меч, который ты держишь, я вытащил из ее живота.

Петрина поцеловала его еще раз.

— Да пребудет с ней Лудд. Она была прекрасна. Мне нечего делить с духом мисс Фитзалан.

— И кто же, — Кирон поднял голос, — кто уничтожил нас? Кто устроил ночную резню и бесчинство?

Странное лицо возникло перед ним.

— Господин, эти люди — разбойники, подонки и негодяи. Они пришли из Северной Африки. Опустошив берега Средиземноморья, они принялись за Европу.

Кирон вгляделся в худого человека с дикими глазами. Незнакомец был одет в лохмотья, сквозь которые виднелись кровавые раны.

— Откуда ты знаешь?

— Я приплыл с ними.

Кирон непроизвольно схватился за меч.

— Приплыл с ними? — Он вскочил на ноги. — Значит...

— Спокойно, мальчик, — остановил его Шолто. — Не хотелось бы разбивать тебе голову. Этот незнакомец пришел как друг.

— Я приплыл не по доброй воле. Меня взяли в рабство.

— У них есть рабы? — изумился Кирон.

— И мужчины, и женщины, — мрачно подтвердил моряк. — Если раб силен и здоров, его кормят, а когда он заболевает или не может больше приносить пользу, его выкидывают за борт.

— Они не люди!

На лице незнакомца заиграла ледяная улыбка.

— Может, они и не люди, но они смертны! В прошедшем году у меня было мало радостей, но одну я запомню на всю жизнь. Двоим из них я намотал на шею цепи, которыми сковали мои руки и ноги. Я с удовольствием сорвал для этого собственную кожу.

Он вытянул вперед руки; запястья превратились в кровавое месиво. Кирон отвернулся.

— Я сам сбил с него цепи, — сказал Шолто.

Придя в себя, Кирон повернулся к незнакомцу:

— Простите меня, сэр.

— Вы ничем меня не обидели. Пусть меч, которым вы завладели, еще не раз побывает в телах тех, кто его принес сюда.

— Да поможет нам Лудд! — сказал Шолто.

Кирон огляделся. На поляне находилось около сотни человек — мужчин, детей и женщин, некоторые нервно расхаживали с оружием в руках, не в силах успокоиться.

— Это все, кто выжил? — спросил Кирон.

— Нет, мальчик. Выжило гораздо больше. Кстати, наш отряд растет! — Кузнец показал на только что подошедших пятерых мужчин. — Уцелели почти все, кто проживал в предместье. Мы разослали гонцов, они созывают людей в Мизери.

Наконец Кирон понял, где он находится. Мизери, полоса леса в пяти километрах от Аранделя. В детстве они часто забирались сюда с Петриной, поражаясь огромным буковым деревьям. Когда-то очень давно они лежали здесь под буком, и Петрина рассказала ему о предсказании астролога Маркуса, а он признался ей в желании летать.

Все это осталось в далеком мире детства, в давно умершем мире.

— Зачем вы собираете людей?

— Когда у нас будет достаточно сил, мы сможем пойти на Литтл Хэмптон, где обосновались эти подонки, и там они получат по заслугам.

Оставив Шолто и Петрину, Кирон отправился на поиски человека с кровавыми запястьями.

— Сколько у них кораблей?

— Было десять, сейчас, может быть, двенадцать. Придут еще.

— А сколько человек?

Моряк пожал плечами.

— Может быть, восемьсот. Может быть, тысяча. Они приплывают. Это народ, процветающий на горе других. Все пожрав, как саранча, они снимаются и ищут другое место.

— Ты сказал, что это народ. Как они могут быть народом? Я видел трупы: это люди разных рас, разного цвета кожи.

— Одно у них общее, они все — люди без родины. Каждый из них отрекся от страны, где родился. Тем и опасны эти бандиты, что сознательно отринули законы цивилизованного мира. Им нечего терять. Они называют себя Братством Смерти.

Петрина потянула его за рукав.

— Пойдем поешь, Кирон. Ты, наверное, страшно проголодался. Когда ты ел в последний раз?

Он попытался вспомнить. Вчера, скорее всего, он ел. Но со вчерашнего дня прошло больше, чем несколько часов, прошла целая вечность. Кирон так и не вспомнил, ел он или нет.

Петрина отвела его к костру, над которым кипел огромный котел, и протянула тарелку с рагу. Скрестив ноги, юноша принялся механически есть. Он видел, что рагу приготовлено из кролика, пастернака, моркови, картофеля и приправ. Но на вкус ощущал мокрый песок.

В Мизери продолжали прибывать люди. Пришел и Эйлвин. Он был в ужасном состоянии, едва держался на ногах. Его привела мать. Убедившись, что сын в безопасности, она ушла из Мизери и воткнула кинжал себе в сердце. Муж ее был мертв, а ей Братство Смерти оказало достаточно внимания. Она не хотела больше жить.

— Эйлвин! — воскликнул Кирон. — Рад тебя видеть.

Эйлвин протянул руку.

— Не радуйся особо, Кирон. Мир, который мы знали, безвозвратно ушел. — Рука его была перерезана и крепко схвачена веревкой у кисти. — Я больше не смогу рисовать.

— Ты будешь рисовать, — сказал Кирон. — Клянусь.

Эйлвина поддерживали братья Гильдебранд и Лемюэль.

Кирон смерил их презрительным взглядом.

— Ищете воздушный шар, братья? Я не успел сделать еще один. А где брат Себастьян, ревностный искоренитель ереси?

— Брат Себастьян мертв, — мягко ответил брат Лемюэль.

— Божественный Мальчик так жаждал его общества.

Брат Гильдебранд выставил руку:

— Остановись, Кирон. Что прошло, то прошло. Брат Себастьян, возможно, переусердствовал. Мы не будем сводить счеты.

— Остановись, говоришь?! Странное слово, когда сеньор и вся его семья погибли в ужасных муках, а вместе с ними и полгорода. Нет, брат, мы будем сводить счеты. Но не за воздушный шар.

— Замолчи, Кирон, — вмешалась Петрина. — В горький час ни к чему горькие слова. Братья помогали больным и раненым и не раз рисковали жизнью. — Она обняла теряющего сознание Эйлвина. — Ты же не собираешься держать речь, когда твой друг истекает кровью?

— Простите меня, — произнес Кирон. — Я как всегда веду себя глупо. Я не беру обратно своих слов, но хочу, чтобы не было обиды.

— Кирон, — обратился к нему брат Гильдебранд, — ты хорошо сказал. Обиды нет. Сейчас мы все нужны друг другу. Наверное, в этом и есть божественное предназначение.

Монахи увели Эйлвина и уложили на приготовленную ими же грубую постель из травы и веток. Некоторое время Кирон слышал его стоны, затем стоны перешли в крик. Он вскочил, чтобы бежать к другу, но ноги не держали его, мир странно завертелся... Петрина говорила что-то, чего он не слышал...

Потом остались одни кошмары.

3

Несколько сотен лет на Британских островах не было ни монархии, ни парламента, ни вообще какой-либо центральной власти. Страна была поделена на феодальные владения. Великие сеньоры, они же крупные землевладельцы, время от времени собирались в Лондоне на совет. Как правило, речь шла о сельском хозяйстве и торговле — никто и не заговаривал о единых налогах, формировании армии или общем подходе к внешнеполитическим вопросам. Каждый сеньор отвечал за безопасность своего владения. При этом нередки были союзы с соседями; часто союзы скреплялись браками. Так и хотел поступить Фитзалан, выдавая свою дочь за Тальбота из Чичестера. А учитывая, что дни Тальбота были сочтены, объединение владений произошло бы наиболее благоприятным для Фитзалана образом. Судьба, однако, распорядилась иначе, вместе с сеньором Фитзаланом и его дочерью погибла и мечта об огромном процветающем поместье.

Хотя центральной власти в Британии не существовало, безусловно существовал единый духовный центр — Орден Луддитов.

Первые и Вторые Люди уничтожили себя, создав

немыслимое количество машин и не сумев с ними справиться. Зародившийся из обиды и злости неискушенных, простых людей, луддизм превратился в мощное движение. Нед Лудд, недоразвитый мальчик, разломавший своим молотком вязальный станок в самом начале Промышленной революции, постепенно обрел божественный облик.

С угасанием христианства луддизм процветал. Как философское учение он оказался удобнее. Иисус из Назарета, или Иешуа бен Давид, если уж называть его правильно, никогда не задумывался над моральными проблемами, возникающими в связи с использованием различных механизмов. Он любил рассуждать вообще: о всеобщем братстве, о недопустимости угнетения... Его философия вышла из моды. Дважды человечество уничтожало себя с помощью собственных же машин. И, обращая взгляд в глубь истории, люди поняли, что выступивший против этих машин и есть истинный спаситель человечества. В ретроспективе божественную власть приобрел Нед Лудд, идиотик из Лестершира. Позднее было установлено, что он, преломив одну булку, накормил несколько тысяч человек, прошел, аки по суху, по реке Трент, а накануне своего распятия превратил воду в пиво.

В Британии Луддитский Орден был особенно силен. Антимашинизм стал религией достаточно мощной, чтобы положить конец всякого рода изобретениям и убедить феодалов во зле всех неосвященных церковью механизмов.

Луддитский Орден был чисто британским явлением, но отвращение к машинам не знало границ.

За крахом второй, основанной на царстве машин цивилизации последовали столетия варварства, в течение которых люди с паническим ужасом воспринимали саму идею развития техники.

У некоторых народов страх был сильнее, чем у других. В России, Китае, Африке и Индии, где автоматизация повседневной жизни никогда не была достоянием широких масс населения, люди просто вернулись к образу жизни далеких предков. Они пахали деревянными плугами, запрягая в них лошадей, быков, мулов. Цепами молотили зерно и рис. Добывали мясо копьями и стрелами. А пряжу изготавливали вручную.

В Японии, где к страху перед машинами примешивалось извечное ими восхищение, в очередной раз был изобретен паровой двигатель, который использовали на больших и малых судах. Японцы обратились к традиционной для них философии изоляции, и японские паровые двигатели работали исключительно в Японии.

Паровой двигатель возродился также и в Северной Америке, но там основной задачей было восстановить полноценную связь со Старым Светом. Прошло немало лет, прежде чем американские пароходы доказали на просторах Атлантики свою эффективность по сравнению с легкокрылыми парусниками.

А на Британских островах, некогда являвшихся колыбелью Промышленной революции, Луддитский Орден волевым порядком провозгласил злом все неугодные машины, причем угодность машин определял опять-таки он. Британия, таким образом, была обречена на безнадежное отставание от остальной Евроцы.

Нашествие пиратов, взявших штурмом наряду с Аранделем много городов по всему побережью, невольно помогло Кирону ослабить влияние Ордена на сознание его соотечественников и продемонстрировать им, что машины, разрушившие две предыдущие цивилизации, необходимы для выживания и развития третьей.

4

Кирон проспал весь следующий день и всю следующую ночь. Все это время конные гонцы продолжали собирать в Мизери людей из различных концов владения. На счастье, держалась сухая и теплая погода. Мужчины строили хижины и палатки, охотились на оленей, зайцев, фазанов, а женщины готовили пищу и смотрели за ранеными.

Кирон не проснулся, когда Шолто перенес его в небольшой шалаш из еловых ветвей. Не знал он также, что Петрина просидела над ним всю ночь, гладила его по лицу, охлаждала пылающий лоб и шептала нежные слова, когда он в беспамятстве вскрикивал.

Рано утром он проснулся, чудесным образом отдохнувший и посвежевший. Отведав на рассвете фазаньей грудки и попив козьего молока, Кирон почувствовал себя другим человеком. За исключением постовых весь лагерь спал мертвым сном: люди устали от ран, переживаний и страшного напряжения. Позавтракав, он снова завел Петрину в шалаш. Она едва держалась на ногах после бессонной ночи, но Кирон этого не знал. Он расстегнул блузку девушки и принялся ласкать ее груди. Забыв об усталости, Петрина застонала от удовольствия. Ее голос и груди так возбудили Кирона, что терпеть больше он не мог. Он повалил ее на ветки. Это было необходимо. Первый раз Кирон был с женщиной.

Потом он задумался, почему возникла такая потребность. Не простое вожделение, нет, скорее, любовь и жизнь заявили о своих правах. Он пережил слишком много страданий и смертей и теперь искал спасения в эмоциональной и физической близости.

Кирон вспомнил Эликс, вспомнил с любовью. И в этом не было неверности по отношению к Петрине.

Потом они лежали, шептались, ласкали друг друга. Когда-нибудь он расскажет Петрине об Эликс, когда-нибудь она разделит его скорбь. И они вместе соберут траурный венок...

Постепенно лагерь в Мизери ожил. Женщины занялись приготовлением пищи, мужчины осматривали оружие, советовались, обменивались новостями. Кентигерн, управляющий сеньора Фитзалана, вырвался из осажденного замка с легкими ранами плеча и ноги. В отсутствие других представителей власти его единодушно признали лидером уцелевших. Он был способным человеком. Кентигерн уже отправил письма в Лондон, запрашивая Великий Совет о состоянии дел в стране.

Для определения масштабов вторжения были посланы гонцы на восток и запад.

Незнакомца, приплывшего с пиратами, звали Исидор. Некогда он был помощником капитана на четырехмачтовом бриге, торговавшем вином вдоль европейского побережья. У берегов Испании полное товара судно захватили пираты. Капитана повесили, команду взяли в рабство. Многие позже скончались от лихорадки и плохого питания. Исидору удалось выжить.

Пока Кентигерн собирал информацию, а в Мизери продолжали прибывать новые люди, Кирон беседовал с Исидором. Ему хотелось побольше разузнать о враге.

Более ста лет, как рассказал Исидор, пираты наводят ужас на все Средиземноморье. Каждый из них, несмотря на расу или национальность, поставил себя вне закона своей родины, и никто не признавал честного труда. Пираты нападали не-

большими отрядами, состоящими из двух, от силы четырех кораблей, предпочитая далекие от крупных городов селения.

В течение последних лет, однако, число пиратов угрожающе выросло. А непререкаемую власть над ними обрел человек, прозвавший себя Адмирал Смерть. Никто не знал его настоящего имени. Никто не знал, откуда он, ибо на многих языках он говорил, как на родном.

По словам Исидора, Адмирал Смерть был еще молод, около тридцати, и обладал природным даром лидера. За несколько лет ему удалось объединить разрозненные группировки средиземноморских пиратов. Из них он выковал новую, морскую нацию, живущую по собственным законам и не признающую никаких прочих народов в мире. Каждый пират, мужчина или женщина, клялся главарю в абсолютной верности, и слово вожака определяло жизнь или смерть.

Были у него и свои странности. Так, например, Адмирал не переносил детей и беременных женщин. Если ему случайно попадался на пути ребенок, его тут же закалывали мечом. Беременных женщин в плен не брали, их немедленно предавали смерти; если же беременность становилась заметна позднее, их вышвыривали за борт.

По-видимому, проблема продолжения человеческого рода Адмирала не волновала совершенно.

Сейчас его флагманский корабль, с которого и сбежал Исидор, стоял на якоре в Литтл Хэмптоне. Адмирал Смерть лично возглавил экспедицию на Арандель и другие городки Южной Англии.

Исидор утверждал, что в планы Адмирала входит создание временных колоний на берегах Британии для организации набегов на Северное побережье Европы. По иронии судьбы, Британия была избрана Адмиралом именно в силу могущества Луддитского Ордена. Он знал, что все машины преданы здесь анафеме. А следовательно, и достойного отпора ему не будет. Сам же Адмирал Смерть истово верил в могущество техники. И накопил немалый опыт применения ее в разрушительных целях. Он пользовался порохом и пушками, его инженеры изобрели осадные орудия, способные забрасывать зажигательные бомбы в любую крепость. При этом Адмирал Смерть не пренебрегал ни мечом, ни луком, ни арбалетом, хотя опыт убедительно свидетельствовал, что все это игрушки по сравнению с огнестрельным оружием. Бог войны улыбался не правым, а лучше вооруженным.

Но была у Адмирала и своя слабость, свойственная, кстати, многим мореплавателям. Адмирал боялся огня. Но не просто боялся, боялся панически. Поговаривали, что несколько лет назад, во время разграбления французского городка, он случайно оказался запертым в портовом складе, который его же люди и подожгли. Поговаривали также, что получивший сильнейшие ожоги обеих ног Адмирал навсегда лишился мужской силы.

Мрачно слушавший Исидора Кирон в этом месте несколько просветлел лицом.

— Ты рассказывал все это Кентигерну?

— Да, и даже больше.

— Теперь наша задача ясна. Мы сожжем его корабли и вообще нанесем ему такой ущерб, что до своего смертного дня, который, милостью Лудда, надеюсь, уже близок, он будет жалеть, что причалил к нашим берегам.

— Легко сказать, мой друг, — улыбнулся Исидор. — Из-за своих страхов Адмирал осторожен вдвойне. Корабли в Литтл Хэмптоне надежно защищены. Остальные вообще стоят в море на якоре. Охрана налажена отменно. Застать их врасплох нелегко.

— Найдем способ, — сказал Кирон. — Найдем. Главное — знать настоящую слабость врага. Это залог победы.

5

Кентигерн был неплохим управляющим, но генерал из него вышел неважный. После смерти сеньора Фитзалана его признали лидером уцелевших — до тех пор, пока кто-либо из ближайших родственников сеньора не заявит о своих правах на владение.

Пока же решать, где и когда атаковать пиратов и связываться ли с ними вообще, предстояло Кентигерну.

В Мизери тем временем собралось около семисот человек. Большинство из них — женщины и дети. Способных держать оружие мужчин было около двухсот. Кентигерн решил сделать вылазку, выяснить, не оставили ли пираты в городе гарнизона, и определить, хотя бы приблизительно, масштабы разрушений.

Рисковать основными силами он не захотел и объявил набор двадцати добровольцев. Среди тех, кто вызвался идти и получил на это его разрешение, оказались Кирон, Шолто и Исидор.

Двадцать мужчин осторожно приближались к Аранделю. Они были вооружены луками, арбалетами, мечами и дубинками. Осторожность их оказалась излишней. Арандель был таким, каким видел его в последний раз Кирон: все, кроме мертвых, покинули город. Люди Адмирала Смерть, по-видимому, вернулись в Литтл Хэмптон готовиться к новым набегам.

Группу возглавлял человек по имени Лиам. Некогда он был капитаном пехоты и имел определенные представления об искусстве боя. Убедившись, что в Аранделе не осталось в живых никого, он хотел было вернуться в Мизери и доложить обо всем Кентигерну. Но Кирон остановил его.

День выдался ясный, но прохладный. С моря прилетели птицы. Они клевали лежащие на улицах трупы, кричали и хлопали крыльями среди развалин.

— Разве мы не похороним наших убитых, мастер Лиам?

Лиам беспомощно огляделся.

— Нас всего двадцать человек, Кирон. И нам потребуется не меньше двух дней, чтобы предать земле всех павших. К тому же мне приказали доложить о состоянии города и замка.

— А их мы, значит, оставим птицам и погоде? — вмешался Шолто. — Думаю, вы не правы, капитан. Это наш народ. Если потребуется, я буду копать день и ночь.

На минуту Кирон задумался.

— Лиам прав, Шолто. Мы истощим силы, если постараемся похоронить всех. А силы нам нужны, чтобы отомстить... Не лучше ли собрать тела и предать их огню, скажем, во дворе замка? По крайней мере, убережем их от птиц.

— Пираты увидят дым, — возразил Лиам, — решат, что мы возвратились по домам и предпримут вторую атаку.

— Чтобы добраться сюда, им потребуется не меньше часа, — заметил Кирон. — В первый раз они застали нас врасплох и вырезали растерявшихся людей. Теперь, хоть нас и мало, мы вооружены и готовы к бою. К тому же мы знаем эти места, а враг нет. Если мы зажжем погребальный костер ближе к вечеру и пираты решат напасть, мы сумеем посчитаться за наших друзей. Дюжина или две подонков лишатся жизни в день нашего прощания.

— Правильно, — вступил в разговор Исидор. —

Если они не придут, то и говорить не о чем. А если придут, то хоть нескольких мы успеем убить, прежде чем темнота прикроет наш отход.

Лиам почесал голову.

— Кентигерн приказал узнать обстановку. Он ничего не говорил о мертвых.

— У Кентигерна много забот, — мягко возразил Кирон. — Ему хватает дел с живыми, но он не жестокий человек. И будь он здесь, обязательно приказал бы позаботиться о погибших. Он бы не допустил, чтобы они превратились в падаль.

Лиам, кажется, решился.

— Клянусь Молотом, ты прав, мальчик. А посему приказываю сложить большой костер из веток. Это все, что мы можем предложить нашим друзьям.

С древесиной проблем не было. В самом замке постоянно хранился большой запас бревен. Кроме того, все улицы были завалены полуобгоревшими обломками. Вскоре во дворе замка выросла огромная деревянная платформа.

Теперь предстояло трудное и неприятное дело — собрать тела погибших. Кирон, Шолто и еще двое получили задание обследовать замок, остальные распределились группами по три человека и отправились с ручными тележками по улицам города.

Об одном теле Кирон хотел позаботиться сам, хотя и знал, что сердце его разорвется.

Эликс лежала в том же положении, в каком он ее оставил, но сейчас мало напоминала некогда полную любви, жизни и очаровательной грации молодую девушку. Это была бледная, сморщенная кукла.

Слезы потекли по лицу Кирона. Он заставил себя смотреть на нее, чтобы навеки смерть Эликс запечатлелась в его памяти.

Эти губы он целовал когда-то. Эти груди прижимались к его телу, и он ощущал их тепло и упругость.

— Эликс, любимая моя, дорогая, — шептал он сквозь рыдания. — Я буду убивать за тебя. Я всю жизнь буду за тебя убивать, пока последний из этих скотов не подохнет ужасной смертью и земля не очистится.

Он сорвал парчовую штору и бережно завернул в нее тело. Это была шитая золотом и серебром индийская парча, покрывало для полного солнечной энергии и жизни ребенка. Укрыв девушку, он в последний раз обнял ее. И вдруг заметил на стене картину «Прыжок мисс Фитзалан». Полотно нелепо покосилось и в одном месте было разорвано ударом меча. Повреждение, однако, легко можно было исправить, дыру зашить, а след от пореза закрасить.

Кирон знал, что так ему уже никогда не написать. И это не имело значения — мертвая Эликс лежала на его руках. Но на портрете она оставалась во всем цветении и великолепии юности. Вот так она и останется теперь жить, думал Кирон, застыв, как мотылек в янтаре. Придет время, и он позаботится об этом портрете, чтобы сотни лет спустя люди восхищались грацией и красотой Эликс Фитзалан.

Он поднял свою ношу и понес ее к погребальному костру. Там люди мрачно продолжали свой скорбный труд. Гора тел уже поднялась высоко. Кирон взобрался на помост и, стараясь не потревожить мертвых, положил девушку как можно ближе к ее отцу.

Шолто и другие что-то говорили ему, но Кирон их не слышал.

Бревна полили китовым жиром. Наконец все было готово.

— Кто-нибудь хочет сказать слово? — спросил Лиам.

— Я скажу. — До Кирона неожиданно дошло, что происходит. — Я скажу. Прежде чем огонь погребального костра поглотит тела наших друзей и любимых, я хочу, чтобы все, кто здесь есть, поклялись убить десятерых за каждого, кто лежит на этом помосте. Потому что это сделали не люди, а звери, посланцы самой смерти.

— Хорошая клятва, — откликнулся Исидор. — Я клянусь.

— Я тоже, — сказал Шолто, — хотя, видит Лудд, мы мирные горожане.

Пламя скользнуло вверх, люди попятились от жара, зачарованно глядя, как огонь лижет потрескивающие бревна и балки, а костер начинает гудеть, как растревоженное чудовище.

Лиам выставил дозорного на сторожевой башне, откуда хорошо просматривалась дорога к реке, морю и широкая равнина. Все остальные замерли перед огромной стеной огня, поглощающего останки погибших.

Жар становился нестерпимым, люди отступали все дальше и дальше, лица покраснели, и пот высыхал на них, едва успев появиться.

Черные клубы дыма потянулись в небо, заплясали искры, взревел всепожирающий костер смерти.

— Прощай навеки, — сказал про себя Кирон. — Если и вправду существует загробная жизнь, ты еще прокатишься на своей замечательной лошади дивным июньским утром. А я... Я, конечно, буду рядом и напишу тебя застывшей между землей и небом, напишу так, что души всех когда-либо живших на земле людей замрут в восхищении... Но прости меня, наверное, жизнь все-таки существует только для живущих, и твое последнее прибежище — это память знавших и любивших тебя.

Спустившийся со сторожевой башни человек что-то возбужденно говорил Лиаму. Кирон с трудом очнулся от своих мыслей и узнал, что дозорный увидел в сгущающихся сумерках марширующую из Литтл Хэмптона колонну, которая, по его оценке, должна была достичь Аранделя через полчаса.

— Благоразумие требует немедленно покинуть город, — сказал Лиам. — Мы выполнили нашу задачу. Мы сделали больше: позаботились об убитых. Мы можем с честью вернуться домой.

— Только не я! — свирепо ответил Кирон. — Я скорблю по моим погибшим и жажду мести.

Лиам обнял его за плечи и встряхнул:

— Мальчик, ты смел, но обезумел от горя. Нас двадцать человек. Мне доложили, что сюда идут не менее сотни. Они вооружены в лучшем случае, как мы, а скорее всего, значительно лучше. Сейчас не время исполнять твою клятву. Прояви терпение. Настанет пора, и мы нанесем удар.

Кирон высвободился из его хватки.

— Сэр, вы замечательный человек, и вы наш командир. Вы сказали, я обезумел от горя. Но горе и обострило мои мысли. Те, кто идут сюда, будут подниматься по склону, разве нет?

— Ну и что?

— Мы только что сожгли наших павших. Не оказать ли нам такой же прием и пиратам? Говорят, Адмирал Смерть не очень любит огонь.

— Ты говоришь загадками, Кирон. Выскажись яснее, прежде чем мы отправимся назад, прихватив тебя, если понадобится, силой.

Кирон попытался собраться с мыслями.

— Пираты идут на нас, привлеченные погребальным костром. В подвалах замка наверняка осталось много бочек с китовым жиром, а также бревен и хвороста. Если мы зальем китовым жиром тележки, накидаем туда всего, что может хорошо гореть, и дождемся, пока враг полезет по склону...

Лиам уже понял его замысел.

— Здорово придумано, Кирон! — Он повернулся к остальным. — Шолто! Бери сколько тебе нужно людей и разыщи три тележки, быстро! Манган, ты с остальными вытаскивай из погребов остатки китового жира и собери все, что хорошо горит.

Вскоре тележки были загружены бочками жира, щепками, соломой и обрывками ткани. Их вытащили из ворот замка и приготовили к спуску.

Дозорный доложил, что пираты прошли мост через Арун. Быстро смеркалось. От ворот замка было уже трудно разглядеть, что происходит у подножия холма.

— Если уловка не сработает, — проворчал Лиам, — нам придется улепетывать со всех ног. Против такой оравы мы не устоим.

— Сработает, — уверенно проговорил Кирон. — Темнеет быстро, но это не страшно. Скорее, это нам на руку. Мы знаем их численность, а они нашу — нет. Когда в темноте в них врежутся и запылают тележки, пираты запаникуют. Мы славно поработаем мечами! Только надо дождаться, когда раздастся топот их ног и станут слышны голоса и дыхание.

Лиам с уважением посмотрел на него.

— А ты мог бы стать со временем великим полководцем, Кирон.

Кирон рассмеялся:

— Со временем я стану полководцем облаков.

Пираты начали подъем. В темноте колонна была неразличимой, но голоса и позвякивание оружия слышались отчетливо. Они шли, нисколько не заботясь о маскировке и не проявляя ни малейших признаков страха. Чего им было бояться? Они уже уничтожили и взяли в плен жителей этого города. Очевидно, несколько запуганных бродяг уцелели.

До пиратов оставалось менее ста шагов. Менее семидесяти. Шестидесяти. В отблесках погребального костра уже различались багровые лица.

— Давай! — крикнул Лиам.

Три человека поднесли факелы к пропитанным китовым жиром кучам хвороста и тряпок. Остальные навалились на колеса, и тележки покатились вниз.

Спустя мгновение они врезались в поднимающихся. Горящий жир выплескивался из бочек, попадал на колеса, превращая тележки в огненные снаряды. Перед пиратами предстало ужаснейшее зрелище. Несущиеся на них тележки заняли почти всю ширину ведущей к воротам замка дороги. Ряды наступающих дрогнули, передние обратились в бегство, расшвыривая и давя задних. Четверо или пятеро пиратов сохранили присутствие духа и прижались к каменным стенам замка, пропуская тележки мимо, но многого от этого не выиграли. Освещенные ярким светом пламени, они тут же стали мишенью для стрел из луков и арбалетов.

Две тележки столкнулись и развалились на части. Море огня выплеснулось на каменную улицу, заставив пиратов исполнять безумные прыжки; некоторые падали в огонь, обретая относительно быструю смерть.

Расправа была ужасной, но длилась всего несколько минут. Докатившись до конца дороги, тележки и бочки рассыпались в прах, ярко освещая все вокруг.

— Мы нанесли им огромный урон, — сказал Лиам. — Теперь пора. Нам есть чем порадовать сердца наших товарищей.

— Я не уйду, капитан. Еще рано! — Кирон потряс мечом, которым некогда пронзили Эликс. — Некоторые из них уцелели. Они обожжены, но если их не добить, доползут до своих кораблей и останутся в живых.

— Кирон верно говорит, капитан, — промолвил Шолто. — Надо... — Он вдруг зашелся кашлем и, изумленно уставившись себе на грудь, опустился на колени. Стрела вошла глубоко. — Не оставляй ее, — прохрипел Шолто, глядя на Кирона. — Но помни, что женщина — это...

Он рухнул на землю. Кирон встал рядом с ним на колени и приподнял голову кузнеца. Но дух Шолто уже покинул тело.

— Значит, так, — сказал Кирон. — Кто готов мстить за Шолто и всех, кого мы предали сегодня погребальному огню?

В ответ раздался одобрительный рев. Лиам понял, что лучше не идти против течения.

— Тогда вперед! — скомандовал Кирон. — Убивать без пощады!

Девятнадцать человек, вооруженные луками, мечами и топорами двинулись вниз по склону. Уцелевшие пираты находились в плачевном состоянии. Река огня прокатилась мимо них, вокруг них, по ним. Они лежали на дороге, некоторые были еще живы и слабо хлопали себя по тлеющим обрывкам одежды.

На Кирона было страшно смотреть. Сжимая в одной руке меч, а в другой факел, он прыгал с искаженным яростью лицом среди причудливо разлившихся языков пылающего жира, островков догорающей соломы и тлеющих бревен. Он натолкнулся на обгоревшего пирата, в котором с трудом можно было признать человека.

— Один за Эликс! — Меч погрузился в обожженную грудь. Пират зашелся кашлем, потом захрипел и затих.

Другой, несмотря на страшные ожоги, попытался встать и поднял меч. Но кара настигла и его.

— Еще один за Эликс! — Кирон метался как одержимый.

Убийство доставляло ему радость. Он прыгал через огонь в поисках новых жертв.

— Еще один за Эликс!

— Четвертый за Эликс!

Какой-то пират тщетно пытался встать на колени, ожоги его были ужасны. Наконец, сложив перед собой руки, он забормотал что-то на неизвестном языке.

Кирон наслаждался: такой властью над жизнью и смертью он не обладал никогда.

— Я пощажу тебя, парень, — так же, как твои щадили наших.

Страшным взмахом меча он перерубил пирату горло. Послышалось бульканье и клокотанье.

— Еще один за Эликс!

Уголком сознания Кирон ужасался — получать наслаждение от страдания и смерти людей! И тем не менее продолжал свой страшный поиск, ведомый застывшим перед глазами образом изнасилованной и зверски убитой девочки.

Он спускался все ниже и ниже по склону, с бессмысленной яростью добивая умирающих, а иногда всаживая меч в уже мертвых. Вконец опустошенный, он остановился. Больше убивать было некого. Пламя догорало. Бой закончился. Более сотни трупов покрывали склон холма. Отвратительно пахло горелым человеческим мясом.

Потом кто-то тронул юношу за плечо. Это был Лиам.

— Кирон, все в порядке?

— Да, капитан, — Кирон посмотрел на него отсутствующим взглядом, — со мной все в порядке.

— Тогда слушай. Твой план сработал великолепно. Но пока ты чинил кровавую расправу, я взял пленных. И их убивать нельзя. Ты слышишь меня, Кирон? Их убивать нельзя.

— Почему их нельзя убивать?

— Потому что они говорят по-английски. Они могут рассказать об Адмирале Смерть и его намерениях.

— А когда расскажут?

— Не знаю. Решать будет Кентигерн.

— Я уже решил, — проговорил Кирон, покачиваясь. — Это я разработал план. И это мои пленные. И приговор им...

Потеряв сознание, он рухнул на землю. Лиам подхватил его и понес наверх.

6

Спустя три или четыре дня лагерь в Мизери приобрел черты хорошо укрепленной крепости. Из бревен сооружали различные хозяйственные постройки, кухни, хижины. Несмотря на то, что пираты, судя по всему, не собирались оккупировать Арандель, Кентигерн не решался вернуться в город, не имея достаточных сил. Число мужчин, способных держать в руках оружие, по-прежнему не превышало двухсот. В открытом бою с людьми Адмирала Смерть они неминуемо потерпели бы поражение.

Кроме того, Кентигерн ожидал распоряжений от Великого Совета сеньоров в Лондоне, а также сведений с востока и запада о масштабах вторжения. Вести доходили медленно, а дойдя, не радовали. Великие сеньоры уже знали о трагедии южного побережья. Но Великим сеньорам повезло иметь владения вдали от моря, кроме того, они были осторожными людьми. Армия Адмирала Смерть отличалась мобильностью. Армии Великих сеньоров мобильными не были. И если бы даже удалось собрать значительные силы для отражения нападения на юге, пираты тут же нанесли бы удар в другом месте.

Корабли Адмирала Смерть плавали быстрее, чем маршировали и скакали войска сеньоров. Ничто не могло помешать ему курсировать вдоль всего побережья Британии, изматывая защитников бессмысленными метаниями по суше.

Итак, Великие сеньоры приняли осторожное решение: собрать в течение месяца и откомандировать на юг отряд в пятьсот человек, при условии, что подвергшиеся нападению южные сеньоры смогут выставить к тому времени как минимум вдвое превосходящие силы. Таким образом, на языке дипломатии было дано понять, что южанам следует надеяться на самих себя.

Сообщения с востока и запада тоже надежд не вселяли. На крайнем востоке флотилия Адмирала Смерть овладела Брайтоном, на крайнем западе — Портсмутом. При этом пираты не продвинулись сколь-нибудь значительно в глубь территории, а растеклись на запад и на восток соответственно, стремясь соединиться с центральным отрядом, захватившим Литтл Хэмптон. Судя по всему, они намеревались удерживать узкую, но длинную полоску земли вдоль моря.

Захваченные Лиамом пленники подтвердили под пыткой полученные сведения. Пытка не отличалась особой жестокостью: пиратов связали и затягивали веревки до тех пор, пока у них не развязались языки.

Самым ценным информатором оказался некий Джетро, любимчик Адмирала Смерть. Он жестоко страдал от ожогов на руках и ногах, полученных в результате осуществления хитрости Кирона. Веревки удесятерили его муки.

Джетро сообщил и кое-что новое. Планы Адмирала Смерть были грандиозны. Он не только собирался основать на южном побережье Британии хорошо укрепленную колонию, но и намеревался использовать остров для набора в свои ряды добровольцев. Если он и был сумасшедшим, то хорошо информированным. Бандит понимал, что найдется немало отчаянных молодых людей, уставших от луддитских ограничений, которые охотно пойдут к нему на службу. А если мерзавцы не захотят идти добровольно, всегда можно организовать карательные рейды в глубь страны. Адмирал Смерть понимал также, что на организацию общей обороны у сеньоров уйдет немало времени. А он скоро станет очень сильным, и тогда, что бы ни предприняли сеньоры, будет поздно. Укрепив тылы, он пошлет корабли к берегам Норвегии, Дании, Германии и Голландии. Рано или поздно все морские пути Европы окажутся под его контролем. И тогда он сможет разорить и ослабить любого, кто рискнет ему противоречить, он достигнет своей давней цели: станет хозяином Европы.

Выдав планы хозяина, Джетро принялся отчаянно молить о пощаде, клянясь сразу же после выздоровления встать в ряды его противников. Несмотря на острую нехватку профессиональных бойцов, Кентигерн вынес ему смертный приговор, справедливо полагая, что предавший один раз предаст и в другой.

Джетро был повешен дивным утром, когда вокруг заливались птицы, а в чаще ходил олень. Кирон принимал участие в казни. Его поразили глаза осужденного — в последний раз человек взирал на мир, сознавая, как он прекрасен. Кирон вдруг пожалел несчастного, но тут же всплыло страшное воспоминание об Эликс, и жалость улетучилась.

Благодаря своей выдумке с горящими тележками, Кирон стал настоящим героем в Мизери. Люди вдвое старше с уважением прислушивались к его словам. Юношу уже не считали еретиком, чудом избежавшим костра. Все это осталось в исчезнувшем навсегда прежнем мире. Но новое положение ничуть не радовало Кирона. Внутри него все перегорело. Его страшили видения насилия, жестокости и смерти, его страшила собственная жажда мести.

Петрина, как никто другой, замечала происшедшие с ним перемены. На пятый день пребывания в Мизери молодые попросили брата Гильдебранда повенчать их. Со смертью родителей они стали друг для друга единственными близкими людьми. Кирону такое решение казалось логичным. Теперь они с Петриной смогут находить утешение в объятиях друг друга, не давая никому повода для сплетен и не скрываясь от вездесущих монахов.

На церемонии Кирон стоял с отсутствующим видом, мысли его были далеко. Друзья соорудили для новобрачных небольшую хижину, а вечером устроили скромное пиршество. Но, оказавшись наконец в одной постели с законной женой, Кирон не испытал никакой радости от ее упругих грудей и налитого тела. Равнодушно исполнив свой супружеский долг, он уснул, а Петрина беззвучно проплакала до самого утра.

На следующий день Кентигерн провел военный совет. Ему надоело ожидать помощи, которая не придет, надоело жить в лесу изгоем, надоело смотреть на людей, ожидающих от него решений и чудес.

Несмотря на молодость, на совет пригласили и Кирона. Его талант к разрушению ни у кого не вызывал сомнений.

Первым выступил Кентигерн.

— Друзья, вы все знаете, какой ответ пришел от Великих сеньоров. Они готовы помочь, но им нужно время; кроме того, мы обязаны выставить

армию, состоящую из всех способных держать оружие. И это тоже потребует времени. Мне вовсе не хочется торчать здесь и гнить, пока они собирают свои силы. Пиратам Арандель не нужен, это очевидно. А значит, мы можем вернуться и заново отстроить город. Но враг, вне всякого сомнения, заметит наши передвижения. Наблюдение у Адмирала Смерть поставлено хорошо. И не успеем мы обосноваться, как на нас нападут. Мы не смогли отразить первое нападение; пока еще не готовы отразить и второе. Потому я предлагаю самим напасть на корабли в Литтл Хэмптоне. Вот уж чего они не ожидают, и элемент внезапности сработает на нас. Что скажете, друзья?

Сторонники неожиданной атаки исходили из того, что терять все равно нечего, а выиграть можно много; противники упирали на то, что выиграть можно мало, а потерять — все. Кирон внимательно слушал выступавших и не проронил ни слова.

Наконец Кентигерн обратился непосредственно к нему.

— Ну что, Кирон, слушал ты прилежно, это я заметил. Ты уже доказал, что умеешь наносить урон врагу. Хотелось бы узнать твое мнение.

Кирон улыбнулся.

— Я, как вы знаете, мечтаю перебить их всех. Осуществление моего плана потребует некоторого времени, хотя я сомневаюсь, что вы его примете.

— Ты вначале расскажи, что за план, а уж мы потом решим.

— Помните мои эксперименты с воздушными шарами?

— Об этом давно забыто, Кирон, можешь не волноваться. — Кентигерн смущенно пожал плечами.

— Не надо об этом забывать, Кентигерн. Не надо забывать также, что Адмирал Смерть боится огня. Он властвует на суше и на море. Но он не властвует в воздухе. Я хочу построить воздушный шар, способный поднять двух человек. С попутным ветром шар полетит к кораблям в Литтл Хэмптоне и прольет на них огненный дождь. Деревянные корабли сгорят. А лишившись кораблей, Адмирал Смерть лишится поддержки и убежища. Тогда наступит время для атаки.

Послышался неодобрительный ропот. Благодаря своим последним свершениям Кирон прослыл героем. Однако люди не желали вспоминать, что совсем недавно он едва избежал костра.

Среди членов военного совета оказался и брат Гильдебранд.

— Кирон, брат мой, — сказал он мягко, — пути Лудда неисповедимы. Он дал тебе возможность восстановить в бою свое доброе имя, чего никогда не забудет Святой Орден. Умоляю тебя, не надо возвращаться к прежней ереси.

— Тогда, может быть, Святой Орден пришлет нам тысячу солдат? — едко поинтересовался Кирон. — Или Божественный Мальчик разнесет их корабли своим священным Молотом?

— Хватит! — рявкнул Кентигерн. — Мы здесь не для того, чтобы вести споры о ереси. Надо думать, как избавиться от беды. Кто еще хочет сказать?

— Предлагаю воспользоваться стратегией Кирона в замке, — раздался чей-то голос. — Давайте нагрузим лодки китовым жиром, соломой, всем, что горит, и спустимся по Аруну. Привяжем их к кораблям пиратов и подожжем.

— Ничего не получится, — сказал Кирон. — Их часовые стоят в устье реки, в море и на суше. А вот с воздуха нас никто не ждет.

— Как бы то ни было, — проворчал Кентигерн, — я склоняюсь к последнему предложению. Ничего лучшего я за весь день не услышал. Думаю, нам потребуются сто добровольцев и десять лодок. Добровольцев я буду отбирать сам, в таком деле мне не нужны сомневающиеся и неуверенные люди.

В числе первых вызвался Кирон. В успех он не верил, просто открывалась еще одна возможность рассчитаться с пиратами.

Ночью, дождавшись прилива, лодки спустили на воду. Быстрое течение Аруна несло нападающих к Литтл Хэмптону со скоростью выше пяти узлов. Почти весь путь бойцы сидели в лодках, только у самой цели осторожно спустились в воду, держась за борта.

Многим пришлось вцепиться зубами в одежду, чтобы не стучать ими, настолько холодной оказалась вода. Кентигерн хотел, чтобы лодки плыли по течению, а пловцы лишь направляли их к середине реки. Планировалось также, что, привязав лодки к кораблям пиратов, пловцы подожгут запальные шнуры и успеют хоть немного отплыть, прежде чем взорвутся бочки с китовым жиром.

Успех, как и предвидел Кирон, полностью зависел от внезапности, достичь которую было почти невозможно. Лодки заметили в устье реки. Их обнаружил небольшой отряд пиратов, несущий сторожевую службу. Очертания лодок легко угадывались в свете фонарей, кроме того, один из добровольцев Кентигерна чихнул. Пираты открыли стрельбу из мушкетов и луков. Эффект ее был ужасен для экспедиции. Люди оцепенели от холода, промокшая одежда не давала пошевелиться, да и психологически никто не был готов к сколько-нибудь серьезному сопротивлению. Бросив лодки, добровольцы устремились к противоположному от пиратов берегу. Выбираясь из речной грязи, люди становились удобной мишенью для стрел и пуль.

Какой-то смышленый пират, очевидно, разгадав цель вылазки, швырнул свой фонарь в ближайшую лодку. Она тут же запылала гигантским факелом. Остатки невезучей экспедиции Кентигерна оказались освещены как днем. Мало кому удалось выбраться на отвесный скользкий берег и скрыться в спасительной тьме. Многие были убиты в воде, некоторые, лишившись последних сил, просто утонули.

У Кирона, как только он понял, что произошло, достало ума нырнуть и некоторое время проплыть под прикрытием лодки. К счастью, взорвали не ее. Оказавшись вне досягаемости стрел, пуль и света фонарей, он отпустил борт и выбрался на берег.

Несмотря на полную потерю сил и оцепенение, Кирон заставил себя бежать. Он падал, поднимался и бежал дальше. Все тело ломило, кожа уже ничего не чувствовала, но он понимал, что только бег может сохранить ему жизнь. Несколько раз он был готов прилечь хоть ненадолго и отдохнуть, может быть, даже поспать, но переборол себя, понимая, что больше уже никогда не поднимется.

На рассвете Кирон добрался до Мизери. Некоторые счастливо спасшиеся добровольцы были уже здесь, некоторые подошли позже.

Кирон не узнал Петрину. Он вообще ничего и никого не узнавал. Глаза его были пусты; похоже, слепой инстинкт пригнал его сюда, к своему народу.

Кто-то держал его, пытался с ним говорить. Кирон не понимал их слов. Что-то подсказывало ему, что он среди друзей, в противном случае его бы уже убили. Но если это ловушка, у него есть меч. Кирон попытался взмахнуть мечом, который не выпускал из рук в течение всей неудавшейся экспедиции по Аруну. И бессильно повалился на землю.

Петрина опустилась рядом с ним на колени и заплакала, гладя мужа по голове. Она попыталась взять у него меч, но не смогла разжать замерзших пальцев.

У Кирона началась лихорадка. Монахи полагали, что он не выживет. Но Кирон был молодым и сильным, а Петрина согрела его теплом своего тела, когда жар спал и он погрузился в смертельный холод. Наконец прошел и озноб. Кирон начал узнавать окружающий его мир. Питательные бульоны вернули силы, и он с удивлением обнаружил, что судьбой ему уготовано жить.

Однажды утром юноша решил умыться, привести себя в порядок. Петрина принесла зеркало. Лицо незнакомца изумило и потрясло его. В зеркале отразился седой человек со впавшими щеками и глубокими морщинами на лбу.

Седые волосы в восемнадцать лет... Что тогда говорить о тридцати? Кирон пожал плечами. Какая разница? Надо работать. Много, много работать. Не важно, как ты выглядишь — важно, чего ты сумел достичь.

Из сотни человек, отправившихся в эту изначально обреченную экспедицию, вернулись двадцать три, остальные погибли или попали в плен. Кентигерн сломался. Его способность принимать решения была окончательно подорвана масштабами трагедии.

7

Прочие феодальные владения южного побережья постигла та же участь, что и Арандель. Их население укрылось в лесах и ущельях, время от времени донимая пиратов боевыми вылазками. За долгий период автономного натурального хозяйствования у сеньоров выработалось стойкое отвращение ко всякого рода союзам и совместным действиям. В истоке всех предрассудков лежал почти генетический страх перед центральным правительством. Объединение владений, насколько помнили люди, всегда происходило либо путем их завоеваний, либо через породнение семей. Непрочные военные союзы сеньоров были одновременно их слабым и сильным местом. Теперь же, столкнувшись с противником, действующим под единым центральным командованием, они оказались в невыгодном положении.

Для Кирона было ясно, что на перестройку сформировавшегося мировоззрения уйдет немало времени. Житель соседнего владения по-прежнему считался чужаком и относиться к нему следовало с недоверием. Сколько же еще потребуется горя, чтобы люди наконец поняли: спасение их заключается в единстве.

Пока они одумаются и Великие сеньоры пришлют подмогу, Адмирал Смерть окончательно разорит захваченные территории. А жители Аранделя, больше других пострадавшие от набега, будут вынуждены обретаться в лесах, постепенно скатываясь в варварство.

Кирон много размышлял во время болезни. Петрина вновь стала для него желанной, он радовался податливости ее тела, он отдавал ей семя своих чресл и любовь своей души. Кирон сам понял, когда Петрина забеременела; почувствовал, как его семя влилось в ее лоно, подобно тому, как лосось находит свой путь в родной реке.

Настал день, и Кирон пошел к Кентигерну. Теперь, когда появилась надежда на бессмертие, было за что драться и ради чего жить.

— Я хочу построить надуваемый горячим воздухом воздушный шар. Я собираюсь пролететь над кораблями Адмирала Смерть и пролить на них с неба море огня. Мне нужна помощь. Прикажите своим людям помочь мне.

Кентигерн сидел на стуле, накинув на плечи шаль, как мастер Хобарт. Подобно мастеру Хобарту, он много кашлял и пил все, что только мог достать.

— Воздушный шар с горячим воздухом — это ересь, — проворчал он себе под нос. — Святой Орден отправит тебя на костер. Да и меня тоже.

— Мы все погибаем, — сказал Кирон. — Никто из нас не вечен. Какую помощь оказал Святой Орден в нашей беде?

Кентигерн икнул.

— Святые отцы молились за нас.

— И много ли пиратов они уничтожили своими молитвами? — раздраженно спросил Кирон.

— Кто знает?

— Я знаю. Предпочитаю меч в руке молитвам сотни священников.

— А ты оказался прав насчет этих лодок, Кирон... Прости меня. Я что-то плохо стал соображать. Строй свой воздушный шар, если так надо.

— А люди?

— Помощь ты получишь.

— Мне нужны женщины для пошивки чехла и бумага.

— Получишь.

— И вы позволите мне самому определить место и время работы?

— Да, Кирон. Я не позволю тебе только одного.

— Чего же?

— Поражения. Их и так было слишком много. Еще одного мы не перенесем. Постарайся усвоить, парень, ты жизнью отвечаешь за эту затею. И если у тебя ничего не выйдет, то я сам, жалкий неудачник, своими руками выпущу тебе кишки за то, что ты убедил меня даром отдать дьяволу свою бессмертную душу.

— Вы требуете многого, Кентигерн.

— Я требую успеха, Кирон. Успеха, и все. Когда известие о твоей новой затее дойдет до Святого Ордена, а оно до него обязательно дойдет, назначат расследование. Я буду спокойнее гореть на костре, зная, что пираты тоже сгорели. — Он мрачно рассмеялся. — Я ведь многое повидал. Видел, как убили моего хозяина, как творили немыслимое с его женой и дочерьми. А теперь мы вверяем свою судьбу безумию мальчишки.

Кирон невесело улыбнулся.

— Я бы больше уважал Святой Орден, если бы он предоставил людей и оружие.

— Орден проповедует простоту и смирение. И мудростью своей спасает наши души.

— Доводилось ли вам слышать, мастер Кентигерн, чтобы кто-либо обрел покой на костре?

— Довольно, парень! Уничтожай пиратов, если сможешь, я с удовольствием встану рядом с тобой, когда придет время посчитаться!

— Сэр, ваши слова мне нужны на бумаге. И подпись под приказом помогать мне. Без такого документа я буду бессилен.

— Значит, тащи чернила. Я письменно засвидетельствую свой грех... Не ошибись, Кирон... Говорят, ты любил мисс Эликс. Это правда?

Кирон был настолько изумлен, что ответил честно:

— Да, это правда. Мы любили друг друга.

Кентигерн снова рассмеялся.

— Ты не обижайся. Я смеюсь над собой. Я, представь себе, тоже любил ее. Но она казалась мне недоступной. Забавно, да? Я готов был жизнь свою отдать и честь, чтобы хоть раз обнять ее.

— Я ее любил, и мы обнимали друг друга, — просто ответил Кирон. — И это было сладостно... Больше я не хочу говорить об этом.

— Вполне достаточно. Но почему ты, Кирон? Почему ученик художника? Я не смел...

— Не знаю. — Кирон пожал плечами. — Наверное, судьба благосклонна к тем, кто смеет.

8

Прошло немало дней, прежде чем Кирон смог приступить к строительству воздушного шара, но дни эти прошли не зря. Во-первых, надо было продумать конструкцию и провести эксперименты с моделью. Затем собрать необходимые для строительства материалы, а также обучить будущих помощников. Половина людей в Мизери считала его сумасшедшим; другая половина считала сумасшедшим Кентигерна. Но пока в Мизери не прислали другого начальника, все подчинялись Кентигерну, который поставил свою подпись на бумаге, повелевающей всем дееспособным мужчинам и женщинам оказывать Кирону всяческую помощь.

Братья Лемюэль и Гильдебранд преисполнились ужаса и поочередно увещевали то Кентигерна, то Кирона. Кентигерн согласился отменить свое распоряжение, если Святой Орден выставит достаточно солдат, чтобы сбросить пиратов в море. В ответ на замечание о том, что опасности подвергается его бессмертная душа, он заявил, что в данный момент его куда больше занимают проблемы смертности тела. Он даже позволил себе заметить, что Божественный Мальчик пока что не очень оценил усердие монахов и покорность простых людей.

— Почему Лудд не вмешался, когда убивали моего хозяина и насиловали мою любимую? — вопрошал Кентигерн. — Да, братья, я понимаю вашу озабоченность. Но вы не станете отрицать, что теперь мы живем в другом мире. Времена покоя и процветания для нас закончились. Отчаявшиеся люди ищут отчаянные средства. Кирон, скорее всего, сумасшедший, да и я, похоже, скоро тронусь. Так что вы, братья, делайте, что вам положено. Только не надоедайте мне. Если замысел Кирона не удастся, он умрет. Так же, как и я. Но если ему повезет, расчет будет справедливый.

— Расчет будет справедливый, — пообещал брат Лемюэль. — Одно дело мальчишеские выходки, другое — сознательное выступление против доктрины. Смотрите, не ошибитесь. Святой Орден терпелив, но каждому воздаст по заслугам.

Кентигерн криво улыбнулся и сделал глоток из бутылки.

— Что-то я не припомню вас в лодках, когда мы полузамерзшие плыли по Аруну.

— Наше место не в лодках, Кентигерн, — возразил брат Гильдебранд. — Мы исполняли свой долг. Мы молились об успехе вашего предприятия.

— Наверное, вы молились очень тихо. Или Божественный Мальчик плохо слышит. — Кентигерн был доволен. Впервые он позволил себе богохульство.

От Кирона монахи получили еще более крутой отпор.

— Брат Себастьян хотел сжечь меня из-за игрушки. Но пути Лудда, похоже, действительно неисповедимы. Я жив, а Себастьян мертв. Это любопытно... Сейчас мне позволено построить летающую машину для блага моего народа. — Кирон поднял меч, с которым теперь никогда не расставался. — Так вот что я хочу вам сказать, братья. Не мешайте ни мне, ни тем, кто мне помогает. Ни словом, ни делом. А то можете разделить вечный покой с братом Себастьяном.

Братья пришли в ужас. Никогда ни один мирянин не позволял себе так с ними говорить. Поистине мир изменился.

— Ты нам угрожаешь? — спросил брат Лемюэль.

— Просто предупреждаю. Это мое первое и последнее предупреждение. Теперь идите. Я очень занят.

Потрясенные до глубины души, братья удалились. А придя в себя, наметили план действий. Брат Лемюэль отправится в Лондон, в канцелярию Великого Инквизитора. А брат Гильдебранд останется в Мизери, дабы вести учет еретическим деяниям. И когда Великий Инквизитор пришлет силы для восстановления авторитета Ордена, брат Гильдебранд выступит с показаниями против тех, кто пошел наперекор учению Божественного Мальчика.

Кентигерн позаботился, чтобы свободных лошадей не оказалось, и брат Лемюэль отправился пешком. Добраться до Лондона можно было не раньше, чем через три дня. Братья не скрывали своих намерений.

Петрина была в ужасе.

— Кирон, на этот раз тебя точно сожгут. Святой Орден не прощает прямого вызова. Откажись ты от этого шара, прошу тебя. Давай подождем. Придет время, сеньоры соберут армию, разобьют пиратов, и мы заживем, как прежде.

Кирон обнял ее.

— Успокойся, любимая. Ты прекрасно знаешь, что с каждым днем пираты все больше укрепляются на нашей земле. Я не в силах ждать солдат, которые могут и не прийти, а могут прийти только за тем, чтобы встретить свою смерть. Единственный способ справиться с врагом — это использовать оружие, которого у него нет. Я ударю с воздуха. У пиратов нет крыльев, им не поднять вверх стволы пушек. Я залью их огнем. А когда загорятся корабли, Святой Орден лишится многих прихожан.

— Через шесть дней брат Лемюэль может привести солдат, тебя схватят.

— Через шесть дней? — Кирон расхохотался. — Брат Лемюэль не привык ходить пешком. Он все ноги сотрет. К тому же Святая Канцелярия никак не сможет выслать войска прямо в день прибытия в Лондон несчастного брата. Да если и сможет, через шесть дней я буду для них недосягаем.

— Я боюсь за тебя, любимый.

— Петрина, дорогая, я боюсь за нас всех.

9

Заручившись поддержкой Кентигерна, Кирон приступил к претворению дорогой для него мечты в реальность. Еще недавно мысль о том, что первой задачей созданной им летающей машины будет разрушение, привела бы его в ужас.

По зрелом размышлении выходило, что доктрина Святого Ордена не так уж и надуманна. В историческом плане развитие машин всегда увеличивало способность человека уничтожать себе подобных. Первые и Вторые Люди погубили себя собственной изобретательностью. У Святого Ордена не было оснований полагать, что с тех пор люди сильно изменились и стали достаточно мудры, чтобы позволить себе третью машинную цивилизацию.

У Кирона просто не было времени задумываться над подобными философскими проблемами. Брат Лемюэль шел в Лондон, а Адмирал Смерть укреплял свои позиции по всему южному побережью. Кирон понимал, что, если замысел провалится, придется платить за свой промах.

После того как ветер с берега пронесет шар над пиратскими кораблями, он неизбежно улетит дальше в море и где-нибудь там опустится. Даже при сильном устойчивом ветре маловероятно, чтобы шар дотянул до берегов Франции. Значит те, кто поднимутся на нем в небо, утонут.

Если только на воздушном шаре не будет лодки. Маленькой лодки. Она же — корзина для экипажа. В противном случае шар должен быть столь огромен, что силами жителей Аранделя его не создать.

Кирон подолгу размышлял, делал наброски, строил модели. Новый шар не должен быть сферической формы. Ему нужен шар в виде конуса, повторяющего по очертаниям лодку.

Пользуясь покровительством Кентигерна, Кирон отправил в Арандель людей с заданием принести все полотно, бумагу, иголки и нитки, какие там еще оставались. Когда они ушли, он навестил Эйлвина. Ослабевший и бледный Эйлвин поправился после потери руки.

— Как дела, дружище?

— Буду жить, — проворчал тот. — Беспомощный в своем ремесле, ходячий повод для насмешек.

— А хочешь ли ты жить вечно?

— Кирон, я не в настроении шутить.

— Наша клятва еще в силе?

— Ты же знаешь.

— До самой смерти?

— До смерти... Чего ты хочешь, Кирон?

— Хочу, чтобы ты полетел со мной на воздушном шаре. Чтобы ты пролил на голову врага огненный дождь.

— И ты возьмешь на такое дело однорукого? — Эйлвин высунул из рукава перевязанный бинтами обрубок кисти.

— Я возьму друга, — ответил Кирон. — Я возьму человека, которому верю. Я возьму того, чья ненависть к пиратам сильнее страха.

— Кирон, этот человек — я. Ты это знаешь. Ты знаешь также, что я не очень храбр. Но я готов уцепиться за когти орла, чтобы поразить с неба тех, кто искалечил нашу жизнь.

— Мы можем и не вернуться.

Эйлвин чуть заметно улыбнулся.

— Да я и не собираюсь возвращаться. Смерть не кажется мне страшной... Почему, кстати, ты спросил про вечную жизнь?

— Потому что нас будут помнить. Мы положим начало новому покорению неба и отомстим тем, кто напал на нас.

— Пообещай мне только одно, Кирон, и я буду счастлив.

— Что?

— Пообещай, что многие погибнут от нашей руки.

На мгновение Кирон задумался.

— Я не могу управлять ветром, Эйлвин. А ветер должен быть нашим союзником, когда все остальное будет готово. Но если воздушный шар пролетит над кораблями в Литтл Хэмптоне, клянусь тебе, пираты будут погибать десятками и сотнями. Этого довольно?

— Довольно. — Эйлвин рассмеялся. — Твои свидетели — мертвые пираты в Аранделе.

— Тогда набирайся сил и отдыхай. У меня еще много работы. Наше время придет быстрее, чем ты можешь представить.

10

Кирон не замечал ни дня, ни ночи. Он работал при свете солнца. Он работал при свете ламп на китовом жире и факелов. Он рисовал чертежи, производил расчеты, строил модели. К его огорчению, шар получался гораздо больших размеров, чем он планировал. Добрых пятнадцать метров в диаметре, иначе нужного груза не поднять. Кирон научил мужчин, как изготовлять каркас из тонких ивовых прутьев, научил женщин, как подгонять ткань и бумагу, чтобы сшить огромный чехол. Двоих учеников кузнеца он усадил за ковку четырех медников, дал задание приготовить хороший запас древесного угля и приказал построить маленькую, легкую лодку. Мальчишки плели веревки, а девочки делали из них сеть, на которой к шару будет подвешена лодка.

Кирон понимал, что шар рано или поздно опустится в море, а значит, крепления должны отстегиваться мгновенно.

Своей фанатичной верой Кирон преобразил все Мизери, прибежище отчаявшихся и измученных людей. Даже те, кто поначалу злобно издевался над очередной сумасшедшей затеей Кирона Голова-в-Облаках, заразились его энтузиазмом. Отчаяние оказалось сильнее предрассудков. Все смотрели на него с надеждой и ожидали фантастических результатов. Люди помнили, что горящие тележки Кирона нанесли врагу в свое время больший урон, чем все их бойцы, вместе взятые. Кирон пообещал, что, если арандельцы отдадут все силы строительству воздушного шара, он зальет огнем корабли Адмирала Смерть. Кирон, конечно, сумасшедший, но свой воинский талант он уже проявил. И люди трудились, не оспаривая его приказов. Сейчас они пошли бы за самим дьяволом, пообещай он им сжечь ненавистного врага.

Кирон мало спал и почти не ел. Он ел только тогда, когда Петрине удавалось собрать достаточно отважных людей, которые силой оттаскивали Кирона от работы, а она ставила перед ним миску питательного бульона и клялась, что его не отпустят до тех пор, пока миска не будет чистой. Бывало, он швырял эту миску со страшными ругательствами. Бывало, прилежно ел, вспомнив, что без пищи ему не завершить начатого.

Он уже не походил на восемнадцатилетнего юношу. Седина делала его старше. Морщины на лбу и впавшие щеки придавали ему решительный и суровый вид. Он выглядел на все тридцать — прирожденный лидер. Люди относились к нему с почтительным страхом.

Кирон редко выпускал из руки меч. Мечом он измерял полотно и бумагу, рисовал чертежи на земле, указывал, угрожал, подкреплял приказы.

Кентигерн был потрясен переменами. Люди, еще вчера уныло бродившие по лагерю, трудились с бешеной энергией. И все потому, что Кирон потребовал отдать все силы, а взамен пообещал месть.

Наступил день, когда основные узлы были закончены. Сплели огромную сеть, сшили чехол, сделали маленькую легкую лодку и выковали медники. Оставалось законопатить последние швы. Для этого решили использовать специальную замазку, полученную из древесного дегтя.

Горячий деготь издавал ужасный едкий запах. Возле ведер, где он вываривался, нельзя было находиться, люди кашляли и терли слезящиеся глаза.

Ругаясь и кашляя, пришел посмотреть на окончание работ Кентигерн. Шар растянули на траве. В холодном утреннем воздухе застывала замазка на соединительных швах.

— Он готов, Кирон?

— Готов.

— И он полетит?

— Если какой-нибудь дурак не порежет или не прожжет обшивку, полетит.

— Ты хорошо потрудился.

Кирон пожал плечами.

— Многие потрудились хорошо.

— Но ты больше всех. Когда ты спал последний раз?

Кирон растерянно почесал голову.

— Не помню. Да какая разница? Вчера, наверное, спал, или позавчера.

Кентигерн положил ему руку на плечо.

— По правде говоря, я не думал, что ты сумеешь сделать такое. Теперь отдохни, мальчик. Ты устал.

— Я уже не мальчик. — Кирон уставился на него странным взглядом. — Разве я не выполнил работу мужчины здесь и раньше?

— Ну, конечно, конечно. Ты уже давно мужчина, и я вовсе не хотел тебя обидеть.

Петрина услышала конец разговора.

— Заставьте его отдохнуть, Кентигерн. Прикажите остановить работу. Он же убивает себя.

Кентигерн улыбнулся.

— Петрина, я могу приказать твоему мужу уничтожить пиратов. Во всем остальном он сам себе приказывает.

Слезы потекли по лицу девушки. Кентигерн решил, что это от запаха дегтя, но деготь тут был ни при чем. Она расплакалась, потому что взглянула на Кирона, на его седые волосы, впавшие щеки и круги под глазами. Она плакала потому, что последнее время он вообще не выпускал из рук меч. Плакала потому, что Кироном овладела какая-то непонятная лихорадочная ярость, в нем клокотала энергия, рожденная не здоровой пищей и полноценным сном, а некоей демонической силой, позволяющей ему командовать собой и другими.

Наконец и Кирон заметил Петрину. Подошел, положил руки на плечи и заглянул ей в лицо. Впервые за много дней он обратил на жену внимание.

— Не волнуйся, любимая. Сейчас все пойдет так, как ты хочешь. Помнишь, когда мы были детьми? Мы прибежали сюда в конце лета, был жаркий вечер, мы лежали под буком, и я сказал тебе, что хочу летать.

Тревожное выражение на лице Петрины смягчилось.

— Конечно, помню. Сливы и яблоки. Я еще объелась, и потом болел живот.

— Да, — рассмеялся Кирон, — яблоки, сливы и счастливый мир детства.

Кентигерн шумно кашлянул.

— Я, пожалуй, пойду. Когда ты собираешься испытывать шар, Кирон?

— Вечером, — ответил Кирон, не глядя на него. — Вечером, после того как я поем и побуду с женой. Сегодня вечером, Кентигерн, вы увидите, как творится история.

Кашляя и бормоча что-то себе под нос, Кентигерн удалился.

— Сливы и яблоки, — повторил Кирон. — Мы оба тогда объелись. Ты помнишь, о чем мы еще говорили?

Петрина улыбнулась.

— Я призналась тебе, что моя мать ходила к астрологу Маркусу. Он предсказал, что ты станешь великим мастером своего дела, а я рожу тебе троих детей... — Петрина вздохнула. — Вот и закончилась юность с ее мечтами и планами. В нашем мире такое уже невозможно.

— Разве? — возбужденно спросил Кирон. — Ты в самом деле так считаешь? А что еще говорил Маркус? Не помнишь?

— Подожди... — Петрина наморщила лоб. — Он говорил... он говорил, что твоей самой знаменитой картиной будет рыба, уничтожающая людей огнем.

— Давай укрепим репутацию астролога!

Кирон схватил огромную кисть, которую использовал для замазки швов на шаре, и обмакнул ее в чан с дегтем. Потом подошел к растянутому на земле полотну. Быстрым и точным движением он нарисовал в головной части шара большой открытый глаз. Потом снова обмакнул кисть и добавил огромный, зияющий рот, полный острых зубов. Мазки его были легки и уверенны. На противоположном конце шара он изобразил большой черный хвост.

— Вот моя величайшая картина, Петрина. Летящая по небу акула, которая пожирает людей... Теперь пойдем поедим, а потом ляжем вместе. Ибо сегодня вечером великая рыба смерти поднимется в воздух.

11

Кирон проверил медники, особое внимание уделяя тому, чтобы уголь горел, не разбрасывая искр и без длинных языков пламени. Потом еще раз проинструктировал людей, в чьи обязанности входило удерживать воздушный шар во время наполнения его горячим воздухом. Потом проверил сеть, которой привязывалась лодка, и дал сигнал открыть полости в подбрюшье шара, куда начал поступать горячий воздух.

Плоский чехол стал надуваться, обретать форму и, наконец, оторвался от земли.

Кирон и Эйлвин поднялись в лодку.

— Ну, Эйлвин?

— Ну, Кирон?

— Скоро мы оторвемся от земли. Если ты чувствуешь, что не потянешь, самое время об этом сказать.

— Я уже сказал. Ты тоже.

— Ну и ладно. Тогда давай посмотрим, как взлетит рыба смерти.

Он подал сигнал удерживающим веревки.

Веревки отпустили, и шар медленно поплыл вверх.

— Поднять температуру в первом меднике, — скомандовал Кирон. — Нас перекосило.

Эйлвин схватил мехи и, расположив их на лишенной кисти руке, принялся раздувать угли. Лодка выровнялась.

Она уже поднялась над головами собравшихся людей. Кирон сидел в одном конце лодки, Эйлвин — в другом, между ними на металлической подставке были закреплены четыре медных котла. Кирон дал знак, чтобы веревку стравили еще, и подкачал воздух в свои два медника. Эйлвин при помощи ручных мехов подкачал свои. Кирон почувствовал хорошую тягу.

— Летим! — торжествующе воскликнул он. — Наконец-то летим!

Неуклюжий баллон наполнялся жизнью, нетерпеливо подергивая подвешенную под ним лодку то за нос, то за корму.

Внизу царило необычайное оживление. Эйлвин перегнулся через бортик и посмотрел на обращенные вверх лица. Кирон дал знак травить еще. Медленно и величественно шар поднялся над верхушками деревьев. Попав в среду, для которой он был предназначен, шар словно по волшебству преобразился и выглядел просто грациозно.

Кирон махнул травильщикам. Теперь шар висел

на высоте метров пятидесяти над Мизери, покачиваясь в воздушных потоках, как лодка на слабых волнах.

Побледневший Эйлвин со страхом смотрел на Кирона.

— Может, достаточно? Мне страшно.

Ветер проглотил его слова. Поскрипывали веревки и деревянные опоры, угли в медниках раскалились до золотого цвета.

— Посмотри на юг! — крикнул Кирон. — Посмотри на юг! Враг — там.

Воздух был прозрачен; Эйлвин посмотрел, куда показывал Кирон, и увидел океан. А еще дальше — линию горизонта, увидел игру солнечных лучей на воде. Вблизи Литтл Хэмптона сбились в одну кучку, как детские яхты в большом пруду, корабельные мачты. Эйлвин нервно рассмеялся.

— Не такие уж они страшные издалека, Кирон!

— Да и вблизи они нас не испугают. Мы закидаем палубы зажигательными бомбами. Мы нанесем им такой урон, Эйлвин, что об этом будут говорить многие годы спустя.

Эйлвин вздрогнул.

— Откуда ты знаешь? Как ты можешь быть уверен в успехе, в том, что мы не промахнемся, что нас самих не подстрелят, что враг не потушит пожар и не собьет наш шар раньше? Что мы вообще полетим в сторону этих кораблей?

Улыбка Кирона была ужасна.

— Последнее время я только и думаю, как лучше убивать и причинять вред. Я кое-что понял в этом новом для себя ремесле, к которому, как ты знаешь, у меня оказался талант. Так вот, секрет ремесла смерти заключается во внимании к мельчайшим деталям. Пока я создавал эту небесную акулу, наполненное горячим воздухом чудовище, я много размышлял и о способе сбрасывания огня. Не волнуйся, Эйлвин. Если мы и погибнем, что отнюдь не исключено, счет будет хорошим.

Снизу донеслись страшные крики и вопли. Перегнувшись через бортик, Кирон увидел, что двое из державших веревки оторвались от земли и теперь отчаянно вопят, стараясь привлечь его внимание.

Кирон снова улыбнулся.

— Ты видишь, какая тяга? Намного сильнее, чем я предполагал. Значит, мы сможем взять больше груза. Ну а сейчас пора вернуться на землю. Заглуши первый медник, Эйлвин, а я погашу четвертый. Увидишь, как мы мягко опустимся.

Достав небольшие фляги с водой, Эйлвин и Кирон осторожно залили угли. Раздалось шипение, вверх взметнулись клубы горячего пара.

Какое-то время шар поднимался вверх еще быстрее. Вцепившиеся в веревки люди отчаянно кричали.

Но по мере того как тепло в меднике иссякало, шар начал терять высоту. А потом плавно пошел вниз. Снова увидев над собой кроны деревьев Мизери, Кирон с сожалением вздохнул. Лодка легонько ткнулась в землю.

Первым поприветствовал Кирона Кентигерн.

— Ну что, ты доволен?

— Я доволен.

— Ты по-прежнему считаешь, что сможешь сжечь корабли пиратов?

— Теперь я просто убежден.

Кентигерн облегченно вздохнул.

— Ладно, хоть не будем прокляты задаром. Пока ты строил это чудовище, другие занимались полезными делами. И наварили пива. Пойдем, выпьем за успех.

— Пейте, — ответил Кирон, — у меня еще есть работа.

— Какая работа? Шар закончен.

— Хочу поэкспериментировать, как лучше сбрасывать огонь. После того как поднимете тост, Кентигерн, отправьте людей за бочками китового жира, флягами, бурдюками из козлиных шкур, вязанками соломы, салом, дегтем — короче, за всем, что хорошо горит.

— А ты привержен своему замыслу, Кирон.

Кирон зловеще рассмеялся.

— Да, я привержен. Привержен мести.

12

Спустя два дня подул несильный, но устойчивый ветер с севера. Небо было лазурно-чистым, и земля купалась в красоте осени.

Странная процессия двигалась из Мизери. Впереди шла колонна солдат, возглавляемая Лиамом, ее сопровождали конные Кентигерна и Исидор. Перевернутое ярмо проходило под животами лошадей. В середине ярма находилось мощное железное кольцо, через него была пропущена веревка. Она уходила круто вверх и удерживала за корму лодку, связанную с зависшим на высоте десяти метров воздушным шаром.

На борту легкого суденышка Кирон начертал название: «Месть мисс Фитзалан». Прочтя его, Петрина расплакалась, но постаралась, чтобы Кирон ее слез не заметил.

Час назад они попрощались. Эйлвин исповедался брату Гильдебранду, который, хотя и вел скрупулезный учет творящейся ереси, не отказал в причастии калеке, отправляющемуся на верную смерть.

— Я всегда буду любить тебя, — сказала Петрина, изо всех сил сдерживая слезы.

— И я всегда буду любить тебя.

— Больше, чем Эликс Фитзалан?

Петрина готова была откусить себе язык. Ситуация никак не подходила для колкостей: Кирон отправлялся на опаснейшее дело.

Он не рассердился, а прижал ее к себе и на глазах сотен мужчин и женщин положил руку ей на грудь.

— Больше, чем Эликс. — Он улыбнулся, глядя на нетерпеливо покачивающийся на причальном тросе шар. — Я уже выполнил предсказание астролога Маркуса: огромная рыба будет уничтожать людей огнем. Придет время, и ты выполнишь свою часть предсказания, родив мне троих детей.

Петрина поцеловала его.

— Лудд милостив, такое время придет. Ты только возвращайся, Кирон. Возвращайся — и все.

Потом он и Эйлвин сели в «Месть мисс Фитзалан» и еще раз проверили странное содержимое лодки. Убедившись, что запасы угля, фляги с водой, бурдюки с китовым жиром, веревки и пропитанные китовым жиром тюки соломы находятся на своих местах, лодка заполнена доверху, а кое-что даже свисает с бортов на специальных крюках, Кирон подкинул углей в медник и принялся раздувать мехи. Шар поплыл вверх, после чего его зафиксировали на веревке, привязанной к ярму под лошадиными животами. Фантастический караван тронулся с места. Лошади храпели и вскидывали морды, сопротивляясь непривычному грузу, тянущему их вверх, что было, безусловно, противно природе вещей.

Кирон хотел как можно ближе подвезти шар к кораблям. Потом он отпустит причальную веревку, и с этого момента все будет зависеть от удачи, умения, судьбы. Кентигерн, Исидор и пешие солдаты останутся наблюдать за происходящим — если не нападут пираты. Иначе им придется отойти к Аранделю и следить за шаром в подзорную трубу.

Через Арандель странная процессия проследова-

ла без всяких приключений, потревожив только крыс и чаек, доклевывавших пиратов, погибших от огня тележек.

Мимо замка «Месть мисс Фитзалан» проплыла достаточно высоко, Кирон и Эйлвин смогли заглянуть за его стены.

Ветер шевелил огромную кучу пепла — все, что осталось от погребального костра.

— Спи спокойно, любимая, — прошептал Кирон. — Сегодня мы посчитаемся.

Колонна пересекла холм, спустилась по мосту через Арун и вышла на дорогу к морю.

Стоял волшебный день. В такой день хорошо бродить по низинам и восхищаться красотами природы, рисовать картины, молоть зерно или ковать плуг в кузнице. Это был день для созидания. И тем не менее... Тем не менее бывают дни, когда прежде, чем созидать, надо разрушить.

— Как чувствуешь себя, Эйлвин? Не холодно? — Кирон заставил товарища надеть тулуп из козлиной шкуры, догадываясь, что на высоте ста и более метров над морем будет холодно.

— Нормально, Кирон. Как ты?

— В порядке. Сегодня мы нанесем страшный удар.

Эйлвин поежился.

— Нам повезет, Кирон?

— Положись на меня. Если Кентигерн и Исидор выведут нас на правильный ветер, я гарантирую тебе успех.

— А если не выведут?

— Тогда мы ударим в другой день.

Все, однако, шло хорошо. Все шло хорошо, пока до Литтл Хэмптона не осталось два километра. Именно там они столкнулись с первыми патрулями Адмирала Смерть. Пиратов было немного, от силы дюжина.

Пешие солдаты вступили в бой. Луки и арбалеты против мушкетов и арбалетов. Семнадцать арандельцев пали, уничтожив двенадцать пиратов. Но не раньше, чем те успели подать предупредительный сигнал.

Перегнувшись через борт лодки, Кирон кричал Кентигерну:

— Времени нет. Уходите с дороги и идите на запад. Мы должны встать точно по ветру.

— Надо позаботиться о раненых, — кричал в ответ Кентигерн.

— Нет времени. Уходите с дороги. Оставьте нескольких человек, если так надо, но немедленно уходите на запад.

— Черт бы тебя побрал, Кирон. Ты жестокий человек. Разве ты не слышишь их криков?

— Слышу. Давайте на запад. Не теряйте времени.

— Нет.

— Тогда пеняй на себя, дурень! — взорвался Кирон. — Если ты сейчас же не повернешь на запад, я выплесну на тебя огонь, который припас для пиратов. — С этими словами он поджег от медника факел и поднес его к пропитанному китовым жиром тюку соломы, свисающему с борта лодки. — Ты слышишь?

— Слышу, будь ты проклят во веки. Расчет еще впереди.

— Воистину впереди, — спокойно ответил Кирон. — Поворачивайте на запад.

Кентигерн прокричал команду. Оставшиеся в живых солдаты, человек семь или восемь, кинулись помогать раненым. Кентигерн и Исидор развернули лошадей и двинулись на запад. В конце поля им попался высокий забор.

— Прыгайте, — крикнул Кирон, — шар вас вытянет!

Он махнул Эйлвину, и тот закачал воздух в первый медник. Кирон принялся раздувать четвертый. Угли разгорелись, веревки натянулись, и шар дернулся вверх. Почти одновременно Кентигерн и Исидор пришпорили коней перед преградой и плавно перелетели через забор.

Эйлвин и Кирон обнялись. Теперь, когда Кентигерн и Исидор скакали по полю, шар ритмично раскачивался, но без рывков, веревки натягивались и провисали в такт конскому бегу. Даже когда всадники прыгнули на два метра, сидящие в лодке почувствовали лишь плавный подъем и спуск.

Кирон не сводил глаз с кораблей в Литтл Хэмптоне — до них оставалось километра два. Он видел также, что от Литтл Хэмптона к уничтоженному сторожевому пункту несутся вооруженные люди на лошадях.

— Скорее! Пираты выслали всадников. Мы должны успеть встать по ветру.

Кентигерн задрал вверх побагровевшее злое лицо.

— Далеко еще, ты, чокнутый?

— До середины соседнего поля. Там я уточню направление.

Следующий забор оказался невысок. Лошади легко перенеслись через него. «Наверное, такого в Британии еще не видели, — возбужденно подумал Кирон. — Два всадника тащут за собой шар, напоминающий чудовищных размеров воздушного змея. Под шаром подвешена лодка, а в ней два парня — все, что смог выставить Арандель против боевой мощи Адмирала Смерть».

Он громко расхохотался.

Эйлвин с тревогой взглянул на него.

— Ты что, Кирон? Если ты видишь что-нибудь смешное, скажи мне. Я бы многое дал, чтобы уметь смеяться в такой ситуации.

— Посмотри на корабли.

— Я видел. Сила.

— А теперь посмотри на нас.

Эйлвин посмотрел: на шар, на Кирона, на лодку с ее содержимым, на всадников внизу... И тоже расхохотался.

— Кирон, дружище, ты, видно, рехнулся, когда придумывал эту авантюру, а я — когда согласился в ней участвовать. Это действительно смешно. Смотримся мы по-дурацки.

— Не по-дурацки. Грандиозно.

Эйлвин тяжело вздохнул.

— Хороший выдался день для смерти.

— Сегодня смерть не для нас, дружище. Мы будем убивать.

— Я предвижу смерть.

— А я — уничтожение.

— Эй, болтуны! — крикнул Кентигерн, остановив лошадей. — Мы вышли на ветер?

Кирон бросил в воздух кусочек бумаги, и тот медленно полетел в сторону Литтл Хэмптона и скопившихся в бухте кораблей, но не в самый их центр.

— На край поля!

Кентигерн с ругательствами пришпорил коня. Исидор не отставал от него ни на шаг.

Кирон снова оторвал кусочек бумаги, и на этот раз тот полетел в нужном направлении. «Только бы не переменился ветер, — прошептал про себя Кирон. — Только бы он не переменился в ближайшие полчаса, больше не надо».

— Здесь, Кентигерн! Спасибо вам. Спасибо, что подарили мне этот день.

Кентигерн поднял голову, прикрыв глаза от солнца.

— Ты ненормальный, Кирон. Но в смелости тебе

не откажешь. Не знаю, чем ты осенен — величием или безумием. Прощай.

— Позаботьтесь о Петрине, если...

Кентигерн вскинул руку.

— Не бойся, парень. — И добавил со странной торжественностью: — Она будет мне как дочь. Я за нее жизни не пожалею. В этом я тебе клянусь.

— Значит, я навеки ваш должник. — Кирон подал Эйлвину знак, и они вдвоем отвязали веревку. Шар пошел вверх.

Исидор сложил ладони рупором:

— Счастливой тебе охоты, небесная акула! Сожри сегодня побольше пиратов!

13

Шар поднимался вверх, растягиваясь и напрягаясь, как живое существо. В последний раз Кирон взглянул на всадников внизу и помахал рукой. Крошечные люди на крошечных лошадях, они походили на странных, ползающих по земле насекомых.

На какой-то момент весь мир показался ему застывшей картиной. Двигался только воздушный шар — в жутком, продуваемом ветром безмолвии. Впереди сбились в кучку игрушечные корабли, далеко внизу прижались к земле игрушечные всадники. Уверенность и сила переполняли Кирона. Он наслаждался плавным и красивым полетом, радуясь долгожданной свободе, которую он наконец обрел в родной для себя среде.

Эйлвин нарушил очарование.

— Может, подбросить угля? — спросил он с тревогой.

Мысли Кирона вернулись к насущным проблемам. Шар, по его прикидкам, уже поднялся на высоту корабельных мачт, и подъем продолжался. Ветер был несильный, они летели не быстрее, чем хорошим шагом идет человек. Если ветер не переменится, минут через десять—пятнадцать они долетят до флотилии Адмирала Смерть.

— Не надо, Эйлвин. Температурный режим хороший. Пора выбрасывать абордажные веревки. Опускай их метров на двадцать, и побыстрее. Потом готовь зажигательные бомбы.

Четыре абордажные веревки, две с кормы и две с носа, свесились с лодки. Железные крючья сверкали на солнце. С помощью крючьев Кирон планировал зацепиться за оснастку судов, используя их как временный якорь.

Шар неумолимо приближался к скопившимся в бухте Литтл Хэмптона кораблям. На палубах поднялась страшная суета. От орудийных бойниц вились облачка дыма, но поднять стволы на нужную высоту было невозможно, и ядра летели мимо.

— Ты видишь, — сказал Кирон, — они уже паникуют, впустую тратят черный порох.

— Скоро мы попадем под огонь мушкетов.

— Поднимемся выше. Посмотрим, как они палят по солнцу.

В медники подбросили угля, пламя раздули мехами. Шар набрал высоту.

Теперь до скопления кораблей оставалось не более сотни метров. Кирон прикинул скорость полета и высоту.

— Абордажные веревки на пятнадцать метров ниже, — скомандовал он.

— Понял.

— Приготовься к сцепке.

— Кирон!

— Да, Эйлвин?

— Да благословит тебя Лудд за то, что ты дал мне эту возможность.

— Не говори ничего. Действуй только по моей команде. Сейчас будем поджигать ветошь.

Два крюка зацепились за оснастку одного из кораблей. Совсем рядом стояли еще два судна. Ветер, однако, перенес «Месть мисс Фитзалан» несколько дальше, и внизу оказалась только вода.

— Втягивай веревки! — крикнул Кирон. — Мы должны быть над палубой.

Эйлвин изо всех сил принялся втягивать абордажную веревку обратно, Кирон тянул со своей стороны, но ветер был слишком силен.

— Заглуши на четверть первый медник, я заглушу свой!

Пылающие угли полили из фляг. Шар снова дернулся вверх, когда пошел пар, но почти сразу же осел, и они сумели втянуть веревки. Пираты между тем полезли на мачту, некоторые палили по летающей акуле из мушкетов.

Кирон видел и стреляющих, и добирающихся до его абордажных крючьев пиратов, но это его уже не волновало. Он находился точно над палубой.

— Две бомбы! — хрипло крикнул Кирон. — И две мои.

Они сорвали с крючьев два пропитанных китовым жиром тюка и, ткнув в них факелами, кинули вниз. Вместе с тюками на палубу обрушился целый водопад искр и пламени. Брошенный Кироном огненный снаряд зацепил двух залезших на мачту пиратов и увлек их за собой. Дикие крики оборвались вместе с двумя глухими ударами.

От ударов тюки развалились, и горящие куски разлетелись по всей палубе. К небу взметнулись клубы дыма, пираты в панике заметались по кораблю, но вскоре организовали цепочку с ведрами. Кирон швырнул за борт лодки два полных китового жира бурдюка из козлиных шкур. Оба упали очень удачно. Один угодил в уже пылающее пламя, и ручейки огня брызнули по деревянной палубе во все стороны. Двое или трое пиратов, оказавшихся в самом пекле, попрыгали за борт. Второй бурдюк разорвался возле открытого люка, и поток огня хлынул внутрь судна.

Внизу началось светопреставление. Уже никто из пиратов не пытался поразить летающую акулу из мушкета. Некоторые еще боролись с бушующим пламенем, но все больше и больше людей прыгали за борт.

Кирон удовлетворенно смотрел вниз. Корабль был обречен. Пора было подумать и о своей безопасности — языки пламени долетали почти до самой лодки. Нелепо было бы погибнуть от собственного оружия.

— Обрезай абордажные веревки! — скомандовал Кирон. — Когда освободимся, готовь следующую связку. Ветер хороший, а соседний корабль совсем рядом.

Как только обрезанные концы абордажных веревок полетели вниз, воздушный шар начал подниматься. Уменьшение груза существенно повлияло на его аэродинамические качества. Шар оторвался от гибнущего корабля как птица. Кирону и Эйлвину пришлось полностью загасить пламя в двух медниках, чтобы достать новыми крючьями до оснастки следующего корабля. У них оставалось только две абордажные веревки.

Ближайший корабль стоял в ста метрах. Самый большой, на его флаге красовалась вышитая золотом эмблема смерти. Кирон едва не задохнулся от радости. Второй корабль, последний, который он мог атаковать, оказался флагманским. Кирон молился, чтобы Адмирал Смерть был на борту.

Шар летел на корабль под грохот мушкетных выстрелов. Несколько пуль ударило в лодку и

прочную обшивку шара, но Кирон и Эйлвин не пострадали. Абордажные крючья угрожающе раскачивались под лодкой. Один из них зацепился за оснастку.

Команда флагмана извлекла хороший урок из случившегося с первым судном. На мачтах было уже много вооруженных людей. Некоторые вели прицельный огонь из мушкетов, но попасть было нелегко: лодка раскачивалась под воздушным шаром на высоте не менее тридцати метров от верхушки самой высокой мачты. Другие, более сообразительные, пытались добраться до абордажного крюка и обрезать веревку, пока сверху не накидали новых крючьев.

Кирон понял, что времени совсем мало.

— Швыряй! — крикнул он. — Целься по самым верхним!

Эйлвин понял, какая им грозит опасность. Они принялись поджигать оставшиеся шесть тюков с соломой и кидать их вниз. Эйлвин сразу же поразил цель; похоже, к этому у него был дар. Первый его тюк полетел вдоль корабельной оснастки, двое пиратов едва успели прыгнуть в воду. Вторым он сбил почти добравшегося до абордажного крюка пирата. Они рухнули на палубу единым огненным комом.

Броски Кирона оказались менее удачны. Один тюк вообще не попал в корабль — так сильно раскачивало лодку, а второй шлепнулся на палубу, но пламени вокруг него не было, очевидно, в полете он просто погас.

Эйлвин кинул третий тюк и был вознагражден зрелищем разгорающегося на палубе пожара. Он радостно рассмеялся. Как и на первом корабле, слабые духом начали прыгать за борт.

Кирон тоже швырнул свой третий тюк. К его изумлению, упав в середину палубы, он не вспыхнул. Его либо скрыли клубы дыма, либо он угодил в какой-то люк и провалился в трюм корабля.

Эйлвин готов был прыгать от восторга. Кирон заметил, что горит оснастка, а значит, скоро перегорит и абордажная веревка.

— Бурдюки! — закричал он. — Швыряй бурдюки с китовым жиром!

Бурдюков осталось немного. Кирон вышвыривал свой запас, не глядя, куда что летит.

Палуба корабля превратилась в пылающий ад. Эйлвин либо не расслышал команды Кирона, либо не обратил на нее внимания. Он поднялся во весь рост, что само по себе было очень опасно, и ухватился за веревку, на которой лодка была подвешена к шару.

— Сядь! — крикнул Кирон.

Эйлвин не ответил. Лицо его светилось радостью. Размахивая обрубком руки, он кричал вниз что-то неразборчивое.

Шар неожиданно рванулся вверх — перегорела абордажная веревка. Подъем был стремительным. Почти одновременно раздался страшный взрыв, и корабль разлетелся на куски. Очевидно, огонь дошел до пороховых запасов. Взрыв еще более ускорил подъем шара, и он понесся вверх, как пробка из бутылки с шипучим вином.

Эйлвин громко вскрикнул и вылетел из лодки. Кирон видел, как на какое-то мгновение он словно застыл в воздухе, раскинув руки и ноги, лицо его выражало полное удовлетворение. Потом Эйлвин исчез, а несущийся вверх шар едва не перевернулся.

Кирон распластался на полу своего убогого суденышка, моля бога, чтобы не лишиться рассудка. Подняв голову, он увидел, что внешняя оболочка шара во многих местах повреждена взрывом, хотя и несильно.

Шар между тем замедлил подъем. Собравшись с духом, Кирон выглянул за борт лодки. От открывшегося зрелища у него перехватило дыхание. Никогда в жизни он не испытывал такого страха и восторга. До воды было не менее пятисот метров. Прямо под ним, как детские игрушечные яхты, сгрудились корабли пиратов. Всего Кирон насчитал одиннадцать, четыре из них горели; огонь, как видно, перекинулся еще на два корабля. Несмотря на густые клубы дыма, было ясно, что три корабля обречены.

Сверху все происходящее казалось замедленным. Несмотря на собственное плачевное положение, Кирон внимательно изучал эффект атаки. Да, такое будут помнить всегда, независимо от того, сколько времени он сам еще проживет.

Спустя некоторое время Кирон разглядел, что наиболее пострадавший корабль, от которого остался один пылающий каркас, медленно плывет по течению. Очевидно, взрыв сорвал его с якоря, и вливающийся в море Арун нес его на два соседних, не поврежденных пока корабля.

Даже с такой высоты — а шар еще продолжал подниматься — Кирон видел суету на палубах. Пираты подняли якоря и отчаянно пытались развернуть паруса, чтобы спастись от рокового столкновения.

Кирон наблюдал за происходящим, раздуваясь от гордости. Один из горящих кораблей вдруг окутался облаком дыма. Потом в разные стороны полетели рангоуты и бревна. Спустя некоторое время донесся и грохот взрыва. Приглушенный расстоянием, он прозвучал для Кирона как сладкая мелодия.

На мгновение Кирон забылся.

— Ты видишь, Эйлвин? — крикнул он. — Разве я не сдержал своего обещания? — Еще не закончив, он вспомнил, что Эйлвина больше нет. — Ничего, дружище, ничего, брат, я видел твое лицо, ты был доволен. Спи спокойно. Мы здорово посчитались. Похоже, я скоро увижу тебя.

Стоящий на пути огненной громады корабль не успел отойти в сторону. Погибающий собрат ударил его точно в середину.

— Ты видишь, Эйлвин, — тупо пробормотал Кирон, понимая, что Эйлвин никогда его не услышит. Молчать он просто не мог. — Из одиннадцати кораблей мы зацепили пять. Мы, бедные подмастерья, совершили больше, чем смогла бы добиться тысячная армия солдат. Помнишь, я предлагал тебе вечную жизнь?

И вдруг из глаз у него потекли слезы. Один в целом небе, Кирон, не стесняясь, рыдал как ребенок. Он мог себе это позволить. Никто и никогда не узнает, что он плакал. Тем более что сегодня он, скорее всего, и утонет. Никакого опыта обращения с лодкой в открытом море у Кирона не было... К тому же выдался неплохой день для смерти, как успел заметить Эйлвин.

— Кристен, мать моя, — шептал Кирон сквозь рыдания, — Жерард, отец, простите, что я не стал великим художником, как вы мечтали... Мастер Хобарт, вы окружили меня любовью, не сердитесь, что я забросил кисти и краски. Эликс, любимая, я защитил бы тебя, если бы был рядом. Дорогая моя, ты мертва, но, если есть иная жизнь, в чем я, грешник, сомневаюсь, взгляни на дело рук моих... Петрина, жена моя, мое семя проникло в лоно твое, я молюсь, чтобы ребенок родился. Ты с гордостью будешь вспоминать этот день, я верю.

Кирон был окончательно измотан — и духовно, и физически. Дни и ночи, наполненные напряженным трудом и размышлениями, возбуждение от

схватки с пиратами, горе от смерти Эйлвина — все вместе полностью опустошило его. Он настолько измучился, что не мог уже ни думать, ни что-либо предпринимать. Он лег на дно лодки и закрыл глаза. Жизнь, сонно размышлял он, в лучшем случае короткое путешествие из тьмы во тьму. Ему повезло, ему очень повезло: он познал любовь красивых женщин, нарисовал великую картину, построил воздушный шар и плыл по небу, как Бог, неся смерть тем, кто привык убивать других. Да, он прожил очень счастливую жизнь для едва достигшего восемнадцати лет бедняка. С выражением блаженства и покоя на лице Кирон заснул.

14

Медники продолжали гореть, и небесная акула, освобожденная почти от всего своего груза, поднималась все выше и выше.

Уснувший глубоким сном или потерявший сознание, Кирон не знал, что шар поднялся на высоту две тысячи метров над морем. Он вошел в плотные слои облаков, и на руках, лице и волосах Кирона выпала роса. Потом шар снова вплыл в золотое сияние солнца.

От росы Кирон поежился и проснулся. Он увидел под собой отороченные золотом облака, образующие сказочно прекрасный ландшафт. Казалось, что по ним можно ходить.

Величие открывшейся картины потрясло Кирона.

— Наверное, вот уже несколько столетий никто не видел подобного, — проговорил он вслух. — Похоже, я первый из Третьих Людей увидел облака такими. Поистине, я совершил, что хотел.

Угли в медниках, однако, догорали, да и сквозь потрескавшуюся обшивку выходил горячий воздух. Кирону была подарена лишь минута или две торжества, и шар опустился в толщу облаков.

Он, замерев, смотрел, как клубится вокруг белый туман, как шипят от влаги угли. Шар опускался медленно, словно не желая завершать свой последний полет. Провисшая ткань хлопала на ветру, дыры расползлись.

Море было слегка неспокойно, хотя такая зыбь, думал Кирон, вряд ли зальет лодку. Он огляделся в поисках полоски земли, но кругом простиралась только водная гладь. Похоже, Эйлвин нашел лучший конец — быструю, безболезненную смерть. Кирон ничего не смыслил в морском деле и справедливо оценил свое положение как гибельное.

Шар с силой ударился о воду, на какое-то время его оболочка накрыла Кирона, словно решила поглотить еще одну жертву. Горячие угли высыпались ему на ноги, он хотел крикнуть, но раскаленная ткань и жженая бумага не дали ему раскрыть рта.

Изодранная в клочья небесная акула избавилась от последнего груза и попыталась еще раз подняться. Громко хлопнув, шар вздыбился над водой, завис на мгновение и, свернувшись пополам, шлепнулся в море. Прежде чем он скрылся под водой, Кирон успел увидеть нарисованные им свирепые глаза и зубастый рот. И улыбнулся, вспомнив пророчество астролога, сделанное, когда сам мир, казалось, был молодым.

Кирон остался один на один с морем — без сил, без еды, почти без надежды. Даже странно, что он не побеспокоился о запасе продовольствия, тем более что два легких весла захватить не забыл. Нельзя долго грести на голодный желудок. Возможно, подсознательно он знал, что долго грести не придется.

Теперь, когда все кончилось, Кирон почувствовал еще большую усталость. «Я отдохну. Закрою глаза, обдумаю все, что произошло, и постараюсь успокоиться. Рано или поздно море меня примет. И это будет конец Кирона Голова-в-Облаках».

Он улегся на дно лодки, устроился поудобнее и натянул на себя все, что было из одежды. Приятно укачивало. Это напоминало Кирону давно забытое лето, когда отец сделал ему маленький гамак и натянул его между двумя яблонями. Кирон любил качаться в гамаке, прикрыв глаза, и воображать себя загадочным и всемогущим господином неба.

— Что ж, какое-то время я был господином неба, — пробормотал он. — По крайней мере, этого я достиг.

15

— Comment vous appelez-vous?*

Кирон почувствовал, как в грудь его уперлось острие меча. Он попытался нащупать свой меч, который всегда лежал рядом, но не нашел его. Кирон застыл, пытаясь сообразить, что происходит.

— Je m'appelle Kieron. — Скудными познаниями во французском он был обязан случайно забредшему в Арандель матросу. Кирон почувствовал, что много говорить не придется.

— Alors... Vous connaissez l'Amiral Mort?**

— Oui. Je le connais. Да, знаю.

— Vous etes ami ou ennemi?***

Вот и прозвучал вопрос, определяющий жизнь или смерть. Кирону было почти все равно.

— Je suis l'ennemi d'Amiral Mort. Parlez-vous anglais?****

В полутьме раздался смех. Кирон отвернулся от слепившего его фонаря и увидел луну и усеянное звездами небо. Фонарь раскачивался возле его головы, но Кирон старался сосредоточиться на красоте звездной ночи. Если ему суждено умереть, то удар не заставит себя ждать.

— Un petit peu, — сказал незнакомец. — Немного говорю. Можете встать?

— Попробую.

— Bon. Будьте любезны подняться на борт моего корабля. Видите веревочную лестницу?

— Да.

— Сможете дойти самостоятельно?

— Да. Где мой меч?

— Не волнуйтесь. Он у меня. Идемте.

Кирон взобрался на палубу небольшого, как ему показалось, рыбацкого судна. Кто-то из команды продолжал освещать его фонарем. Окончательно придя в себя, Кирон огляделся. В лунном свете он увидел, что перед ним действительно рыбацкое судно... или один из вспомогательных кораблей Адмирала Смерть. Странно, что француз первым делом упомянул Адмирала...

— Вы рыбаки?

— Comment?

— Рыбаки. Вы добываете из моря рыбу?

— Ah, pêcheurs! — Снова раздался смех. — Да, месье Кирон, можете называть нас «рыбаками». Это хорошая шутка.

Суденышко и вправду было небольшим, команда состояла из четырех, самое большее пяти человек. Сейчас в поле зрения Кирона находились трое: один стоял за штурвалом, другой освещал его фонарем и еще один с ним разговаривал. Этот держался по-хозяйски. Скорее всего, он и был здесь главным.

Кирон пытался разглядеть в лунном свете его черты. Незнакомец был бородат, хотя казался

* — *Кто вы? (Здесь и далее фр.)*
** — *Вы знаете Адмирала Смерть?*
*** — *Вы ему друг или враг?*
**** — *Я враг Адмирала Смерть. Вы говорите по-английски?*

совсем молодым. И говорил молодым голосом.

Кирон пожалел, что у него нет меча; меч был в руке француза. Сознавать это было очень неприятно.

— Если решили убить меня, убивайте сразу. Я не настроен играть. День был хорошим, и я доволен.

— Месье Кирон! Да кто же говорит об убийстве? Мы вас нашли — к счастью, удачно, потому что Этьен хорошо видит в темноте — так вот, нашли вас дрейфующим в маленькой лодке. Вы и так были обречены на смерть, месье.

Кирон не нашел, что сказать.

— Это мы должны кое о чем расспросить вас. Насколько нам известно, вы можете оказаться... как это?.. — un homme dangereux, un félon, un pirate, peut-être*.

— Месье, я вас не понимаю, — устало произнес Кирон. — Меня зовут Кирон Джойнерсон, я живу во владении Арандель на Британских островах. Сегодня вы нашли меня дрейфующим в маленькой лодке, потому что я нанес страшный удар по кораблям Адмирала Смерть. Я атаковал с неба, построив для этой цели надуваемый горячим воздухом шар. Адмирал меня не забудет. Теперь делайте со мной, что хотите.

— Un ballon!** — возбужденно воскликнул француз. — Месье, простите меня. Мое имя Жан Батист Жирод, я капитан «Мари-Франс» из Ароманчи. Сегодня я имел произвести — правильно? — разведку сил Адмирала Смерть. У нас во Франции знают его как плохого, очень плохого человека. Известно, что он захватил часть британского побережья. Мы хотим понять его план. Сегодня мы видели поразительную вещь. Мы стояли далеко, вы понимаете. Но мы имели... telescope, трубу из стекла! И мы видели этот предмет в небе. Он родил feu — огонь? Quatre ou cinq vaisseaux sont finis. Merveilleux! Henri, Claude, voici l'homme du ballon! Où est le vin?***

Кирон растерялся. Все вдруг кинулись пожимать ему руки и хлопать по плечу.

— Месье Кирон, — торжественно произнес капитан Жирод, — простите меня. Позвольте вернуть меч храброму человеку. Ваше присутствие на борту «Мари-Франс» — большая честь для нас.

Кирон принял меч. Руке сразу же стало приятно.

— Messieurs, — сказал капитан Жирод, — je vous presente un homme de vaillance. A votre santé, Monsieur Kierón****.

Как по волшебству, появились кружки и вино. Из темноты вынырнул четвертый член команды. Французы выпили.

Тогда и Кирон поднял свою кружку.

— Monsieur le capitaine, благодарю вас за то, что вы спасли мне жизнь.

— Месье Кирон, я имел... я правильно говорю?... я имел удовольствие. Я буду говорить об этом еще много лет.

Вино оказалось вкусным. Едва Кирон успел выпить, кружку наполнили снова. Он глотал дорогое красное французское вино и чувствовал, как руки и ноги его наливаются теплом.

— Капитан Жирод, — спросил он хриплым голосом, — можете ли вы высадить меня на британский берег?

— Только укажите место! — рассмеялся капитан. — Ради вас, мой друг, я проведу «Мари-Франс» даже под пушками Адмирала Смерть.

Кирон улыбнулся.

— Будет достаточно, если вы доставите меня на пару километров восточнее Литтл Хэмптона.

— Пойдемте вниз, месье, там светло и тепло. Вы выпьете еще, а я посмотрю карту... Мы ведь довольно далеко от побережья. Нам потребуется время. Не думаю, что стоит высаживаться затемно, это есть dangereux... опасно.

— Я привык к опасности.

— Pardon. Je suis un fou*****. Пойдемте вниз. Отдых.

— Капитан, я бы предпочел еще немного побыть на палубе. Мне хочется полюбоваться звездами.

— Ah, les etoiles, звезды! — Капитан Жирод удивленно покачал головой. — Это ваш корабль, месье.

Кирон запрокинул голову в ночное небо. Оно было по-настоящему прекрасно. Странно, раньше он не замечал, как красивы эти точечки света, разбросанные по великой и загадочной тьме, которую люди прозвали небесным сводом.

Неожиданно Кирон начал смеяться. Он смеялся потому, что вдруг понял: собственная судьба перестала быть ему безразличной. Совсем недавно ему было все равно, останется он жить или нет. Сейчас он знал, что очень хочет жить. Смотреть в звездное небо такими же ночами, как эта. Построить много воздушных шаров и других летающих машин. Прижимать к себе любимую и желанную Петрину. Смотреть, как растет его сын... Жить... Создавать и помнить... Страдать и радоваться... Жить!

Кирон хохотал во весь голос и ничего не мог с собой поделать. «Наверное, это вино, — твердил он себе, чувствуя огонь во всех членах, — я не привык к французскому вину». Но он понимал, что дело не в вине. Это... Что же это? Жизненная сила! Вот удачная фраза. Ему казалось, что раньше никто не знал таких слов. Жизненная сила. Эта она вытягивает из земли цветы и колосья, делает женщин прекрасными и заставляет мужчин... некоторых мужчин... поднимать глаза к небу.

— Однажды, — произнес Кирон, глядя на Сириус — самую яркую звезду небосвода, — дети моих детей долетят до тебя. Ты не думай, яркая звезда, что люди тебя не достанут.

И он снова рассмеялся, дивясь тому, как мог натолкнуться на него в огромном океане французский кораблик, как совершенно случайно его вернули к жизни.

— Клянусь Молотом, — кричал он, — астролог Маркус еще посрамит всех сомневающихся!

Склонившись над картами в своей каюте, капитан Жирод слышал доносящийся с палубы безумный хохот. Он пожал плечами. Известно, что все англичане малость тронутые, а этот, в одиночку противостоявший мощному вооруженному флоту, разумеется, просто сумасшедший.

16

Капитан Жирод сдержал свое слово. Он вывел «Мари-Франс» к южному побережью Британии точно в трех километрах к востоку от Литтл Хэмптона. Звезды потускнели на загорающемся светом небосводе, когда Кирон перебрался с борта французского судна в свою маленькую лодчонку.

— Месье, — произнес капитан Жирод. — Вы оказали нам честь своим присутствием. Примите наш скромный дар и не забывайте нас. — Он вручил Кирону бутылку с «живой водой». — Уверен, что придет день, и наши народы снова будут трудиться вместе. Выпьете за это?

---

* *Человеком опасным, изменником, и даже, возможно, пиратом.*

** *— Воздушный шар!*

*** *— Четыре или даже шесть кораблей были уничтожены. Грандиозно! Генри, Клод, вот человек с этого воздушного шара! Где вино?*

**** *— Господа, хочу представить вам смельчака с воздушного шара. Ваше здоровье, господин Кирон!*

***** *— Простите. Я сошел с ума.*

— Выпью. Капитан Жирод, вы спасли мне жизнь, но я ничего не могу предложить вам в дар.

— Месье Кирон, ваш дар мы уже получили. Это было потрясающе. Un homme du ciel contre les bateaux de l'Amiral Mort*. Мы будем рассказывать об этом детям своих детей. Мы получили ваш подарок. Soyez tranquille. Не волнуйтесь.

— Я прошу вас еще об одном одолжении, капитан. Дайте мне жира и чем разжечь огонь.

— Pourquoi?** Вы не сможете атаковать с этой маленькой лодки.

— Нет, месье. Я хочу ее сжечь, когда доплыву до земли. Она хорошо мне послужила, и я не желаю, чтобы ею пользовался кто-то еще.

— Месье Кирон, я понимаю.

Немедленно принесли большую бутыль жира, какие-то старые тряпки и горящую свечу в подсвечнике. Кирон осторожно спрятал свечу, чтобы ветер не задул пламя.

— Прощайте, капитан, и спасибо. Счастливого вам возвращения домой.

— Bonne chance, monsieur***. Мы преклоняемся перед вашим мужеством. О вас будут помнить.

Кирон греб к виднеющемуся вдали пустынному берегу. На море была легкая рябь, но волны его подгоняли. «Мари-Франс» плавно развернулась и, как привидение, исчезла в предрассветном тумане.

Когда он пристал к берегу, над горизонтом показался алый краешек солнца. Кирон вытащил лодку и изумился, до чего приятно стоять на мягком песке — наверное, потому, что он уже не верил, что ему доведется ступить на сушу.

Берег был абсолютно пустынным. Некоторое время Кирон просто сидел и пропускал песок сквозь пальцы. Его охватило странное чувство одиночества. Ему показалось, что он — последний оставшийся в живых человек.

Из тряпья и выброшенных на берег корабельных бревен он соорудил небольшой костер. Облил его жиром и поднес свечу. Пламя взметнулось высоко. Несколько минут Кирон стоял и просто грелся, только сейчас почувствовав, как он промерз.

Потом, вспомнив, зачем ему был нужен огонь, Кирон перевернул лодку-гондолу и долго бил ногами в днище, пока тонкие доски не превратились в щепки. Тогда он приподнял изломанный корпус лодки и бросил его в костер.

Полетели искры. Мокрое дерево шипело, испускало пар, трещало и дымилось. Наконец лодка запылала, Кирон дождался, пока она не превратилась в тлеющие угольки. К тому времени солнце уже поднялось. Скоро начнется прилив, и все следы суденышка будут смыты навсегда.

Еще один погребальный костер.

Пора было возвращаться к живым. Над головой сияло ясное небо. Новый день обещал быть чудесным. Кирон решил идти в глубь острова, подальше от пиратских судов. Он пристально вглядывался в морскую синеву, но никаких следов Адмирала Смерть не обнаружил. Впрочем, берег здесь изгибался, и Литтл Хэмптон находился вне пределов видимости.

Кирон шел по полям и низинам. Временами ему попадались полуразрушенные дома, над которыми витал дух смерти. Здесь, безусловно, успели побывать пираты.

Хотя легче всего было пройти прямо к Аранделю, Кирон решил сделать крюк.

После атаки с воздуха Адмирал Смерть мог двинуться в глубь территории и отомстить всем, кто рискнул занять разграбленные города и деревни. Лучше уж покружить по полям и выйти к Мизери с востока или севера.

На борту французского корабля Кирона не уговорили поспать, но поесть заставили: капитан Жирод угостил его свежим хлебом, добрым соленым мясом и нормандским сыром. Все это было, однако, давно, и сейчас Кирон снова хотел есть. Еды у него не было, зато в кармане лежала фляга с «живой водой». Он выдернул пробку и сделал внушительный глоток. Голод отпустил, а руки и ноги мгновенно согрелись. Сознание, между тем, ничуть не замутнилось. Ему даже показалось, что соображать он стал лучше.

Быстрым шагом, сжимая в одной руке меч, Кирон шел по заросшему травой лугу. Время от времени он пел песни, иногда прикладываясь к фляге. Он пытался найти следы людей, но весь мир словно вымер. Как бы не оказалось, что он действительно последний оставшийся в живых человек!..

Вдали появились башни и стены Аранделя. Город не подавал признаков жизни, и тем не менее Кирон обошел его с востока.

Он вдруг почувствовал сильнейшую жажду и усталость. Теперь даже «живая вода» не приглушала муки голода.

Утро выдалось дивное. Как приятно было бы присесть где-нибудь и отдохнуть... Кирон едва не поддался искушению, но вспомнил, что единственное безопасное место для отдыха находилось в Мизери, в объятиях Петрины.

Из последних сил он заставлял себя идти. При достаточном везении и правильном расходе энергии можно добраться до Мизери часа через два, может, и раньше.

Солнце уже перевалило через зенит, когда он подошел к лагерю. Кирон шел с севера и очень удивился, что его не окликнули ни часовые, ни патрульные; похоже, Кентигерн совсем расслабился.

Им овладела необоримая слабость — слипались глаза, путались мысли. Голод заставил его окончательно опустошить подаренную капитаном Жиродом флягу. Тем не менее он еще хорошо соображал. Выйдя на прогалину, Кирон застыл от изумления. В лагере осталось совсем мало людей, и среди них было много незнакомых. Все суетились, укладывая пожитки в тележки и тачки.

Кирон увидел Кентигерна — тот наблюдал за сборами — и Петрину. Они были так заняты, что не сразу его заметили. Кирон сделал несколько неуверенных шагов вперед. Петрина первой подняла голову.

— Кирон! Кирон, любимый мой! Я знала, что ты жив! — Она кинулась к нему, обняла, стала покрывать поцелуями его лицо и волосы. — Я знала, что ты вернешься! Говорили, что ты упал в море с огромной высоты. Но я знала, что ты вернешься!

— Прости меня. Я пьян, — с трудом вымолвил Кирон. — Ничего не ел и выпил очень много «живой воды». Прости.

Раздались возбужденные крики.

— Кирон! Вернулся Небесный Гуляка! Кирон здесь!

— Сохрани нас Лудд, он воскрес!

Колени Кирона подгибались, но Петрина держала его, и силы странным образом возвращались.

— Что происходит? — спросил он хрипло. — Где остальные? Кто эти люди, которых я не знаю?

Он поднял меч, который давно стал продолжением его руки.

— Успокойся, Кирон, — сказал Кентигерн. — И

---

* — *Один человек в небе против всего флота Адмирала Смерть!*
** — *Зачем?*
*** — *Удачи, месье.*

опусти меч. Война окончена. Это рабы с разбитых кораблей Адмирала Смерть. Они помогают нам вернуться домой. Вот и все... Не думал я, что ты выживешь. В трубу мы видели, как ты полетел вниз с огромной высоты. — Кентигерн поежился. — Но ты, похоже, в сговоре с дьяволом.

— Выпал не я, а Эйлвин.

— Да, твой друг Эйлвин был тоже осенен величием... Кирон, ты уничтожил пять кораблей. Взрывом Адмиралу Смерть оторвало ногу, сейчас он в состоянии, близком к своему прозвищу. Пираты ушли из Литтл Хэмптона. На наше счастье, они не знали, что есть только одна небесная акула... Так что мы возвращаемся по домам, Кирон. Мы заново отстроим город и примем меры, чтобы подобное не повторилось. Ты доволен?

— Доволен, — выговорил Кирон. — Я буду жить в доме мастера Хобарта и, чтобы не уронить честь одного астролога, буду иметь троих сыновей.

После этих слов он рухнул на землю, несмотря на все усилия Петрины.

Оставшиеся в Мизери сгрудились вокруг них и видели, как Петрина подняла его голову и прижала к своей груди.

— Смотрите на этого человека, — сказал Кентигерн. — Ему всего восемнадцать лет, все считали его дураком. А он спас нас. Я, Кентигерн, опускаюсь перед ним на колени. Пусть все последуют моему примеру, если, конечно, здесь нет людей выше меня.

Все опустились на колени. Потом для Кирона соорудили постель на одной из тележек. Петрина легла рядом, глядя на седые волосы мужа.

Из тележки выпрягли лошадей, и десять человек повезли Кирона в дом мастера Хобарта.

17

Все вернувшиеся в Арандель мужчины, женщины, дети трудились не покладая рук до поздней ночи. Надо было чинить двери, окна и даже крыши, искать или делать заново мебель, добывать пищу, приводить в порядок инструменты и оружие, лечить больных и раненых, пора было начинать ремонт замка.

В отсутствие прочих властей за порядок во владении отвечал Кентигерн. Он послал разведчиков на восток и на запад, чтобы выяснить, ушел Адмирал Смерть совсем или отвел корабли в недоступное для воздушного шара место. Он отправил гонцов в Лондон с отчетом о результатах атаки Кирона и организовал отряды для очистки улиц от трупов пиратов, ремонта стен и заборов, отлова одичавшего скота, сбора оставшегося урожая, для охоты на оленей, фазанов и кроликов.

В первый день своего возвращения Кирон был единственным отдыхающим человеком во всем владении. Дом мастера Хобарта почти не пострадал и не требовал особого ремонта. Пока Кирон спал, тихонько заменили дверь и поставили новое окно. Кентигерн прислал из замка женщин с роскошными парчовыми шторами, а дети украсили крыльцо цветами, как алтарь.

Кирон проспал весь день и всю ночь. На следующее утро он проснулся освеженный, страшно голодный и полный неутолимой жаждой жизни. Он проглотил завтрак, украсивший бы стол любого сеньора: овсяную кашу со сливками и медом, холодные фазаньи грудки в маринаде, свежевыпеченный хлеб, варенье из клубники и бутылку золотистого рейнвейна из винного погреба замка, присланную Кентигерном.

После этого Кирон привлек к себе Петрину и погладил ее волосы.

— Я жив, — произнес он удивленно. — Представляешь, я жив.

— Тебе придется еще немного пожить, если ты намерен выполнить свое обещание, — улыбнулась Петрина.

— А что я обещал?

— Иметь троих сыновей. — Она рассмеялась. — Если ты, конечно, не хочешь подвести астролога Маркуса.

— Я сдержу свое обещание, — заверил ее Кирон. — Мне нужны сыновья. Моих сил для покорения воздушной стихии не хватит.

Лицо Петрины посуровело.

— Ты расстроена? Раньше тебе нравились странные выдумки Кирона Голова-в-Облаках.

— Я думала, что все это пустые фантазии...

Кирон поцеловал ее.

— Ну, будь умницей. Я же вернулся?

— Да.

— И всегда буду возвращаться. Хотя мой настоящий дом — в небе.

Она грустно улыбнулась.

— Твой настоящий дом... Мне страшно слышать такое... Ну ладно, наверное, я должна относиться к этому спокойнее. Я счастлива, что ты здесь. Никто, кстати, не называет тебя больше Кирон Голова-в-Облаках. Ты знаешь?

— Как же меня называют теперь?

— Небесный Гуляка. С тех пор как твоя безумная выдумка стала ужасной реальностью, никто больше не смеется. Тобой гордятся. Справляются о здоровье. Спрашивают, что будет делать Небесный Гуляка.

Кирон расхохотался.

— Ну, это легкий вопрос. Отдохнув, поев и насладившись обществом своей жены, он приступит к возрождению родного города.

— Не удивись тому, как тебя могут встретить, — предупредила Петрина. — Некоторые полагают, что ты воскрес из мертвых.

Выдалось пасмурное, дождливое, но теплое утро. На Главной улице кипела работа. Трудились плотники и штукатуры, женщины скоблили пороги и поливали тротуары водой. Все выкладывались, стараясь придать городу прежний вид, словно нашествия пиратов никогда не было.

Приветствовали Кирона по-разному. Люди вдвое старшие, раньше едва удостаивавшие его снисходительной улыбки или кивка, теперь притрагивались к головным уборам и обращались к нему не иначе как «мастер» или «сэр». Молодые люди, сверстники, с которыми ему пристало обмениваться шутками и насмешками, смотрели на него с почтительным страхом и лезли из кожи вон, чтобы привлечь его внимание. Все категорически отказывались от его помощи в черной работе.

Кирону стало одиноко и неуютно. Он искренне обрадовался, когда увидел Кентигерна, вышедшего, очевидно, с очередной проверкой.

— Ну что, Кентигерн, город приходит в себя. А есть ли новости о пиратах?

— Да, мастер Кирон, новости у меня есть. Они лучше, чем мы смели надеяться. Адмирал Смерть недолго протянул после оказанного тобой внимания. Как мне доложили, он скончался, отмучившись, на одном из своих кораблей в бухте Уайта. С его смертью пиратское братство развалилось: все перессорились, рабы взбунтовались. Дошло до того, что корабли открыли огонь друг по другу. Но самое главное, они ушли от наших берегов. — Кентигерн улыбнулся. — Рассказ о небесной акуле оброс

невероятными подробностями. Они были уверены, что страшная атака с неба повторится.

— Значит, — сказал Кирон, — мой воздушный шар оправдал свое название.

— И даже больше. Сэр, я вам завидую. Мисс Фитзалан по-настоящему отомщена.

Кирон несколько растерялся.

— Я ведь мстил не только за нее.

— Давайте не возвращаться к этим темам, мастер Кирон. Есть слова, которые лучше оставить непроизнесенными... Теперь о насущном. Я изучил родословную Фитзаланов, к счастью, не пострадавшую во время разбоя. Так вот, где-то в Америке живет некий сеньор Говард, который должен унаследовать владение. Согласны ли вы, чтобы до его приезда я оставался шерифом в замке и управляющим поместья?

Кирон смешался.

— Вам не нужно мое согласие.

Кентигерн рассмеялся.

— Ты меня извини, Кирон, но в практических вопросах ты так и остался дураком. Я не сумел спасти владение — его спас ты. За тобой люди пойдут на смерть. Если хочешь принять правление на себя — пожалуйста. Это нелегкая ноша, и я с удовольствием передам ее другому.

— Я ничего не понимаю в таких делах, — поспешно ответил Кирон. — Не смущайте меня. Вы — шериф Аранделя. Но вы можете рассчитывать на мою помощь.

— Ты меня успокоил, — искренне признался Кентигерн. — Если люди подумают, что ты не признаешь мою власть, неизбежно начнутся осложнения. Настоящему сеньору противоречить не станут, а вот шерифу... — Кентигерн пожал плечами.

— В таком случае, вот вам моя рука.

— Я расцениваю это как знак дружбы. — Кентигерн тоже протянул руку и продолжил: — Чем планируете заниматься, мастер Кирон? Пираты ушли, а пока не прибудет новый сеньор, работы для живописца не найдется.

— Я и не собираюсь рисовать. Разве что для собственного удовольствия.

Кентигерн задумчиво потер подбородок.

— Ну что ж. Тогда моя задача облегчается... Данной мне властью как шериф владения Арандель, именем покойного сеньора Фитзалана и его законных наследников с этого дня назначаю вас, мастер Кирон Джойнерсон, начальником береговой охраны и капитаном Воздушной гвардии. Данные должности обеспечат вам по тысяче шиллингов в год каждая, каковые деньги будут выплачиваться постепенно, в течение года. Достаточно ли вам и вашей семье двух тысяч шиллингов в год, мастер Кирон?

Две тысячи шиллингов! Такой суммы Кирон не мог себе даже представить. Это была поистине королевская плата. Отец Кирона никогда не зарабатывал больше двухсот шиллингов в год.

Кирон был потрясен.

— Две тысячи это более чем достаточно, — наконец проговорил он. — Но что я должен делать?

— Как что? Строить воздушные шары! Вы будете отвечать за то, чтобы никогда больше мы не пострадали от всякой морской нечисти. Не сомневаюсь, что после смерти сеньора Фитзалана многие захотят прибрать к рукам Арандель. Ну что, согласны?

— Я сделаю все, что в моих силах.

Кентигерн добродушно рассмеялся.

— Это лучшая гарантия. Еще много лет одно ваше имя, Кирон, будет вселять страх больший, чем сотни вооруженных всадников. Разумеется, все расходы по вооружению и материалам оплачивает владение. Кроме того, вы лично составите программу подготовки солдат. Согласны?

— Согласен, — тихо проговорил Кирон.

— Ну и отлично. Сейчас ступайте домой, друг, продумайте свои планы. Жду списка необходимых материалов... и, кстати, сколько нужно людей. Мы должны быть неуязвимы.

18

Второй раз Кирон проснулся от того, что в грудь его уперся меч. Лежащая рядом Петрина открыла глаза и закричала, увидев в свете фонаря двух вооруженных людей. На них были плащи с гербом Луддитского Ордена. Один из них держал фонарь, второй — меч.

— Ты Кирон Джойнерсон, бывший ученик мастера Хобарта, художника?

— Ои, он, — произнесла темная фигура с порога.

Кирон узнал голос брата Лемюэля.

— Тише, брат, — прошипел человек с мечом. — Пусть сам скажет.

Петрина судорожно прикрыла свою наготу; у них была ночь страсти и нежности. Кирон пытался сосредоточиться. Он смотрел на геральдический рисунок на плащах: золотой молот на лазурном фоне, сверху — вышитое золотыми нитками символическое пламя.

— Ты Кирон Джойнерсон? Говори, парень, а то я развяжу тебе язык.

— Я Кирон Джойнерсон.

— Тогда одевайся, быстро. Тебя ждут в большом зале замка.

— А моя жена?

— Мне ничего не сказали про твою жену. Давай поторапливайся! Священная Канцелярия не любит проволочек.

— В чем причина вашего вторжения?

— Скоро узнаешь. Если еще не догадался. Ну, шевелись!

Кирон поцеловал Петрину.

— Не волнуйся, любимая. Кентигерн уладит это недоразумение. Можешь не беспокоиться.

Кирону связали руки и вывели на улицу. Там ожидало еще несколько вооруженных людей. Они тут же окружили Кирона, словно опасаясь, что жители Аранделя отобьют его. Но солнце еще не вставало, и горожане мирно спали после тяжкого трудового дня. Тот, кто спланировал эту акцию, все продумал хорошо.

Однако по дороге к замку настроение Кирона поднялось. У Кентигерна хватит власти положить конец этому спектаклю.

В самом замке тоже были солдаты Великого Инквизитора. Ворота охраняли пехотинцы, а во дворе паслось не меньше десяти лошадей, отдыхающих после долгой скачки.

Кирона провели в большой зал, освещенный лампами и фонарями. Там его ожидал и брат Гильдебранд и представители Великого Инквизитора. Там же стоял и Кентигерн. Кирон был потрясен, увидев его со связанными руками.

— Доброе утро, Кирон, — поприветствовал его Гильдебранд. — Вот видишь, до чего довело тебя упорство в ереси.

— Доброе утро, брат. Учитывая деликатность вашего поручения, неудивительно, что вы прибыли ночью, как воры, — насмешливо ответил Кирон.

И тут же получил удар в лицо от одного из монахов.

— Я запомню твою храбрость, парень, — прохрипел Кирон. — Моли Бога, чтобы меня не развязали.

— Он обернулся к Кентигерну. — Вы что, не выставили посты?

Кентигерн виновато улыбнулся.

— Люди не были проинструктированы охранять нас от Луддитского Ордена, Кирон. Я искренне сожалею о своей ошибке. Пираты, по крайней мере, пришли как враги. А эти прикинулись друзьями.

— Мы будем усердно молиться за вас, — сказал брат Гильдебранд. — Воля Лудда исполнится. Вы можете не волноваться, в любом случае мы спасем ваши бессмертные души.

— С такими друзьями, — заметил Кирон, — нам и враги не нужны.

Вперед выступил какой-то человек. На нем был монашеский клобук, а с шеи свисала серебряная цепь с маленьким золотым молотом. Он развернул свиток и принялся читать вслух:

— Кирону, ученику мастера Хобарта, художника, и Кентигерну, шерифу сеньора Фитзалана из Аранделя, шлю привет. Я, Ксавьер, Великий Инквизитор Священного Луддитского Ордена, вручаю ваши души Лудду и повелеваю верным слугам доставить вас в Священный колледж Неда Лудда в Лондоне, где вы будете подвергнуты суду по обвинению в ереси и прочих прегрешениях. Я поручаю своему возлюбленному брату Константу, инспектору Инквизиции, обеспечить вам комфорт и безопасность в пути и доставить вас в целости и сохранности на суд, который проведу я, Великий Инквизитор, руководствуясь советами десяти Великих Кардиналов, а также людей, пожелающих выступить в вашу защиту.

Кентигерн рассмеялся.

— Они решили нас сжечь, Кирон. Разве не смешно? Ты уничтожил пиратов при помощи воздушного шара, я помог тебе в этом деле. А они решили нас сжечь. По-моему, это забавно. Во всяком случае, неожиданно.

— Клянусь Молотом, посмотрел бы я на них, если бы они попытались провести суд в нашем владении.

— Клянусь Молотом, Кирон, верная мысль! — воскликнул Кентигерн. Он повернулся к инспектору Константу: — Существует древний закон, инспектор, согласно которому человек, обвиненный в любом преступлении, в том числе и в ереси, может потребовать суда в своем владении и в присутствии своих сограждан.

Констант неприятно рассмеялся.

— Ты прав, но вначале этот человек должен испросить такое разрешение у своего сеньора. А у вас нет сеньора. Святой Орден всегда действует по закону и защищает закон... Ладно, до Лондона путь неблизкий. Поедете добровольно или вас треснуть по голове и побросать в телегу, как свиные туши?

— Поедем добровольно, — сказал Кирон, — человек, сохранивший сознание, сохраняет и достоинство.

— Завяжите им рты, — велел Констант. — Надо выехать до рассвета, иначе здешний неуправляемый и распустившийся сброд помешает нам.

Кирону и Кентигерну завязали рты. Затем вооруженные люди вывели их во двор замка, где ожидали оседланные лошади.

Кирон с надеждой посмотрел в небо. Но оно было затянуто тучами, и до рассвета было еще не скоро. К тому времени, когда люди сообразят, что произошло, кавалькада будет далеко. Он подумал о Петрине. Когда его вытолкали из спальни, там оставался брат Лемюэль. И охрана у входа. Он надеялся, что вреда ей не причинят. Хотя закончить жизнь вдовой сожженного за ересь, было само по себе ужасно. И ребенок... Что будет чувствовать сын Небесного Гуляки, когда подрастет и узнает о судьбе своего отца?

— Хорошенько привяжите их к седлам, — распорядился Констант. — Мы поедем быстро. Я отвечаю за их безопасность. И мне совсем не хочется отчитываться перед Великим Инквизитором за сломанные шеи еретиков. К тому же, — он рассмеялся, — их ведь могут и оправдать.

Солдат, помогавший Кирону взобраться на лошадь, закашлялся, захрипел, изумленно вытаращил глаза и повалился на землю. В утренних сумерках Кирон заметил торчавшую из его спины стрелу.

— Никому не двигаться, — произнес чей-то голос, — если не хотите тут же отправиться за этим парнем.

— По коням! — заорал Констант. — Быстро, все! Уезжаем!

Два солдата бросились поднимать Кирона в седло. И оба были тут же убиты.

Инспектор Констант застыл, вглядываясь в темноту. Никого не было видно. Все замерли.

— Ты, невидимый, — крикнул Констант, — я инспектор Канцелярии Великого Инквизитора, и у меня приказ доставить этих людей в Лондон. Правосудие должно свершиться.

— Ты, который на виду, — ответил голос, — успокойся. И не делай резких движений. А правосудие свершится сейчас. Я считаю до трех. При счете три все, у кого есть оружие, бросят его на землю. В противном случае они погибнут. Раз... Два... Три...

Послышался лязг летящих на землю мечей, кинжалов, арбалетов и стрел.

Кирон радостно огляделся. Светало. Он уже мог различать смутные фигуры на башнях, укрывающихся за камнями людей и загородивших ворота лучников с натянутыми луками.

— Другое дело, — сказал голос. — Теперь мы можем поговорить. Из темноты вышел человек, в котором Кирон узнал Исидора.

Кирона и Кентигерна развязали и сорвали повязки с их ртов.

— А вы вовремя, — заметил Кентигерн.

— За это благодарите миссис Петрину, — торжественно произнес Исидор. — Она разбила горшок о голову распоясавшегося монаха и в его рясе сумела выскользнуть из дома.

Кирон расхохотался.

— Чудеса сыплются как из рога изобилия. Двое мальчишек на воздушном шаре разгромили пиратов, а могущество Луддитского Ордена сокрушено горшком. Похоже, Лудд не всегда благоволит огромным армиям.

Кентигерн потер запястья и посмотрел на инспектора Константа.

— Это ничтожество хотело отвезти нас в Лондон для сожжения.

— Мы выведали их планы, — сказал Исидор. — Нашелся человек, который разговорился с кинжалом у горла... Я решил не брать замок штурмом, чтобы вас не поубивали в свалке.

— Мудро. Но они бы нас не убили. Эти крючкотворы любят, чтобы каждое преступление было разрешено письменно.

Кентигерн повернулся к монахам и солдатам. Люди Исидора уже выстроили их в один ряд.

— Ну что, ребята, вы не рискнули выполнить задачу открыто, вы пришли сюда под покровом тьмы, как обыкновенные воры. Вы не подняли своего оружия, когда нам угрожали захватчики. Похоже, вашим хозяевам наплевать на судьбу людей, у них есть дела поважнее — искоренять ересь. Я всегда уважал Святой Орден и его учение, даже

когда оно казалось мне непомерно суровым. Но теперь я понял, как относится Орден к своему народу, и я заявляю, что он нам не нужен!

Послышался одобрительный гул. Кирон огляделся. Уже почти рассвело. Казалось, что во дворе замка собралось все взрослое население Аранделя. Он увидел Петрину и улыбнулся.

Кентигерн подошел к инспектору, рванул серебряную цепочку, и золотой молот полетел в грязь. Кентигерн припечатал его каблуком. Потом взял из рук Константа свиток и медленно разорвал его на несколько частей. Инспектор Инквизиции стоял перед ним бледный, неподвижный. Он понял, что его последний час недалек.

— Итак, господин поборник Священного Писания, вы слышали голос народа, свободного народа Аранделя. Многие из этих людей потеряли своих жен, мужей, сыновей и дочерей, пока такие, как вы, сидели и размышляли о вреде ереси. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь здесь пролил хоть одну слезу, если мы повесим сейчас дюжину луддитов.

Вновь раздался одобрительный гул.

— Да не дрожите так, инспектор. Мы же цивилизованные люди... если, конечно, не совершаем большой ошибки. Так вот, вы можете вернуться в Лондон и передать Великому Инквизитору благодарность за прекрасных лошадей и оружие. Прислал он их, правда, поздновато, но ничего. Передайте также, что Кентигерн извиняется, но до прибытия законных наследников предпочитает оставаться управляющим Аранделя. Еще скажите, что мастер Кирон слишком занят, чтобы ездить на суды по обвинению в ереси, он назначен начальником береговой охраны и Воздушной гвардии, а с сегодняшнего дня — и мастером машин. Ну и, наконец, скажите, что, если против нас будет применена хоть какая-нибудь сила, если хоть одна луддитская миссия пересечет границы владения, мы нанесем ответный удар с воздуха и из орудий такой разрушительной силы, какую с вашим умом трудно представить... Вы запомните мои слова?

— Я... я запомню их, — едва слышно выговорил Констант.

— Тогда убирайтесь. Через шесть часов я пошлю вдогонку собак и всадников. Будет плохо, если они застанут вас на территории владения.

Кентигерн обратился к толпе:

— Говорю ли я от вашего имени?

— Клянусь Молотом... — закричал кто-то и осекся. — Клянусь Воздушным Шаром, ты говоришь от нас!

Слова эти потонули в хохоте и одобрительных криках.

Из строя вытолкнули братьев Лемюэля и Гильдебранда. На Лемюэле были только чулки и длинная исподняя рубаха, страдальческое лицо измазано кровью. Гильдебранд выглядел как человек, приготовившийся к неизбежной смерти.

Кентигерн с презрением оглядел их.

— Я не могу простить вас и забыть о ваших делах. Вы принадлежали к нашему народу, ваши родители, которых вы опозорили, вырастили вас здесь, вы собственными глазами видели, какое горе пришло на нашу землю. И тем не менее елейными словами вы попытались навредить нам еще. Приговариваю заковать вас в кандалы на двенадцать месяцев. Спать будете на соломе в хлеву и трудиться на любого, кто этого пожелает. А если попытаетесь бежать, в погоню мы пустим собак. И скажите спасибо, что остались живы, парни. Наш суд гораздо мягче, чем был бы ваш.

Кентигерн повернулся к народу.

— Друзья, я не ваш сеньор, похоже, пройдет немало лет, прежде чем в замке появится законный владелец. Но я сделаю все, что в моих силах, ради вас и этой земли. Вот что я хотел сказать.

— Этого достаточно! — закричали из толпы. — Больше нам чужаков не надо! Мы знаем тебя, а ты знаешь нас. Кто за Кентигерна, поднимаем руки!

Люди выкрикивали приветствия, вверх взметнулся лес рук.

— Я понял ваш ответ, — сказал Кентигерн. — Ну что, друзья, отправим этих злодеев обратно в Лондон, и расходитесь по домам. Хорошо поешьте, ибо впереди у нас много тяжелой работы.

Когда толпа рассосалась, а инквизиторы отправились восвояси, Кирон повернулся к Кентигерну.

— Я не предполагал, что вы можете говорить так красиво.

— Я тоже, — признался Кентигерн. — Между прочим, Кирон, я ведь твой должник. Боюсь, что это твои безумные идеи позволили мне остаться человеком.

— В критических ситуациях, — заметил Кирон, — человек либо падает, либо возносится.

— Хорошо сказано. Но теперь у нас добавилось забот. Орден попытается, конечно, восстановить свой авторитет. Сколько тебе нужно времени на постройку воздушных шаров?

— Сколько надо шаров?

— Ну, скажем, пять.

Кирон опешил.

— Пять? Вы хотите построить пять воздушных шаров?

— Надо надеяться на лучшее, а готовиться к худшему, — ответил Кентигерн.

— Сможете ли вы выделить мне сотню человек?

— Да.

— И тысячу квадратных метров полотна и бумаги?

— Да... если я разошлю гонцов и они поснимают юбки со всех женщин во владении.

— Тогда через пять дней у нас будет пять воздушных шаров, полностью снаряженных и готовых защитить свой народ.

— Прекрасно. По моим подсчетам, луддитам потребуется дней восемь для организации экспедиции против нас, если они на такое решатся.

Петрина поежилась и сказала:

— Пойдем, Кирон, солнце уже встало. Пора завтракать.

— Я очень занят, любимая. Надо многое продумать и многое сделать.

Кентигерн прокашлялся.

— Слушай, Небесный Гуляка, я ведь могу иногда и приказывать. Ты мне нужен живым и здоровым. Может, прислать солдат, пусть подержат тебя, пока ты ешь?

Кирон рассмеялся.

— Вы суровый командир, Кентигерн. Но моя жена страшнее. Теперь я боюсь горшков. Поэтому я поем сам.

19

К двадцати восьми годам Кирон стал легендой и приобрел репутацию бессмертного. У него были переломаны обе руки, обе ноги, он перенес столько падений, что любой другой сошел бы уже в могилу. Всем этим он был обязан своей страсти к покорению воздуха.

Воздушные шары Кирон уже оставил. Ими занимались его наименее талантливые ученики. Сейчас он был поглощен дельтапланами — машинами, скользящими по воздуху как птицы.

Луддитский Орден больше не нападал на владение Арандель. Луддитский Орден переживал упадок. Когда новость об успешной атаке Кирона на корабли пиратов облетела соседние владения и распространилась по всей Британии, умные люди задумались. Затем последовало известие о посрамлении луддитов в Аранделе. Попытавшись схватить Небесного Гуляку, единственного человека, который сумел справиться с пиратами, Орден поставил себя в смешное и неприглядное положение. Более того, Орден продемонстрировал, что его куда больше волнуют догмы, чем жизнь людей.

Луддиты столетиями вдохновлялись невзгодами, постигшими Первых Людей, и строили отношения с верующими на страхе, подчинении и наказании. Им удалось заморозить историю и создать общество, которое не изменялось ни в лучшую, ни в худшую сторону. Им удалось заточить разум человека, как мотылька в янтаре. Бессчетное количество изобретательных, талантливых и способных людей, попытавшихся хоть как-то улучшить жизнь своих современников, были брошены в тюрьмы, подвергнуты пыткам и сожжены в подтверждение доктрины о том, что все машины и механизмы — зло. Но странная и прекрасная машина оказалась необходимой для уничтожения Адмирала Смерть. Жители Аранделя первыми вынесли свой приговор учению Ордена.

Мыслящие люди всерьез задумались над происходящим. Одаренная и честолюбивая молодежь относилась к Небесному Гуляке с такой же почтительностью и священным страхом, с каким их отцы и деды относились к Божественному Мальчику.

Любители приключений, молодые люди со странными идеями и фантастическими проектами, бросали ученичество, родных и близких и приезжали в Арандель, чтобы поступить на службу к человеку, открывшему, как им казалось, дверь в новый золотой век. Некоторых ловили учителя или родители, сеньоры и Орден подвергали их наказанию, но многим удавалось добраться до Свободного Владения, как теперь назывался Арандель, и Небесный Гуляка получил в свое распоряжение лучшую, мыслящую часть общества.

Он радостно принимал учеников, как братьев, сыновей и товарищей по духу. Самые одаренные жили с ним под одной крышей, питались за одним столом и целыми днями общались со своим кумиром.

Кирон давно выполнил предсказание астролога Маркуса, по дому бегали трое крепких сынишек. Дом мастера Хобарта пришлось значительно расширить.

По сути, это уже был не дом, а университет.

С годами Петрина еще больше похорошела, пополнела и была бесконечно горда за своих сыновей и мужа. Она поистине царила в своем огромном хозяйстве. Ученики соревновались между собой, чтобы заслужить ее улыбку или одобрение. Любовь же ее целиком была отдана Кирону. Каждый раз, когда он проводил эксперименты с очередной летающей машиной, она прижимала руки к груди и старалась не плакать. Каждый раз, когда его, разбившегося, приносили домой, она ухаживала за ним, успокаивала и вселяла в него новую надежду.

Иногда Петрина приходила посмотреть на «Прыжок мисс Фитзалан», — давно реставрированную Кироном картину, последнее его творение в живописи. Временами она ненавидела эту стройную девочку с яркими глазами, грациозно застывшую на своей лошади между землей и небом; иногда она плакала по ней. Эликс Фитзалан так и не испытала радости любви и близости с любимым человеком, не родила ему троих сыновей.

Петрина всю себя отдавала Кирону — разум, дух, тело. Для нее одной он не был Небесным Гулякой. Для нее одной он был человеком, который очень многое на себя взял, одиноким человеком, чьи слезы, тоску и отчаяние только она могла почувствовать и унять в ночной тишине.

Однажды, когда наконец подул нужный ему ветер с востока, Кирон поднялся в кабину своего седьмого дельтаплана. Машина стояла на берегу возле Литтл Хэмптона, привязанная веревками к восьми скаковым лошадям — лучшим, каких только мог достать Кентигерн.

Кирон ждал, пока окрепнет ветер, и размышлял о судьбе шести предыдущих дельтапланов. Самый первый — имитация птичьих крыльев с креплением для человека посередине —оторвался от земли, но перевернулся. Кирон счастливо отделался переломом руки. Второй, с двумя крыльями, расположенными одно над другим, так и не взлетел, а развалился на куски, когда упряжка лошадей разгоняла его для подъема. Третий, в форме чайки в полете, хитроумно сработанный из дерева и брезента, поднялся высоко, словно специально, чтобы воздушные потоки оторвали его крылья. Кирон камнем рухнул в море, сломал ногу и неминуемо бы утонул, если бы среди учеников не оказался один превосходный пловец. Четвертый и пятый были небольшими модификациями третьего, дельтаплана-чайки.

У Кирона появился талантливый ученик, Бруно из Йорка, пешком прошедший через всю Англию, чтобы попасть в Свободное Владение. Подобно своему учителю, Бруно был одержим идеей покорения воздуха и долго изучал, как летают стрижи и ласточки. Он убежденно рассуждал о таких понятиях, как сопротивление воздуха и закругленность, или, как он говорил, обтекаемость форм. Несмотря на свои двадцать лет, юноша, в отличие от других учеников, не боялся оспаривать суждения любимого учителя, за что Кирон весьма его уважал.

По Бруно выходило, что идеальная форма воздушного аппарата может быть получена, если совместить рисунок крыла парящей птицы с обтекаемым телом какой-либо быстроплавающей рыбы. По его настоянию Кирон просидел как-то полдня на берегу Аруна, изучая снующую под водой форель и зарисовывая движения ее хвоста.

В результате модели четвертого и пятого дельтапланов были изменены согласно рекомендациям Бруно. Четвертый поднялся прекрасно, но оказался совершенно неуправляемым в воздухе. Пролетев около двухсот метров, он зарылся носом в песок, а Кирон пребольно шлепнулся спиной о землю.

Как бы то ни было, при помощи Бруно был осуществлен самый длительный полет летательного аппарата тяжелее воздуха. Начались совместные работы по строительству пятой модели: более длинные и гибкие крылья, мягкие, закругленной формы, и подвижный, наподобие рыбьего, хвост, управляемый пилотом при помощи веревочных тяг.

Этот пролетел больше километра, пока ветер не сорвал ткань с одного крыла. Кирон вновь получил перелом.

Шестой дельтаплан оказался еще более смелой модификацией пятого и был почти полностью построен по чертежам Бруно. Помимо хвостового руля, он имел подвижные элероны на крыльях, причем конструкция позволяла пилоту управлять рулем и элеронами при помощи деревянных рычагов.

Это была прекрасная машина с тонкими конусовидными крыльями и продолговатым, закругленным корпусом, обтекаемая, как рыба, и легкая, как

птица. Бруно заявил, что хочет сам ее опробовать. Остальные ученики поразились его безрассудной смелости. До сих пор Небесный Гуляка всегда был первым.

Кирон же рассудил, что Бруно имеет полное право насладиться триумфом, если, конечно, эту модель ожидает триумф.

Ранним солнечным утром Бруно поднялся в крошечную кабину дельтаплана, проверил рычаги и тяги, нервно оглянулся на маленькие хвостовые крылья и руль, конструкции которых он отдал столько сил и времени. Потом улыбнулся Кирону и махнул всадникам, которые должны были разогнать дельтаплан до нужной скорости.

Дельтаплан оторвался от земли гораздо раньше, чем ожидал Кирон; взмыл вверх легко, плавно, уверенно. С железного крюка в носовой части свисала веревка, за которую тянули лошади. Казалось, что Бруно инстинктивно чувствует, как управлять дельтапланом. Но на высоте пятидесяти метров резкий порыв ветра, словно пальцем, перевернул летающую машину. Резкий толчок застал Бруно врасплох. С долгим, отчаянным криком он полетел на землю и разбился насмерть.

Сейчас, сидя в кабине седьмого дельтаплана, почти полностью выполненного по замыслу Бруно, но с большим хвостовым оперением и ремнями, привязывающими пилота к кабине, Кирон размышлял о потерпевших крушения аппаратах и о гениальном юноше, отдавшем свою жизнь за покорение воздуха. Бруно чем-то походил на Эйлвина, каким он был много лет назад, но отличался большей одаренностью и страстью к своему делу.

«Я убил много врагов и всего двоих друзей, — размышлял Кирон, сидя в кабине дельтаплана. — Мне повезло».

Ветер был хороший. Стоящие в семидесяти метрах перед дельтапланом всадники нервно оглядывались, ожидая сигнала. Пусть подождут, пусть волнуются и ругаются, спокойно думал Кирон. А ветер будет еще лучше.

Он подумал о других учениках... О Лэчлане из Эдинбурга, который пришел на юг с изодранной книгой, содержащей бесценные сведения о получении более легкого, чем воздух, газа. Как-то Лэчлан поклялся, что будет получать этот газ в таких количествах, что в небо поднимется множество воздушных шаров, и они могут никогда не опускаться... О Торбене, пришедшем из Норвича. Он хотел заниматься воздушными шарами и строить лучшие модели, чем были у Кирона. Он добился большого успеха. Спокойный, тихоголосый Торбен с непомерным тщеславием. Ему удалось построить воздушный шар, который перенес троих человек в Нидерланды... А Левис из Солчестера, Левис-сумасшедший? Он изобрел собственный черный порошок и построил собственные ракеты, которыми палил в небо, словно на празднике. Он уже лишился трех пальцев на руке и ослеп на один глаз. Его ракеты, изрыгающие пламя и оставляющие за собой длинные хвосты дыма, производили огромное впечатление, хотя в военных целях их можно было использовать только как средство устрашения противника. До сего дня, как бы то ни было, никто не рисковал напасть на Свободное Владение, опасаясь, вероятно, его экономической мощи, независимости и большого количества способных людей. Левис, фантазер, и не хотел, чтобы его ракеты использовались как оружие. Он мечтал о ракете, которая сможет когда-нибудь подняться к звездам...

Кирон улыбался, думая об этих и других людях. В народе его учеников прозвали Птенцы Небесного Гуляки. Смогут ли они встать на крыло?

Дельтаплан дрожал. Ветер усиливался. Истомившиеся ожиданием всадники ворчали на лошадей и нетерпеливо поглядывали в сторону Кирона. Никто, однако, не смел поторопить Небесного Гуляку.

Кирон вздохнул, огляделся в последний раз и поднял руку.

Может быть, он погибнет, как погиб Бруно; может быть, нет. Но этот день принадлежит Бруно. Что бы ни случилось, другие продолжат работу.

Всадники увидели поднятую руку Кирона. Дельтаплан рванулся вперед, подпрыгивая на неровностях почвы. В какой-то момент левое крыло чуть не зацепилось за землю. Это означало бы катастрофу. Но Кирон опустил закрылки, и дельтаплан выровнялся. Чем быстрее скакали всадники, тем устойчивее катилась машина. Неожиданно тряска прекратилась. Дельтаплан стремительно пошел вверх.

— Не так круто, не так круто, — приговаривал Кирон, уходя с помощью хвостовых рулей от ветра. Дельтаплан начал описывать большую плавную дугу. Взглянув вниз, Кирон увидел, что он поднялся метров на пятьдесят—шестьдесят над землей и почувствовал легкий, едва заметный толчок — это соскользнула с крюка веревка.

— Бруно, — воскликнул Кирон в потоке ветра, — Бруно, мы поднялись в воздух! Ты прав, друг, это лучше, чем воздушные шары. С такими штуками нам не придется плыть по ветру. Мы будем летать по-настоящему!

Он завершил большой круг. Дельтаплан начал терять высоту, и самое время было подумать о мягкой посадке. Качнув крыльями, Кирон бросил взгляд на Арандель — крошечный замок и игрушечный городок в ярких лучах утреннего солнца. Он вспомнил Петрину и сыновей, затем замок скрылся из виду, и Кирон переключился на полет.

Он тренировался управлять закрылками и элеронами на моделях, а при сильном ветре на привязанном дельтаплане. Он чувствовал этот аппарат. Временами машина казалась ему продолжением собственного тела.

Медленно и терпеливо он выровнял спускающийся дельтаплан и направил его на ровную полоску пляжа.

Всадники внизу застыли как статуи. Если они не очистят ему путь, столкновение неизбежно. Наконец болваны кинулись врассыпную. Один свалился с коня, но тот чудом уволок его в сторону.

Воздух со свистом обдувал лицо Кирона. Казалось, море и берег летят навстречу ему. Дельтаплан с глухим ударом коснулся колесами земли и снова подлетел в воздух, после чего плавно опустился и заскакал по берегу, теряя скорость. Одно крыло все-таки коснулось земли, и дельтаплан волчком закрутился на месте. Если бы не привязные ремни, Кирон вылетел бы из кабины. Этот важный для себя урок он тоже извлек из смерти Бруно.

Машина остановилась, все было в порядке. К дельтаплану бежали мальчишки и взрослые. Некоторое время Кирон сидел молча, страстно желая, чтобы Бруно сейчас был с ним.

— Мы сделали это, — сказал он негромко. — Бруно, мы сделали это! Мы пролетели более километра на аппарате тяжелее воздуха. Это начало.

До него вдруг дошло, что вокруг кричат, прыгают и ликуют люди. Он снова вернулся к жизни.

ЭПИЛОГ

Кирон откинулся в кресле-качалке. Он знал, что больше не поднимется, и был доволен. К нему привели докторов, и те заботливо суетились вокруг.

Доктора сказали, что-де не следует волноваться, а следует отдыхать. Он знал больше, чем они. Он знал, что скоро его ждет вечный покой. Он был доволен.

Весна подходила к концу. Кирон откинулся в кресле-качалке и наслаждался сладким запахом роз, приносимым легким ветерком. В саду замка была разбита куртина дамасских роз, присланных мастером-садоводом из Парижа; чтобы доставить удовольствие Небесному Гуляке, он назвал свой цветок торжественно-золотого цвета «Мадам Петрина». Рядом была клумба с белыми розами, выращенными садовником из замка; они назывались просто — «Эликс».

Между маленькими розами Эликс и огромными золотистыми бутонами Мадам Петрины сидел в кресле довольный Кирон, волей народа сеньор Аранделя, Первый Кавалер Орлиных Крыльев, единодушно присужденных ему Международной Гильдией Аэронавтов, и вспоминал все, что положено вспоминать старому человеку.

Кентигерн давно умер. Кентигерн, который был хорошим сеньором и добрым другом более тридцати лет. Петрина была мертва — дорогая, теплая Петрина. А давно ли она умерла? Нет, недавно, до сих пор щемит в груди. Двоих ее сыновей тоже нет в живых. Первый, названный, естественно, Маркусом, сгорел во время экспериментального полета на водородном воздушном корабле. Второй, Эйлвин, погиб, когда его дельтаплан попал в шторм.

Кирон был рад, что с водородными кораблями покончено. Слишком уж они опасны, слишком много жизней достойных людей унесли. Сейчас для подъема используют гелий. Кирона также радовало, что немцы, французы, американцы и японцы работают над установкой на дельтапланы двигателей внутреннего сгорания.

Все эти открытия и изобретения были сделаны слишком поздно, они не спасли жизнь двум его сыновьям. Но вовремя, чтобы спасти Ясона, третьего. Ясон был мастером электричества на гелиевом дирижабле, способном поднять в воздух до двухсот человек. За Ясона Кирон был спокоен.

Он летал в Токио, Лиму, Нью-Йорк и Йоханнесбург с уверенностью представителя поколения, которое уже успело привыкнуть к небу.

Огромная тень пронеслась над садом. Кирон знал, что это, не поднимая головы. Пролетел ежедневный гелиумный воздушный корабль Лондон—Рим. Он всегда проходил здесь в это время, по нему можно было проверять часы. Пропеллеры приводились в движение паровыми двигателями. Наверное, через несколько лет их заменят бензиновыми.

Кирон погладил накинутую на шею красно-белую ленту и висящие на ней Орлиные Крылья, выкованные из метеоритного железа. Он гордился Орлиными Крыльями. Они были присуждены ему от имени многих народов.

Штаб-квартира Международной Гильдии Аэронавтов находилась в городе Женеве в Швейцарии. Кирон никогда не покидал владения Арандель дальше, чем завозила его когда-то «Мари-Франс». Но он знал, где находится Швейцария. Он смотрел на карте.

Однажды, очень давно, Международная Гильдия Аэронавтов прислала к нему, как к первому покорителю воздуха, своих представителей с просьбой разработать устав Гильдии.

Кирон долго думал над предложением и написал только одну статью устава.

Стареющей рукой он вывел:

«Облака и ветер свободны, они пролетают над всеми странами и принадлежат одинаково всем. Пусть ни один человек не поднимется в небо со злобой в сердце или ненавистью к другим людям. Границы могут быть на земле, на небе их нет. Пусть те, кому повезет летать, всегда помнят, что кровь всех людей — одного цвета».

Это была первая и единственная статья, принятая Гильдией. Любому, пожелавшему подняться в воздух с сомнительными целями, отказывалось в предоставлении необходимой для полетов информации, не говоря уже о средствах обеспечения полета.

Не так давно Кирона пригласили в Женеву для вручения присужденных Гильдией Орлиных Крыльев. Кирон был уже стар, он написал, что не сможет приехать, но тем не менее благодарен за внимание и доброту.

Если Небесный Гуляка не смог приехать в Женеву, то Международная Гильдия Аэронавтов смогла прилететь в Арандель. Десять гелиевых дирижаблей доставили около двух тысяч человек. Они привезли много подарков и говорили на многих языках.

Среди них были индийцы, африканцы, французы, немцы, русские, американцы, китайцы и люди многих других национальностей, о которых Кирон никогда не слыхал. Общее число гостей было еще больше за счет приехавших со всех уголков Британии.

В конце церемонии четыре тысячи человек стояли несколько часов с непокрытыми головами под проливным дождем, пока сидящий под навесом Кирон выслушивал речи на многих языках.

Он понимал, о чем говорят все эти люди, и его переполняла гордость. Небесный Гуляка стал больше, чем просто человек, он стал символом.

Когда у Кирона начались первые сердечные приступы, доктора быстренько увезли его с конференции и прописали полный отдых.

И вот он здесь, в саду с розами, наслаждается ароматом Мадам Петрины и с теплыми воспоминаниями любуется маленькими белыми розами Эликс.

Над садом проплыл дирижабль в Рим. Где-то над Тихим океаном, на пути в Японию исполняет свои обязанности Ясон, сын Кирона и Петрины.

Из замка вышел доктор — проверить состояние своего знаменитого пациента. Приблизившись к креслу-качалке, он услышал глубокий вздох. И увидел, как обмякло тело.

Небесному Гуляке было семьдесят восемь лет. Он многое вспомнил в свои последние минуты. Жужжание пчел в далеком детстве, тихий голос мастера-художника, «Прыжок мисс Фитзалан», прикосновения Петрины, первый крик первого ребенка.

И еще он вспомнил Эйлвина, небесную акулу и капитана Жирода, и Кентигерна, и Бруно с его приверженностью к обтекаемым формам. Он вспомнил летающие по воздуху семена одуванчика, кружащиеся осенние листья и всех бабочек своего детства.

Как бы то ни было, он умер легко, доктор это подтвердил. Небесный Гуляка верил в то, что жизнь дана только живущим. Но кто знает, не улетел ли его дух к звездам?

Перевел с английского
Максим ГУТОВ

Андрей
Щербак-Жуков

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК... КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

В предыдущем номере журнала мы опубликовали интервью с А. Кабаковым, в котором писатель сокрушался по поводу вытеснения из литературы романтических героев. Нам показалось, что автор несколько преувеличивает опасность рационализации и «роботизации» прозы. Ибо есть жанр, которому романтическая линия присуща изначально как одна из характерных его особенностей. В доказательство мы решили предложить нашим читателям номер журнала, посвященный романтической фантастике. А представит его молодой российский фантаст, открыто исповедующий именно это направление в своем творчестве.

Довольно часто приходится слышать устойчивое словосочетание «последний романтик». Характеризуются им совершенно различные персонажи — от прозаика и экономиста Александра Чаянова до рок-певца Виктора Цоя. И, как заговоренный, все время находится кто-то «еще более последний», кому народная молва немедля передает этот почетный терновый венец. Ситуация повторяется со столь ритмичной частотой, что указанная форма речи начисто лишается какого-либо смысла. И действительно, пока существуют литература и другие виды искусства, сопряженные со сложением слов в осмысленные формы, последних романтиков не будет, как не будет, скажем, последней весны, пока Земля не прекратит вращаться вокруг Солнца.

СРАВНЕНИЕ это здесь вполне уместно, поскольку два подхода к организации литературного текста — реализм и романтизм — в истории чередуются так же периодично, как времена года сменяют друг друга. Заметить это удается не всегда по той простой причине, что происходит это столь же постепенно и органично, как в природе. Ну действительно, кто — разумеется кроме календаря — может точно назвать тот миг, когда весна превращается в лето? Календарей много, все они формальны и, стало быть, приблизительны. И только общая идея цикличности не вызывает протеста.

Так и в литературе.

Во-первых, не следует путать романтизм и романтику. Это вещи хотя, на первый взгляд, и близкие, но по сути совершенно разные. Романтизм — это «не вздохи на скамейке», не попутный ветер в лицо и не пение у костра под треск можжевеловых веточек. Романтизм — это литература, в центре которой стоит личность как проявление божественной воли, бесконечно ценная своей уникальностью.

Суть любого вида искусства можно сформулировать таким образом: это отображение взаимодействий человека и окружающего его внешнего мира (и, как частные случаи, — личности и общества, характера и среды, микрокосма и макрокосма и т.п.) При максимальном буйстве фантазии можно представить всего два прямо противоположных подхода к этой задаче, два художественных приема: один во главу угла ставит социум вместе с диалектическими законами его формирования и развития, другой же преподает все через личность, неизбежно стремясь при этом к идеализму. На службе у первого интеллект и трезвый расчет, второму ближе чувства и эмоции. Все изобилие мировой словесной культуры находится между этими двумя полюсами — реализмом и романтизмом — и так или иначе сводится либо к одному из них, либо к различным их сочетаниям.

Оба художественных приема существуют всегда и одновременно, соединяются, переплетаются и всевозможно взаимодействуют. При этом один из них в течение какого-то времени, как правило, доминирует, после чего роли меняются. Связано это с общим умонастроением людей — и писателей, и читателей — в каждый конкретный период времени.

Странным образом эта смена оказывается связанной с чередованием веков: на их стыке главенствует романтизм, а в середине — реализм.

Не берусь судить о глубинных причинах этого явления, и тем не менее... Во второй половине XVIII века в Германии зарождается первая волна романтизма: Шамиссо и Брентано, братья Гримм и Гофман. К началу нового века стиль распространяется по всему просвещенному европейскому миру: Англия, Франция, Америка, Россия... Жуковский, Одоевский, Погорельский, Лермонтов... На примере последнего хорошо видно, как завоевывает позиции реализм. «Демон» — чистый романтизм, а «Герой нашего времени» — уже романтический герой во вполне реалистической среде. Еще более яркий пример — творчество Гоголя. От романтической фантастики ранних повестей он проделал путь до произведений, давших повод Белинскому объявить Николая Васильевича зачинателем «школы натурального очерка». Подобная эволюция происходила и во Франции с Гюго, Стендалем и Бальзаком. Романтизм постепенно сдает позиции. Но лишь только миновала середина века, как во Франции появляется Шарль Бодлер, затем в Англии — Оскар Уайльд. Дальше — больше; это уже неоромантизм, вторая волна. В России она органично вылилась (или влилась) в пышное великолепие Серебряного века. После чего последовал новый откат; дав мощный толчок развитию русской фантастики, вспыхнув напоследок Александром Грином, Александром Чаяновым и Сигизмундом Кржижановским, романтизм вновь сдал позиции. Уникальность «Мастера и Маргариты» Булгакова в феерическом переплетении двух начал: романтической фантастики и сурового критического реализма.

ФАНТАСТИКА середины века технократична и социальна — и в Соединенных Штатах, и в нашей стране в равной степени. Романтика межпланетных перелетов уперлась в проблемы дальнейшего развития цивилизации, взаимодействия различных общественных формаций и другие вопросы, бывшие всегда прерогативой реализма. Если в американской фантастике отдушиной для сильных эмоций, резервацией романтизма всегда оставалась фэнтези, то в Советском Союзе этот жанр оказался под запретом. В приказном порядке насаждался соцреализм, и научная фантастика

зарабатывала право на существование тем, что разрабатывала главенствующий метод на материале недалекого будущего. Лучшие фантасты того времени противопоставляли соцреализму классический критический реализм, усиленный фантастическими образами. Они объединились под знаменами стиля, названного магическим реализмом, вытеснив проблески романтизма на периферию. Даже «шестидесятники», сделавшие изрядный крен в сторону романтизма, но опасающиеся упреков в индивидуализме героев, так и не решились в своих произведениях поднять личность выше общества. Сильные и умные люди хотя уже и не были винтиками, но все еще оставались лучшими представителями класса, страны, народа. Громко звучали гимны коллективизму. И все-таки ростки романтизма пробивались даже сквозь пионерскую атрибутику. Личное требовало особого внимания, заявляя о себе хотя бы в форме проблемы человеческой некоммуникабельности.

А в Америке в это время вовсю шествовала «новая волна». Новые люди привнесли в фантастику «общечеловеческие ценности» и различные достижения «большой литературы», тем самым выведя ее из маргиналов. Бывшая Золушка сполна получила свое многовековое наследство. Если раньше фантастику писали «технари», то теперь за нее взялись настоящие поэты; эмоции постепенно начали разбавлять сухую расчетливость, жанр приобрел легкость и разнообразие.

И ПИСАТЕЛЯМ, и читателям страны, по-детски гордящейся провозглашенной во всеуслышание свободой личности, всегда был необычайно люб романтический герой-одиночка, способный противостоять окружающему миру. Духовная сила и яркая индивидуальность поднимает их, подобно героям античности и средневековья, над привычной общественной моралью — в этом их величие, в этом же и трагедия. Таковы, к примеру, персонажи романов Альфреда Бестера, Сэмюэла Дилэни и других авторов.

Еще ближе к романтизму подошел мастер мифотворчества Роджер Желязны, стирая различия между героем и богом. Его герои равняются богам, готовы помериться с ними силой. Мотив богоборчества, давний спутник настоящей романтической литературы, присутствует едва ли не в каждом его романе. Новеллы Р. Желязны часто вызывают в памяти изящные арабески первых романтиков, а «Эмберский» цикл — настоящий героический эпос, потрясающий воображение своим размахом.

Однако героика — отнюдь не обязательный признак романтического произведения. Вот что писал теоретик немецкого романтизма XVIII века, основоположник литературоведения как науки Ф. Шлегель: «Романтическим является то, что представляет сентиментальное содержание в фантастической форме. Сентиментальное то, что нас волнует, что пробуждает в нас эмоции, но не чувственные, а духовные».

Такова другая сторона романтизма — обращенность к чувствам. Через них, в основном, и раскрывается романтическая личность, при всей своей титанической силе необычайно хрупкая и ранимая. Тут нельзя не вспомнить такого тонкого мастера передачи эмоций и психологического состояния своих героев, как Рэй Брэдбери. Сквозь ткань его триллеров проступает сырой мрак готики, а новеллы исполнены в традициях высокой лирики.

И Р.Брэдбери, и Р.Желязны в своих лучших новеллах не только достигают картинной выразительности, но и вплотную приближаются к музыке, подспудно следуя утверждению древних романтиков о том, что именно к ней должны стремиться все искусства.

Время компьютерных технологий существенно изменило среду обитания человека, а вместе с ней и умонастроения фантастов. В литературу, силами киберпанков (и не только-их), пришли иной язык, иные образы, иные герои. Казалось, чувственный мир человека будет подменен жесткой логикой машины. Но странно: урбанистический компьютерный мир оказался буквально пропитан романтизмом. Приключенческая линия причудливо переплеталась с пронзительно лирической. Компьютер, вопреки ожиданиям, отнюдь не заменил чувства, а, как легкий наркотик, необычайно обострил их; это сравнение принадлежит видному теоретику битничества, на старости лет вместо ЛСД «подсевшего» на компьютеры. Не нужно быть опытным лингвистом, чтобы заметить в названии культовой книги Уильяма Гибсона «Нейромант» («Neuromancer») центральную часть слова «roman». Нет ли тут, кроме всего прочего, еще и прямой связи с циклом стихов Генриха Гейне «Романсеро»? Заметил это и Норман Спинрад, игриво назвавший статью о киберпанках («Neuromantics»). Они действительно новые романтики, только уже третьей по счету волны.

ЭТА ВОЛНА не могла миновать и нашей страны. Тем более что и ситуация сложилась крайне подходящая. Крушение буквально на глазах казавшейся непоколебимой системы вызвало у поколения, наблюдавшего за этим процессом, недоверие ко всему социальному. Беспредел, последовавший за перестройкой, породил апатию, подобную той, что парализовала образованные слои Европы в конце XVIII века, сразу после Французской революции. Так же потерпели крах мечты о правильном переустройстве мира. Стало совершенно ясно, что вовне не найти ни истины, ни свободы. Все это только внутри, и нет в мире большей ценности, чем человеческая индивидуальность. И тогда романтизм, прятавшийся все это время в песнях бардов и рокеров, перебрался в литературу. Этого сейчас хотят читатели, об этом по мере сил стараются писать молодые писатели, выпускать это стремятся наиболее грамотные издатели. Дух романтизма повлек в леса начитавшихся фэнтези, вооружившихся деревянными мечами и приготовивших средневековые костюмы молодых людей для участия в ролевых играх. Он стал образом жизни. А.К. Троицкий, человек, искушенный в молодежных движениях, как-то заметил, что на Западе уже давно сухих и расчетливых яппи сменили люди творческие, с чудинкой, с яркой индивидуальностью. Я убежден, что в ближайшую пару лет романтизм войдет в моду и у нас в стране — все признаки уже налицо.

КОНЕЧНО ЖЕ, наиболее восприимчивой к романтизму литературой оказалась фантастика. Не заметили этого только критики, по старинке выдвигающие таким молодым авторам, как Леонид Кудрявцев или Сергей Лукьяненко, требования, уместные только для фантастического реализма. Смешно читать откровения, гласящие, например, что Юлий Буркин якобы работает в жанре хоррор, — он пишет обыкновенные романтические повести со всеми присущими им атрибутами и делает это мастерски.

Заметный и замечательный крен в сторону романтизма сделали и многие признанные мастера старшего поколения. Романтическое настроение всегда в той или иной степени сопутствовало творчеству Кира Булычева и Владимира Михайлова, но именно в их произведениях последних лет романтизм заиграл во всю силу. Кора Орват, не лишенная обаяния Алисы Селезневой, в сравнении с последней приобрела бойцовские качества.

Совершенно новый тип героя ввел в российскую литературу Александр Кабаков, именно этим, а совсем не построением мрачных прозрений, он необычайно ценен. К сожалению, этого опять же не заметили критики за политическим пафосом «Невозвращенца» и «Кристаповича». Герой повестей Кабакова не последний романтик, а наоборот — первый новый романтик. За этим типом литературного героя большое будущее.

Словом, российская литература ближайших 10 — 15 лет будет, как и во все мире, литературой романтизма.

«Роман должен быть сплошной поэзией. Поэзия, как и философия, есть гармоническая настроенность нашей души, где все становится прекрасным, где каждый предмет находит должное освещение, где все имеет подобающее ему сопровождение и подобающую среду. В истинно поэтическом произведении все кажется столь естественным и все же столь чудесным».

Новалис. «Фрагменты», 1798 г.

ГИПОТЕЗА

Марк Стиглер

Зимняя пора Кэт

ANALOG
September 1996

Глазам предстало видение: она сидит рядом, женщина, чья улыбка способна озарить вселенную.

Росс Геррик улыбнулся, но она не пошевелилась. Он пробормотал: «Здравствуйте», но она не ответила.

Впрочем, ответу Росс поразился бы несказанно: ведь это всего лишь фото, снимок величайшей из актрис, когда-либо удостаивавших Серебристый Экран чести доносить до зрителей свое изображение. Нынешняя Кэт, конечно, уже не похожа на собственное фото: снимок был сделан очень давно, и теперешняя, из плоти и крови, Кэтлин Теппер всего лишь призрак той женщины, которой он в данную минуту любовался.

Хотя звездное сияние все еще искрится в ней. Огонь, может, и приглушен пеплом возраста, но все равно даже этот пепел охвачен сиянием. Так уверяли общие друзья: сам Росс со звездой в жизни никогда не встречался.

Скоро встретится. Завтра, на званом вечере. Хозяйка уверяла, что Кэт там появится.

Росс глянул на часы и ужаснулся: время, оказывается, неслось вскачь. Влез в брюки цвета хаки, мотая от нетерпения головой, натянул на мускулистые плечи рубашку с открытым воротом, схватил кожаный пиджак с шарфом и пулей полетел к джипу, на бегу терзая расческой темную шевелюру. Самолет улетал из Сиэттла меньше чем через два часа. Росс мечтал познакомиться с Кэт, и это, не исключено, был его единственный шанс. В конце концов, она уже очень стара. Как ни ряди, а не так-то много ей осталось.

Кэт справилась с острой болью, жалом впившейся в мозг, и еще раз, напоследок, внимательно осмотрела себя в зеркале. Шарфик очень пригодился: он великолепно скрывал дряблость шеи. Без шарфика вид был бы как у рассерженной индюшки, зато с шарфиком она была похожа на саму себя — летней своей поры. В мысли вторглось, не встречая сопротивления, словечко «живенькая». «Кэт, — строго сказала она отражению в зеркале, — лет пять назад всяк назвавший тебя «живенькой», в прах рассыпался бы под знаменитым властным взором римской матроны». Она оценила нынешние свои стати: даже в зим-нюю пору жизни все еще высока и стройна, остеохондроз не скривил пока железную прямоту спины. Ум остер, как... Кэт показала самой себе язык, взбила некогда знаменитые локоны и выступила к месту битвы. Во всяком случае, то, что другие участники, без сомнения, считали званым вечером, она воспринимала как очередную схватку с возрастом.

Всю жизнь Кэт старалась держаться подальше от всяческих вечеров и вечеринок, нынче они ей нравились и того меньше. На сей раз случай особый: внучатый племянник Тимми отправлялся в какое-то долгое путешествие и ее племянница Долли умоляла Кэт приехать на проводы. А поскольку Кэт считала, что у Тимми весьма приличные шансы свернуть себе шею в этой экспедиции, она сочла за лучшее уступить мольбам родственников. В конце концов, даже если Тимми и переживет свою попытку взобраться на Эверест, то сама Кэт может не успеть отпраздновать его возвращение. Мысль эта настолько ее огорчила, что заставила пустить в ход тайное оружие: лицо Кэт расцвело яркой вызывающей улыбкой, какую она до совершенства отточила давным-давно, когда умер Спенс.

Впрочем, имелась и приятная сторона у сегодняшнего вечера, устроенного в честь покорителей гор. Племя здоровое, сильное, напоенное жизнью и, на свой лад, красивое. Кэт доставляло удовольствие наблюдать за ними ... пусть только наблюдать — это все, что ей нынче оставалось.

— Тетя Кэт, познакомься, — раздался голос Тимми откуда-то справа. Она обернулась на голос.

— Ты что-то сказал, Тимми? — переспросила Кэт, не расслышав хорошенько. Подумала: «Ха! А люди еще гадают, не одряхлела ли я!» — и кисло подытожила: «Чему уж удивляться».

— Кэт, это Росс Геррик, руководитель нашей экспедиции, — Тимми отступил назад, и новый персонаж (без сомнения, этот малый, мистер Геррик) выступил вперед. Протянул руку. Она видела даже без очков, какая шершавая, грубая и сильная у него рука.

Кэт, вооружившись светской улыбкой, дотронулась до протянутой руки и произнесла:

— Очень рада, мистер Геррик. — Окинула альпиниста взглядом, и улыбка ее потеплела. Он в должной мере отвечал ее стереотипу покорителя вершин: был по-настоящему силен и обладал грацией балетного танцора. Впрочем, роста довольно низкого и скорее простоват, чем красив. Тем не менее лицо мужественное и приятное, причем он оказался брюнетом с темными глазами — такой тип мужчин всегда привлекал Кэт. Спенс...

Росс накрыл ее руку ладонью...

— Познакомиться с вами, мисс Теппер, для меня великое удовольствие. Рискую оказаться банальным, но все же должен признаться, что влюблялся в вас по меньшей мере десяток раз — в разных ваших героинь.

— Помилосердствуйте, мистер Геррик, вы меня в краску вгоните! — отшутилась Кэт и вдруг почувствовала, что краснеет, по-настоящему краснеет — целепее ничего и придумать нельзя. Не уразумев до конца, в чем тут дело, Кэт про себя решила, что, увы, печально сказывается отсутствие практики в такого рода ристалищах. Уж конечно, мистер Геррик никоим образом не был первым мужчиной, воздавшим ей столь щедрую — и столь глупую — хвалу, зато глаза у него такие темные, так горят...

— Ну разумеется, какого бы величия я ни достигала, все это — древняя история, мистер Геррик. Как вам, должно быть, известно, я сошла со сцены, когда кибервид сделал кино пустым анахронизмом, двадцать лет назад.

Росс по-прежнему не сводил с нее глаз.

— Я знаю, мисс Теппер. Говоря откровенно, ваше

отсутствие для кибервида — потеря. Я, скажем, предпочитаю старое кино.

Этот мистер Геррик нахальнейший малый! Кэт изо всех сил старалась совладать с горлом, избавиться от сиплого дрожания, портившего ее голос вот уже десяток лет, и достойным выпадом поставить нахала на место.

Устремив на него один из самых своих изысканнейших взглядов, она довольно долго рассматривала Геррика, дабы несчастный понял: гибель не за горами. Потом отвернулась и отошла к окну в юго-восточном эркере дома Долли. Вечер стоял ясный, в отдалении виднелась гора Рэйньер, ее чистейшей белизны ледники сияли в сумерках. Как Кэт и предполагала, Геррик последовал за ней: мотылек слишком близко подлетел к пламени, чтобы уцелеть.

Кэт смотрела, как тени сумерек скользили вверх по склонам горы. Спенс часто говаривал, что она похожа на гору Рэйньер: вулкан, прикрытый панцирем из колючего снега.

Послышался благоговейный шепот Геррика.

— Она прекрасна, да? Вид с ее вершины по сей день ослепляет меня, хотя я побывал там не раз.

Кэт прочистила горло и ринулась в атаку.

— Мистер Геррик, меня бросает в дрожь всякий раз, когда я слышу о людях, готовых совершать самоубийственные поступки, вроде ползания по горам, когда в том нет никакой нужды.

Геррик принял брошенную перчатку. И, надо сказать, сделал это весьма ловко.

— Многие замышляют самоубийственные поступки, мисс Теппер. Даже вы.

Для ответа Кэт подобрала свои лучшие театральные интонации.

— Вот уж не сказала бы! Я требую, мистер Геррик, чтобы вы привели доказательства.

Пока Геррик собирался с ответом, глаза его задумчиво, изучающе смотрели на Кэт. Она же безмятежно улыбалась. Ну-ну, выдай-ка все, на что способен.

— Вы позволяете старости убивать себя, — тихо проговорил Росс.

Рука непроизвольно дернулась к горлу, однако Кэт заставила ее опуститься, сама же пристально глянула на собеседника.

А тот продолжал:

— Смерть уже вот-вот станет понятием — и явлением — устаревшим. И все же, как правило, люди вашего возраста, — пристальный взгляд Росса означал вызов, — люди вашего возраста с порога отвергают любую альтернативу.

— И какова же альтернатива? «Не последователь же он, в самом деле, одной из религиозных сект Нового Века? Да нет, ни в коем случае! Только не человек с глазами Спенса, я вас умоляю, только не он!»

— Криогенные технологии. — Голос Росса звучал по-прежнему тихо, но очень напористо.

Кэт не смогла решить, удивлена она или раздражена, но так ли, сяк, ее голос снова дрожал, когда она спросила:

— Не соблаговолите ли вы просветить меня в том, что касается природы «криогенных технологий»? Или вы предпочитаете, чтобы я так и оставалась в подвешенном состоянии?

— Криогенными технологиями называется процесс охлаждения вашего тела до температуры достаточно низкой, чтобы оно сохранялось. Оказавшись таким образом во взвешенном — ни жизни, ни смерти — состоянии, вы можете сколь угодно долго ждать, пока наука и техника узнают, как вернуть человеку молодость и еще — как восстановить вас к жизни.

— Понимаю. — Кэт выгнула бровь дугой. — Исходя из вашей фразеологии, могу я предполагать, что пока никто «восстановлен» не был?

Плечи покорителя гор поникли.

— Боюсь, что нет. И все же криогеника дает человеку шанс. Скорее всего (во всяком случае, это возможно) наука в конце концов познает, как возвращать людей из небытия. Приняв во внимание природу столь революционного рывка, вполне логично пойти дальше и предугадать, что восстановление тела повлечет за собой вдобавок и восстановление молодости. Техническое решение этой задачи, я уверен, лишь вопрос времени. Как говорят люди, в этих делах сведущие, подвергнуться замораживанию значит оказаться на ступеньку (всего лишь на одну ступеньку) выше самого худшего, после чего падать уже некуда.

Кэт ответила не сразу. Правда ли это? За время ее собственной жизни наука творила удивительнейшие вещи. Ведь она помнит времена детства, все эти фыркающие, кашляющие автомобили — и она же наблюдала за тем, как высаживались люди на Луне. Может, и это чудо, о котором говорил покоритель гор, со временем окажется подвластно науке? Геррик так уверен во всем! Он действительно похож на Спенса. Черт его побери!

Боль снова жалом впилась в мозг. Кэт невольно сделала шаг назад, на миг, закрыв глаза, припала к стене.

— Что с вами?

— Ничего, не беспокойтесь. Голова слегка закружилась, это бывает и быстро проходит. — Кэт потерла глаза. — Мистер Геррик, — проговорила Кэт, поднеся руку к виску, — возможно, нам стоит продолжить наш разговор в друго... — и тут же почувствовала, что падает. Последнее, что она увидела — его глаза.

За окном больничной палаты маячила Рэйньер; ее было видно не так хорошо, как из дома Долли, но все же... Чертова гора: ведь далеко, километров сто, а кажется, никуда от нее не деться.

Но даже гора не так прилипчива, как Геррик. Нет, кроме шуток. Кэт взглянула на него и кивнула.

— Да, мистер Геррик, это аневризма. Нет, мистер Геррик, я не нуждаюсь в хирургии особого толка, которая не получила еще повсеместного распространения в медицине.

— Очень хорошо, мисс Теппер. Не в моих привычках умолять людей делать что-то ради их же собственного блага. — Росс с вежливым разочарованием поклонился, хотя видно было, как ему хотелось сказать что-то еще. Она же порадовалась, что спор окончен.

А потом этот болван взял да и бухнулся на колени.

— Мисс Теппер, умоляю, передумайте. Криогеника спасет вас.

— Ах, что за выспренняя чушь!— Будь Кэт способна стоять, она бы топнула ногой. — Я свою жизнь хорошо прожила. Доктор говорит, мне немного осталось — и ничего больше я не хочу.

Он поднялся и с укором посмотрел на нее.

— Вы ведете себя неразумно!

— Разумность чересчур переоценивают. Да и вы, мистер Геррик, не слишком-то высоко ее цените, судя по вашим поступкам.

Росс широко улыбнулся, осчастливленный возможностью ответить Кэт ее собственными словами.

— Что вы, вот уж не сказал бы! Я требую, мисс Теппер, чтобы вы привели доказательства.

— Очень хорошо. Прежде всего, у вас лично, мистер Геррик, есть договор на... хм, позвольте... заморозку?

Росс залез под рубашку, снял с шеи цепочку и протянул Кэт.

Она принялась изучать маленький стальной медальон, висевший на цепочке. Повернула, искоса примерилась, пытаясь найти расстояние, на котором могла бы легко читать без очков. Наконец, прочла: «Напор 50000 В Гепарин IV и вести ПЗП во время охлаждения на льду до 10°С. Держать ДТ 7,5. Вскрытие или бальзамирование исключаются». Кэт перевела взгляд на своего мучителя.

— От этих слов веет могильным холодом, мистер Геррик.

— В них куда меньше могильного, чем в похоронах.

Она склонила голову, показывая, что довод принят.

— Полагаю, что так. И тем не менее. Все это прекрасно, только мне любопытно: а что, если вы погибнете на пути к горной вершине? Смогут ли вас заморозить тогда?

— Вероятно, нет, — признался он. — К тому времени, когда меня удастся спустить вниз, будет слишком поздно. А в нервных связях окажется столько нарушений и разрывов, что меня уже никогда не собрать снова. Как Шалтая-Болтая.

— Сколько же можно нарушить связей, чтобы человек все-таки вернулся к жизни?

— На самом деле, этого никто не знает, — объяснил Росс. — Есть веские основания считать, что у мозга имеется таких связей в избытке и что он способен восстановиться даже после чудовищных потерь. Но, понятно, всему есть пределы, даже если нам и неведомо, каковы они. Потому-то для криогеники используют жидкий азот: чтобы избежать осложнений и необратимых последствий.

Кэт сочла, что для человека, столь въедливого, каким казался Геррик, объяснение чересчур расплывчатое, но решила не обращать внимания на мелочи.

— Позвольте, я выскажусь прямо. Когда вы штурмуете гору, то рискуете оказаться в объятиях не только временной, преходящей, смерти, но и смерти настоящей, вечной, смерти навсегда, тогда как, останься вы здесь, настоящая смерть вам не грозила бы. Во всяком случае, вы в это верите. — Улыбка ее сделалась торжествующей. — Я правильно понимаю, мистер Геррик?

— Совершенно верно, мисс Теппер, — улыбнулся Росс. — Не слишком-то разумно, да?

— С моей точки зрения, нет. Вот видите, мистер Геррик, разумность — еще не все. — «Пришла пора добивать, подумала Кэт. — А дальше я докажу, сколь вы неразумны, по вашим же собственным меркам».

Геррик выжидательно вздернул брови.

— Допустим, я предложу вам такую сделку. Предположим, я соглашусь и позволю вашему, мистер Геррик, вампиру-хирургу проделать эту операцию. Выкачать кровь, заморозить и так далее — словом, все, как вы объясняли. Согласитесь ли вы взамен не пойти в Гималаи?

Геррик изучающе посмотрел на нее и усмехнулся.

— Прекрасный удар, мисс Теппер. Впрочем, нет, — поправился он, — как ни хорош, а все ж не хорош. — И уже серьезно: — Мисс Теппер... согласитесь вы или нет на операцию в условиях криогеники, большого значения не имеет. От фактов не спрячешься: вы вот-вот умрете, если не от аневризмы, так от воспаления легких, или от любой из тысячи других болезней, которые приходят вместе со старостью.

— Понимаю. Что ж. Полагаю, мне придется поднять ставку. Предположим, я соглашусь после операции на более глубокую криогенику. Замерзну, перестану дышать — вы ведь этого хотите, не так ли? В таком случае вы принимаете мое условие?

Росс помрачнел.

— Да, — наконец сказал он. — Я согласен.

Кэт задержала на нем взгляд и поняла, заглянув в самую душу этого странного человека, что он говорит правду. Она предложила весьма высокую ставку, что есть, то есть: говоря честно, она подняла ее выше, чем намеревалась заплатить.

— Что ж, мистер Геррик, вы снова удивили меня. В вас, внутри вашего собственного искаженного представления о мире, оказалось больше рассудительности, чем мне представлялось. Хвалю.

«Ну, теперь-то уж он не уйдет».

— Так мы заключаем сделку, мисс Теппер? Чтобы отказаться от экспедиции, мне достаточно позвонить. Прямо отсюда.

Кэт строго глянула на него.

— Мистер Геррик, я лишь высказала предположение. — Откидываясь на подушки, она устало улыбнулась. — Не откажите в любезности, приходите завтра. Я нахожу наши беседы крайне... э-ээ... любопытными.

— Боюсь, завтра не получится, мисс Теппер. Утром мы отправляемся в Катманду.

— Так скоро?

— Так скоро, мисс Теппер.

— Увижу ли я вас снова?

— Это целиком зависит от вас, мисс Теппер. Я возвращусь всего через несколько месяцев.

— Ясно. Что ж... удачи, мистер Геррик. Надеюсь, вы доберетесь до вершины горы.

— А я надеюсь, когда-нибудь вы разделите со мной успех, мисс Теппер. Когда вновь станете молодой.

С этими словами он ушел.

Кэт вздохнула. Люди зачастую понапрасну галдят: жить... умирать... Ей так хорошо знакомо и то, и другое. Кто спорит, порой люди такой жизнью живут, что хуже всякой смерти. И все же ее не оставляло ощущение, будто разговор с Герриком пошел как-то не так.

Он сказал, что вернется всего через несколько месяцев. Вопрос, протянет ли она еще несколько месяцев. Читая меж строк в приговоре, вынесенном врачом, она понимала, что ответом служит недвусмысленное «нет».

Черт бы побрал этого Геррика! Существует единственный способ убедиться, приручила она его или нет. Даже если ее лечащий врач на дух не переносит все эти... бр-рр!... бескровные операции, стоило бы попробовать. Раздражение придало сил, Кэт взялась за телефон, чтобы позвонить хирургу, которого рекомендовал Геррик. Для начала она спросит, нравится ли ему выпускать из людей кровь и тем самым отсылать их к чудесным неведомым берегам.

В комнате было ужасно холодно, вдобавок свет резал глаза. И то и другое до жути ее раздражало. Кэт восседала прямо, будто аршин проглотила, на каталке, на которой ее повезут в операционную, и сожалела о своем решении. Умереть, вне всяких сомнений, было бы куда легче, чем пройти через все это. Она корила свою угасающую память: как можно так ошибиться и забыть, сколь ненавистны ей всегда были врачи.Так нет, она опять здесь, хотя и месяца не прошло с последнего заточения. И Кэт нисколько не сомневалась, кто тому виной.

Этот самый Геррик и виноват. Дайте только срок, вот вернется он со своей вершины, встретятся они опять, тогда она с ним поквитается. Если, конечно, он вернется с этой чертовой вершины. Последние новости были таковы: он поднялся выше 6000 метров, сделав приличный рывок. Торопится еще и потому, что там начинается по-настоящему жуткая пурга. Кэт понятия не имела, на что похожа пурга на высоте более 6000 метров, но, похоже, она еще

противнее, чем мерзкий больничный коридор.

«Что ж, мистер Геррик, не вам одному грозит неминуемая гибель. Пара-тройка минут, и ее лихо умчат в операционную, где — так, для начала, — умертвят. Предположительно, через час должны оживить» — правда, в способность врачей успешно завершить операцию Кэт верила куда меньше.

Впрочем, кое-что утешало и даже радовало. В любом случае, так или иначе, ей уготовано облегчение. Боль не отпускала уже ни на миг, в глазах двоилось.

Жизнерадостный малый в униформе, но не больничной, прервал ее раздумья.

— Мисс Кэтлин Теппер?

Кэт смерила его взглядом.

— Разумеется. Какая еще дура способна столько времени дожидаться, пока за ней придут милые люди с ножами наизготовку?

— Вам посылка из Непала, мисс Теппер. — Голос малого дрожал от изумления, правда, не ясно было, что повергло его в телячий восторг: то, что он оказался лицом к лицу с известной кинозвездой, или то, что ему редко доводилось доставлять посылки с покрытых ледниками пиков, которые находились за тридевять земель отсюда.

— Ну-те, ну-те, угадаем, кто бы это мог быть. — Геррик, естественно, больше некому, но зачем о том знать шустрому юноше, разносящему почту.

Кэт расписалась в получении и какое-то время изучала посылку не вскрывая.

На ощупь не холодная, а ведь с ледниковых вершин. Это удивило Кэт: впрочем, она тут же отругала себя за глупые фантазии.

И не тяжелая: можно подумать, под упаковкой ничего нет.

Расстроенная отсутствием явных подсказок, Кэт взялась за угол и попыталась сорвать обертку. Не вышло; помог заботливый медбрат, и вскоре содержимое посылки попало Кэт в руки.

Сначала она прочла записку. Решительный почерк, а написал просто: «Когда мы разбили лагерь на отметке 4950 метров, я пошел прогуляться. И нашел это. Глазам своим поверить не мог: он рос в небольшой расщелине, на бесплодном камне, окруженный снегом. Я знал, что век его короток, а потому сохранил как сумел и теперь посылаю вам. А вдруг зимний цветок дойдет до вас еще живым — наперекор всему! Р.Г.»

Кэт открыла коробочку и положила цветок на ладонь. Она добрых два десятка лет занималась садоводством и с первого взгляда узнала эти розовые лепестки: чарующий рододендрон. Его цветы известны своей способностью переносить условия высокогорья, и все же такое невероятно. Сколько чудес и тяжких трудов понадобилось, чтобы этот яркий цветок добрался сюда!

Кэт вздохнула. Какой же он романтик, этот Геррик. Казалось бы, кому как не ему быть попрактичнее, ведь там, где он сейчас, смерть постоянно ходит рядом.

— Мисс Теппер, мы готовы, — объявил еще один пышущий юностью медбрат. И, невзирая на протесты Кэт, повез ее навстречу судьбе. Или гибели.

Тело покачивалось на волнах. Было очень приятно, удобно, хотя что-то казалось странным, непривычным. Ее снова убаюкало, но странное ощущение не уходило. В конце концов она поняла: шейные мышцы чересчур расслаблены. С тех пор как появилась эта жуткая боль в мозгу, она все время напрягала шейные мышцы; теперь же они расслабились, потому что... потому что боль пропала! Кэт благословила хирурга и снова погрузилась в сон.

Проснувшись в следующий раз, она ощутила во рту сухость. Тело больше не плавало в призрачном море, напротив, словно налилось свинцом, припечатывая ее к постели. Сомневаться в своем нынешнем состоянии не приходилось: теперь она зомби.

Либо зомби, либо... ей становится лучше. Поразмыслив и прикинув, какие преимущества есть у зомби, Кэт решила, что они ее устраивают больше.

Наконец она проснулась: на сей раз с жуткой уверенностью, что больше не будет ни покачиваний на волнах, ни сновидений. Пожаловалась, что не дают кофе. Потребовала и получила свежую газету.

Чтение газет вошло у нее в привычку сравнительно недавно. До 90-х годов Кэт газет не читала. До тех пор заголовки были неизменно одинаковыми: кто-то либо начинал войну, либо стремился покончить с войной, либо американцы вели переговоры с русскими. Когда же рухнул Советский Союз и «ангелы-хоронители» «Б-52» спустились с небес, в заголовках ежедневных газет возникли дыры. О нет, какие могут быть сомнения, войны продолжались (наверное, их стало даже больше, чем прежде), но в них уже не было привкуса глобального противостояния Коммунизма и Демократии, без чего и заголовок не заголовок.

Итак, газетам пришлось вернуться к тому, чтобы сообщать новости. Они лепили заголовки изо всех возможных странностей и чудачеств: от питательных свойств поп-корна до сексуальных проказ нынешнего президента, имевших место за много лет до его избрания. То, что новости утратили во вселенском размахе, они обрели в человечности. И кто знает, из какого варева будут готовиться завтрашние новости!

Зато сегодняшний заголовок вовсе не забавлял. Нет, ни в малейшей степени.

Кэт отшвырнула газету и часто-часто заморгала: в ее глазах стояли слезы! Черт бы его побрал!

Что ж, Геррик, несомненно, уже получает все, что заслужил, от владык преисподней. Она мало что может добавить к его наказанию. Громадная снежная лавина ринулась вниз по склону Эвереста, похоронив под собой половину американских альпинистов. Шедший первым в группе Росс Геррик оказался среди пропавших.

Вопреки собственным намерениям Кэт поправлялась. Однако, если все физические процессы в ее организме восстанавливались как бы сами собой, воля к жизни все больше хирела.

«Все ушли и все ушло. Я давным-давно пережила свою необходимость на этом свете, — думала она, почти не огорчаясь. Не осталось даже Геррика, чтобы было с кем спорить».

Семья Долли устроила поминки по покойному Россу Геррику — Кэт на них не пошла. Таков обычай Кэт: она даже на похороны Спенса не пошла. Нет, последнее ее воспоминание о Спенсе — свет любви в его глазах. А последним воспоминанием о Россе Геррике будет пламя, сверкавшее в нахальном, задиристом взгляде.

После операции хирург подтвердил, что без малого час она была практически мертва. Мертва, мертва, полностью мертва.

Кэт наполовину была уверена, что в тот час ей привидятся небеса. Но не было ничего. Смерть оказалась уныло, незатейливо, абсурдно скучной. Кэт, вся жизнь которой прошла в бурной деятельности, не могла вспомнить ничего более мерзкого. Однако нынче она устала, слишком устала, чтобы снова изо всех сил отбиваться от смерти.

А все другие — ушли.

От операции Кэт оправилась, от чувства утраты нет. Она снова стала терять силы и вес. Чертовы идиоты врачи как обычно не могли ничего понять.

Потом на ее домашний адрес стали приходить журналы — журналы про все, что связано с низкими и сверхнизкими температурами. Геррик, ясное дело, уведомил своих единомышленников, будто рыбка уже трепещет у него на крючке. Только было это до его (окончательной, поймите, бесповоротной) кончины.

Кэт швыряла журналы куда подальше. Но они продолжали поступать. А потом пришел номер, где один из авторов пытался ответить на вопрос, от которого, помнится, Геррик отмахнулся весьма энергично: «Когда достаточно холодно, насколько это холодно?» Она улыбнулась и стала читать.

Впрочем, под конец статья ее разочаровала. Автор потратил великое множество слов, дабы объявить, что точного ответа не знает никто. Кэт исполнилась презрения и швырнула журнал в мусорную корзину.

Бумажная кипа еще не достигла дна корзины, а Кэт уже осознала, что неизвестность дает надежду. Поняла, что не все ее друзья мертвы. Еще не навсегда.

Поняла и то, что единственному другу, который, возможно, уцелел, для спасения понадобится она, Кэт. И осознала: чтобы спасти его, ей прежде придется спасти себя. А чтобы спасти себя, придется еще разок пуститься в путешествие. Оказалось, не так-то легко поверить, что, снова попав Смерти в лапы, она вновь сумеет вырваться. Как бы то ни было, есть смысл попробовать.

Память о смерти была совершенно ясной и отчетливой. Он помнит страшный громовый раскат, помнит, как задрожало все под ним, когда неисчислимые тонны снега со льдом ринулись вниз. Помнит, как вцепился в ледоруб, зажатый в трещине, как гигантский кулак снега сбил с ног, как он падал, утопая в белой пелене. До земли он так и не долетел: просто снег уплотнялся все больше и больше, а падение становилось все медлительней и медлительней, пока, наконец, он вовсе не перестал двигаться.

Под сотнями тонн снега царила кромешная тьма. Но о том, чего не видели глаза, с жуткой достоверностью поведали другие органы чувств. Он ощущал снег и лютый холод. Щиплющее покалывание быстро добралось до кончиков пальцев. Он понял, что умрет от гипотермии— переохлаждения. И выругался.

Впрочем, толком выругаться не удалось. Только тогда он понял, что уже не дышит. Падение выбило из него дыхание, а плотный снег отшиб легкие. Он понял, что леденящая стужа убьет его не сразу. Попробовал закричать, но и это не получилось. Он боролся за то, чтобы не потерять сознание, за еще один, последний глоток воздуха...

И вот он здесь. Вокруг никакого снега. Росс лежал с закрытыми глазами и удивлялся. Он втянул воздух — и вдох получился легким, никаких проблем с отшибленными легкими. Еще чуднее: ему было тепло, такого тепла он не помнил с тех пор как попал в Гималаи. Конечно, иногда умирающие от переохлаждения ощущают прилив тепла: милосердная иллюзия, порожденная угасающим организмом. Какой же явственной она кажется сейчас!

Он открыл глаза навстречу сну: вот она сидит рядом, женщина, чья улыбка способна озарить вселенную.

Росс Геррик улыбнулся, но она не пошевелилась. Он пробормотал: «Здравствуйте».

И на сей раз, совершенно неожиданно, она ответила:

— Здравствуйте, мистер Геррик. Давненько не виделись, да? Впрочем, могу себе представить. В данный момент вам вряд ли кажется, что минуло много времени. В самом деле, если все прошло, как должно было пройти, вас сейчас весьма удивляет неожиданное отсутствие снега. То бишь, вы почти наверняка гадаете, рай это или ад? — В ее улыбке таилось большее, чем намек на шутку, а в голосе звучало нескрываемое торжество. Дрожи, заметил Росс, нет и в помине: голос Кэт звучал так же молодо, как молодо она выглядела.

Чудеса, да и только. Голос Кэтлин Теппер, глаза тоже; с Кэтлин Теппер он познакомился пару недель назад, перед тем как отправиться в экспедицию. А лицо точь-в-точь как на старой фотографии... И вообще — что случилось с экспедицией?

Тут Кэт расхохоталась.

— Видели бы вы себя! — воскликнула она. — Способности вашего лица ежесекундно менять выражение позавидует любой актер! Ах, мистер Геррик, вы рассчитались со мной за все, что я испытала по вашей милости.

Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут его взгляд упал на то, что находилось за окном. Росс мгновенно осознал, что лежит неизвестно где. Во всяком случае, не у себя дома. Никаких тебе привычных вермонтских гор, вместо них — голубой шар, плывущий среди тысяч звезд. Росс перевел взгляд на Кэт.

— Ну, начинаете понимать, мистер Геррик? — Она снова рассмеялась. — Это и в самом деле чудесный новый мир. Вот, даже у меня свой космолет, не больше банки «Кока-колы», правда, зато способен... впрочем, обо всем этом попозже. — В голосе Кэт вновь проскользнули торжествующие нотки. — А вам очень повезло, знаете ли. Температура на высоте 7500 метров у человека, погребенного под колпаком из нескольких сотен тонн снега, оказалась, как выяснилось, минимально подходящей для сохранения вашего тела. Признаться, вы всех заставили изрядно поволноваться. Ваше восстановление, мистер Геррик, шло с большим трудом.

Припомнился снег, и Росс вздрогнул.

— Долго?

— По меркам вашей прежней жизни, очень и очень долго, мистер Геррик. Но опасаться нечего: глазом не успеете моргнуть, как вас снова подхватит ход реального времени. Для помощи вам будет выделен личный наставник.

— Вы?

Кэт кивнула.

— Особенно радоваться не советую, мистер Геррик. Большая часть вашего обучения пройдет в обезличенной форме. Для упрочения получаемых знаний вам будет предоставлена целиком вся линия Образовательного Гологрэфира Кэтлин Теппер.

— Ого, гологрэфир? А что случилось с кибервидом?

— Боюсь, что я пропустила целую эпоху, мистер Геррик. По счастью, куда более совершенное средство коммуникации было создано до того как меня оживили.

Наконец и Росс нашел в себе силы засмеяться. Он смеялся, пока у него на глазах не выступили слезы.

— Мисс Теппер... уф... если вы собираетесь стать моим личным наставником, то позвольте называть вас просто Кэт?

— Придется позволить, мистер Геррик. Как некогда сказала одна моя приятельница: «Полагаю, это станет началом долгой и прекрасной дружбы». — С царственным величием она протянула ему руку. — А теперь поднимайтесь с постели и идемте со мной. Мне не терпится вам столько всего показать!

Перевел с английского
Владимир МИСЮЧЕНКО

Кир Булычев

Роковая свадьба

Раз в полгода писатель Кир Булычев навещает своих старых друзей, проживающих в Великом Гусляре, и знакомит читателей журнала «Если» с событиями, которые произошли за время его отсутствия. На этот раз поездка заняла гораздо больше времени, ибо очередной вызов судьбы, брошенный жителям славного города, имел весьма привлекательный облик.

Август завершался солидно, как в старые времена. Листва еще не пожелтела, но помутнела и пожухла, зато небо было бирюзовым, нежным, а по нему плыли облака пастельных тонов.

В понедельник Удалов возвращался с садового участка, вез сумку огурцов, два кабачка, банку собственноручно засоленных помидоров. Еще на конечной автобус заполнился такими же огородниками, у рынка многие сошли, вместо них втекал городской, в основном молодой народ. Этот народ не обращал внимания на прелести августа и не хотел единения с природой, он хотел единения друг с другом.

Мускулистый парень ограждал свою спутницу от других пассажиров. Девица ему досталась фарфоровая, ясноглазая, вроде бы задумчивая, хотя ясно было, что задумываться ей не о чем.

В годы удаловской молодости таких девиц еще не рожали и не разводили. Главной частью девицы были ноги, сооружения архитектурной ценности, соединявшие пол автобуса с подолом коротенькой юбочки, и грудь, рвущая тесную ткань одежд.

Удалов сошел первым, а парочка отправилась дальше. Навстречу шагал соседский Гаврилов. Он вел под руку длинноногую блондинку. В ее прозрачных голубых глазах отражалось небо. Удалов представил ее на освещенной сцене с лентой «Мисс Кандалакша» через плечо.

Где-то Удалов эту блондинку уже видел.

Ага, в автобусе. Только на ней должна быть другая надпись... что-то о памятнике архитектуры. Когда же она успела перебежать к Гаврилову от мускулистого парня?

При виде Удалова Гаврилов покрепче прижал к себе блондинку, а та потерлась грудью о плечо кавалера. Красиво потерлась. У нее все получалось красиво.

Наверное, близняшка той, что была в автобусе...

Удалов хотел было свернуть во двор, но тут его внимание привлекло зрелище куда необычней прежнего.

По той стороне гулял старик Ложкин, древний пенсионер районного значения, на поводке он вел тигра средних размеров. Удалов хотел было поздороваться, но раздумал, потому что понимал: если Ложкин отзовется своим пронзительным голосом, тигр обязательно сорвется с поводка и набросится на Удалова. Так что Корнелий обратил взор к облакам и принялся бочком продвигаться к воротам дома №16.

И тут пронзительный голос Ложкина все же догнал Корнелия Ивановича.

— Куси его! — кричал Ложкин. — Пришел Удалову конец!

Удалов оглянулся и в ужасе присел. Потому что тигр был готов к прыжку.

Длинное осиное тело хищника прижалось животом к пыльному асфальту, глаза сузились, пасть приоткрылась, чтобы розовому языку было сподручнее облизывать клыки. Тигр усмехался. Тигр уже представлял себе, как он растерзает тело Корнелия Ивановича.

— Ты что, умом тронулся, сосед? — послышался голос с неба. Словно архангел Гавриил затрубил в медные трубы.

И в самом деле — сверху пришло спасение.

Ксения, супруга Удалова, спускалась оттуда, медленно и неотвратимо.

Радость спасенного Удалова была столь велика, что он не сразу сообразил, каким же образом его жена научилась летать, причем не взмахивая руками, так как они были заняты сумками.

Ксения опустилась как раз между тигром и мужем.

— Кыш! — приказала она ужасному хищнику.

Тигр пополз задом, стараясь спрятаться за Ложкина.

— Ксения, — сказал Ложкин. — Ты неправа. Я только пошутил.

Оторопевший Удалов увидел наконец, как летает его жена — оказывается, у нее на спине был небольшой пропеллер. Где-то он читал о таком средстве. Но где, забыл.

— Корнелий возвращается с приусадебного участка, — сообщила Ксения. — Корнелий не совсем в курсе, как у нас развиваются события. Ты что, не заметил? Его же неделю не было.

Тигр лежал за Ложкиным, отвернувшись к стене, и делал вид, что его там не лежало.

— Пошли, — приказала Ксения мужу.

Корнелий пошел за женой. Он не оборачивался, хотя тигр мог и прыгнуть. Но тигр не прыгнул. И Ложкин больше не смеялся. Ксению он побаивался. Да кто Ксению не побаивается?

Во дворе никого не было. Перед дверью Ксения загнула руку назад, отстегнула пропеллер.

— Не страшно? — осторожно спросил Удалов.

— Третий день летаю. Удобно.

Только дома, разувшись, Удалов собрался с духом и спросил жену:

— Докладывай, Ксения, что без меня происходило?

— Да как тебе сказать...

Удалов прошел на кухню за женой. Там стояла новая машина, видно, кухонный комбайн, а может быть, соковыжималка.

— Это еще что такое? — спросил Удалов.

— А ты руки мой, не спрашивай, — ответила Ксения резко, словно чувствовала себя виноватой.

— Это же, наверное, бешеных денег стоит, — сказал Удалов.

Ксения не ответила. Она открыла отверстие сверху этой хромированной машины, которая размером была чуть побольше среднего размера кастрюли. Кинула внутрь несколько чищеных картофелин. Машина уютно заурчала.

Через некоторое время в нижней части кастрюли

распахнулась стенка, и изнутри выехали одна за другой две тарелки с супом. Суп был наваристый, густой, от него пахло мясом.

— Я видел, — сурово сказал Удалов, словно выносил приговор, — ты клала картофель.

— Остальное синтезировалось, — ответила Ксения. — Из картошки.

— Ксюша, — взмолился Удалов, — что случилось?

Ксения посмотрела на мужа недоверчиво: почему не сражается, почему не укоряет за траты? Она пошла в прихожую, принесла оттуда газету «Гуслярское знамя». Подчеркнула заметку ногтем:

— На, смотри.

Удалов прочел объявление.

«ДЕЛОВОЙ ОТДЫХ В СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ!

Туристическое агентство «Голден гууз» организует шоп-туры в Великий Гусляр светлого будущего. Автобусные экскурсии, полупансион, осмотр достижений, обед в трехзвездочном ресторане. Посещение собственной могилы, а также мест погребения ближайших родственников за отдельную плату. Стоимость краткого тура 100 долларов США или в рублях по курсу. Удовлетворение гарантируется. Звонить по телефону 23-457 с 10 до 17, кроме субботы и воскресенья. Адрес агентства: ул. Шарлотты Корде (бывшая Большая Маратская), 2».

— Этого быть не может! — воскликнул Удалов. — Путешествие в будущее невозможно!

— Почему?

— Потому что будущего еще нет. Куда ты полетишь?

— Они лучше знают. Организаторы.

— Все равно невозможно!

— Корнелий, не раздражай меня. А что я по небу летаю, это возможно? А бабы надувные? А надувной тигр?

— Как так — надувные? — подобного удара Корнелий вынести не смог. Пошатываясь, он покинул квартиру и пошел к соседу, профессору Минцу, за консультацией. Ксения его не удерживала.

* * *

Минц сидел дома, решал головоломку — как сложить из тысячи кусочков латиноамериканский пейзаж. Третьи сутки сидел не разгибаясь.

— Лев Христофорович, — позвал его Удалов, войдя в незапертую дверь. — Что происходит?

Минц кивнул, но внимание его оставалось прикованным к облачному небу на головоломке. В пальцах он держал кусочек облака и примерял его к разным местам.

— Лев Христофорович, — продолжал Удалов. — Вы знаете, что в нашем городе устроили шоп-туры в будущее?

— Читал, — ответил Минц. — Но это антинаучно. В будущее путешествовать нельзя. В прошлое — пожалуйста.

И он положил на место кусочек облака.

— Но если нельзя, — сказал Удалов, — тогда почему надувные существа? И вообще, разве это возможно, я сам видел, как они обнимались.

Другой, может, и не понял бы Удалова, но Минц умеет читать в душах между строк.

— Меня это тоже смутило, — сказал Минц. — Я наблюдал.

— Нельзя город на неделю оставить! — рассердился Удалов. — Совершенно распустились. А не может это оказаться провокацией?

— И чьей же провокацией, коллега?

— Есть враги у свободной России.

— И они нам надувных женщин подсовывают?

— Вот именно!

— Говорят, много предметов оттуда привезли. На площади Землепроходцев толкучка образовалась.

— Ты думаешь, что Ксения там отоварилась?..

— И у Ложкина лишних ста долларов на шоп-тур не найдется. Зато на толкучке все стоит недорого.

Удалов в очередной раз подивился Льву Христофоровичу. Вроде бы сидит дома, складывает головоломку, но его мысль взвивается вольной птицей и парит над городом, заглядывая в самые укромные уголки.

— Честно говоря, я ждал твоего приезда, Корнелий, — сказал профессор. — Не хотел ничего делать, не посоветовавшись с тобой. Вот собрался позвонить президенту Академии наук...

— А чем он поможет?

— Меня смущает то, — ответил Минц, — что ни по телевизору, ни в центральных газетах нет ни слова о путешествии в будущее. Можно предположить, что окошко туда открыто только здесь, в Гусляре.

— Лев Христофорович, — ответил на это Удалов. — Разве в прошлые годы мы с тобой звонили за советом и указаниями в Москву? Мы сами шли в поход, мы сами штурмовали бастионы науки и решали жгучие загадки.

— Предлагаешь тряхнуть стариной?

— Предлагаю сначала самим разобраться. А вдруг это чей-то розыгрыш? Теперь такая молодежь пошла, что вполне может выпустить на улицу компьютерные иллюзии. А ты позвонишь в Москву и окажешься в дураках перед руководством академии.

Глаза Минца сверкнули. Он приподнялся, отодвинул от себя доску с головоломкой, но тут его внимание вернулось к южноамериканскому пейзажу.

— Нет, — сказал он. — Сначала надо сложить...

— Профессор! — воскликнул Удалов. — Ты с ума сошел! Какая еще головоломка? Речь идет о судьбе человечества!

Минц взял кусочек картона и принялся прикладывать его к рисунку.

— Ты слышишь меня? — спросил Удалов.

— Я слышу, — ответил Минц. — И знаю, что путешествие в будущее невозможно.

— Тогда я пойду один, — сказал Удалов.

Он был опечален поведением друга. Видно, Минц действительно заметно постарел.

Выйдя во двор, Удалов услышал сзади тяжелую поступь Минца.

— Не беги так, Корнелий, — окликнул он Удалова. — В мои годы приходится быть солидным. Да и ты не мальчик.

Удалов улыбнулся. Нет, его друг еще не окончательно потерян для науки и человечества.

Они вышли на улицу.

— Куда сначала? — спросил Удалов. — В туристическое агентство? В «Голден гууз»?

— Гуси подождут, — ответил Минц.

— Какие гуси?

— Учиться надо, Корнелий! Сколько раз я тебе говорил об этом! Учти, название фирмы английское, и означает оно «Золотой гусь».

Минц повел Корнелия на площадь Землепроходцев, где, по его сведениям, располагалась толкучка товаров из светлого будущего.

Они шли быстро, но все равно опоздали.

Площадь была почти пуста, лишь у гостиных рядов таился в прохладной тени мужик в приличном костюме, при красном галстуке, но в сапогах. Сбоку стоял большой полосатый баул. У ног лежал крокодил. А рядом, принимая красивые позы, стояли девицы, очень похожие на тех, которых Удалов уже видел. Несколько мальчишек глазели на крокодила, а пенсионер Пупыкин норовил заглянуть девушкам под туники, чем их веселил.

— Вы из будущего? — спросил Удалов.

— А что, не видно? Только сегодня вернулись. Товар свежий, — ответил мужик. — Купи девицу. А то у меня последний автобус в Столбики уходит.

— Я сам куплю, — сказал Удалов. — Завтра отправлюсь в будущее и куплю.

— Блондинок уже не осталось, — уверенно сказал мужик. — Там только брюнетки. Блондинок еще вчера разобрали.

— А крокодилы почем? — спросил Удалов.

— Крокодилов по полсотни отдаю. Животными интересуешься? У меня слон есть, недорого. Если у тебя дача, то слон — животина совершенно незаменимая. Хочешь посмотреть?

— Хочу, — сказал Удалов и огляделся: где же мужик прячет слона?

Мужик вытащил из полосатой сумки темный шарик размером с теннисный мяч.

— Посторонись! — велел он зрителям.

Все послушно отшатнулись.

Мужик уронил мячик на землю, щелкнул пальцами — и возникло дрожание воздуха. Оно сгустилось и посерело. Потом оказалось, что над толпой возвышается средних размеров слон, очень грустный, малоподвижный, лишь кончик хобота лениво покачивается над упавшей на землю надувной девушкой, которая не успела или не сообразила отскочить.

Минц и Удалов кинулись поднимать девушку, хотя, конечно же, опасались слона. Но мужик потянул слона за хобот, тот легко и послушно отошел в сторону и встал справа от крокодила. Тут же налетели мухи и стали виться вокруг, думали, что слон настоящий.

— Ну что, берешь? — спросил мужик.

— И почем у вас теперь слоны? — спросил Минц.

— Триста тысяч, за такие деньги вы теперь курицу не купите.

К ним спешил милиционер.

— Гражданин, гражданин! — укоризненно кричал он, — ну что же мне, с вас штраф, что ли, брать? Сказано же, что рынок закрыт, а на улице слонов продавать не разрешается.

Мужик щелкнул пальцами, слон растворился в воздухе и покатился мячиком под ноги Минца. Щелкнул еще дважды, и девушки тоже превратились в мячики, которые мужик небрежно побросал в сумку.

Негромко матерясь, он застегнул сумку на молнию и поспешил к автобусу.

* * *

В начале бывшего Маратовского стоял голубой двухэтажный барак. На одной из дверей была прикноплена картонка с надписью «Голден гууз».

Молодая женщина с невыразительным длинным лицом, с ярко нарисованными губами сидела за ученическим столом. При виде посетителей она негостеприимно сказала:

— А я уж закрываться хотела. Вы насчет круиза?

— Мы хотели бы побывать в будущем, — сказал профессор Минц. — Согласно объявлению.

Женщина громко вздохнула, словно всхлипнула. Затем на ее лице появился проблеск надежды.

— Паспорта с собой? — спросила она.

— Нет. А можно без паспорта? — ласково спросил Удалов.

— Ну подумайте, пожилой человек, а такую ахинею несет! Вы же отправляетесь за рубеж, мы за вас гарантируем своим карманом. Вам известно, что в будущее допускаются лишь лица с гуслярской пропиской?

— А из района можно? — спросил Удалов, вспомнив мужика.

— Из района можно. Попрошу завтра к десяти. Паспорт, сто долларов наличными, одеться прилично, но скромно. Вот список товаров, допущенных к провозу.

Женщина протянула Удалову отпечатанный на машинке лист бумаги.

— А теперь идите, — сказала она. — Мы закрываемся.

* * *

Вернувшись домой, Минц все же позвонил президенту Академии наук.

Президент как раз возвращался в резиденцию и принял вызов из машины по радиотелефону.

— Толя, — сказал Минц. — Здравствуй, тебя Лев Минц беспокоит.

— Узнаю, узнаю взволнованный голос старого учителя! Что вас сегодня тревожит, коллега?

— Скажи мне, Толя, только честно, — попросил Минц, — путешествие в будущее возможно?

— Теоретически?

— И практически.

— Вряд ли, — сказал президент Академии, — а что, у вас получилось?

— Значит, ты ничего не знаешь?

— А что я должен знать?

— А то, что у нас в Великом Гусляре туристическая контора организует туры в будущее.

— Смешно, — сказал президент. Но голос у него был серьезный.

— Причем это не просто туры, — сказал Минц. — Это шоп-туры. Понимаешь?

— С трудом, — признался президент.

— Я сегодня наблюдал, какие товары привозят из будущего гуслярцы. И это впечатляет.

— Ты меня пугаешь, Лев.

— Толя, неужели в других городах это явление не наблюдается?

— Не только в других городах, но и в других странах. Нигде в мире не зафиксировано перемещение в будущее.

— Провокация?

— Но чья? Кому выгодно отправлять в будущее жителей Великого Гусляра?

— Вот и мы сомневаемся, — произнес Минц.

— Ясно, — сказал президент. — А что нужно противной стороне?

— Молодец, — одобрил вопрос президента Минц. — Нас тут снабдили списком вещей, которые рекомендуется брать с собой в шоп-тур для обменных операций. Погоди, погоди... фрукты и овощи свежие, кедровые орешки... ткани хлопчатобумажные и шелковые... Слушай, не перебивай... драгоценные и полудрагоценные камни, янтарь, нефрит, агат... хорошо, пойдем дальше: книги с иллюстра-

циями в хорошем состоянии, выпуска до 1945 года, изделия из натурального меха... Да тут больше ста позиций!

— Любопытно, — заметил президент. — Судя по твоему чтению, практически каждый житель города, независимо от его богатства, может набрать дома материалов для шопа... для бартера! Лев, ты должен будешь сделать для меня лично и для науки одну вещь...

— Не надо подробностей. Я все понял. Завтра с утра мы с моим другом Корнелием Ивановичем Удаловым берем паспорта и отправляемся.

— Какова стоимость путевки?

— Не надо, Толя, на науку у нас дают скудно.

— На науку — скудно, а на разведку, сколько надо. Во внешней разведке у меня есть один академик. Так что деньги перевожу сегодня телеграфом. Тебе и товарищу Удалову. Завтра же жду от тебя звонка. На всякий случай с утра будем держать в боевой готовности бригаду десантников.

— Только не это! — взмолился Минц. — Мы же не знаем, кого испугаем и во сколько это нам обойдется.

— В зависимости от твоего доклада, Лева, — согласился президент. — Россия не забудет твоего подвига.

— Пока еще я жив, — скромно ответил Минц.

Он попрощался с президентом и объяснил Удалову, что был у того научным руководителем на кандидатской диссертации. Много лет назад...

* * *

Вечером Удалов отведал пищи из кухонного комбайна. На этот раз Ксения набрала на кнопках рагу из зайца в бургундском вине и омаров под майонезом. И все из той же картошки.

Омары Удалову понравились. Он взял у Ксении пропеллер, попробовал полетать по квартире, ушиб голову о люстру. К счастью, люстра осталась цела. Удалов упал, но не огорчился. Только сказал:

— К Максимкиному приезду спрячь эту штуку.

Ксения не ответила, но согласно кивнула.

Удалов долго не засыпал, сидел у окна. По улице брели парочки, возвращаясь из парка. Удалову казалось, что многие девицы не настоящие, а надувные. Но из-за плохого освещения он не был уверен в своих наблюдениях.

Ксения мирно спала, русские женщины быстрее мужчин привыкают к необычностям судьбы. Ну где бы вы увидели в Европе, чтобы женщина на шестом десятке, купив на толкучке пропеллер, стала летать с ним над городом? А у нас это бывает.

Взгляд Удалова упал на хозяйственную сумку, которую Ксения собрала ему в шоп-тур. Когда она узнала, что Удалов отправляется в будущее с государственным заданием и на государственные деньги, как бы в командировку, она обрадовалась и надавала ему поручений. Оказывается, Ксения знала о состоянии рынка будущего, ей была известна конъюнктура и курс тамошнего рубля. Сама она там не бывала, но прекрасно понимала, что будущее дается человеку лишь один раз и ты обязан использовать свой шанс так, чтобы не было стыдно перед внуками и правнуками нашими...

Ксения сложила в сумку отрез крепдешина, палехскую шкатулку, хохломские ложки, пепельницу из малахита, янтарные бусы и множество вещей, которые вовсе не нужны дома, но выбрасывать жалко...

Заснул Удалов перед рассветом и во сне летал вместе со своим бородатым внуком над золотыми нивами светлого будущего.

* * *

Минц вышел с портфелем.

— Боюсь, — сказал он, — что у меня никуда не годный бартер.

— Я поделюсь, — обещал Удалов.

Перед агентством «Голден гууз» было людно. Отправляли группу. Вчерашняя женщина проверяла сумки, а нервный кавказец Георгий, сидевший в конторе, собирал деньги и шустро прятал их в сейф. На паспорта Минца и Удалова он взглянул мельком, словно они его на самом деле не интересовали.

— На улице ожидай, — говорил каждому кавказец. — На улице.

Выходя, они столкнулись с Мишей Стендалем.

Миша Стендаль — сотрудник гуслярской газеты «Гуслярское знамя»: раньше орган горкома, а теперь собственность коллектива редакции из шести человек во главе с товарищем Малюжкиным.

Миша склонился к уху Удалова и громко прошептал:

— Никому ни слова. Я выполняю редакционное задание.

— Слушаюсь, — ответил Удалов.

— Миша! — воскликнул Минц. — А вы что здесь делаете?

— Конспирация! — прошептал Удалов. — Он тоже на задании.

Женщина со скучным лицом появилась рядом, хотела о чем-то спросить, но Минц опередил ее своим вопросом:

— В какой год вы намерены нас отправить?

— В отдаленное будущее! — ответила женщина так, словно ее обидели.

— А год вам неизвестен?

— Говорят, что лет через сто, — сказала женщина. — Точнее меня не информировали. И попрошу на улицу, на построение!

На улице, у дверей в агентство, женщина выстроила всех шоп-туристов. Одиннадцать человек. Два или три лица Удалову были знакомы.

Женщина прошла вдоль строя.

— Участники шоп-тура, — сообщила она, — должны строго соблюдать правила поведения в чужом обществе. Запрещается вступать в разговоры с жителями будущего, навязывать им свои товары и услуги за пределами вещевого рынка. Любая попытка остаться в будущем или продлить срок своего тура будет наказываться денежным штрафом в десятикратном размере. Всем ясно?

— Простите, — сказал профессор Минц, вытирая платком вдруг взопревшую лысину, — а в десятикратном размере от чего?

— От максимума, — ответила женщина.

Алый рот ее совершал куда больше движений, чем следовало или было необходимо.

Кавказец выглянул из дверей и сказал:

— Можно запускать, Чикита.

— Может быть, вы знаете, в какой год нас отправляют? — спросил у него Минц.

— Главное, — ответил кавказец, — не заблудиться. Будешь слушаться, вернешься живой и богатый.

Удалов тем временем смотрел на своих спутников. Семь мужчин, четыре женщины. Женщины все деловые, это было видно по джинсам и тугим объемистым сумкам. Из мужчин — трое молодых,

Миша Стендаль — в расцвете сил, а трое, включая Удалова и Минца, склонились к закату.

Больше разглядеть Удалов не успел. Их быстро погнали по полутемному коридору, кавказец возглавлял шествие, а длиннолицая дама его замыкала. Потом в глаза ударил свет — и они оказались в зале, похожем на актовый зал типовой школы. В углу навалом лежали стулья. Они были покрыты красным ситцем с выцветшими белыми буквами лозунгов.

Посреди зала стоял автобус Павловского завода. Кавказец занял место за рулем, женщина подталкивала, торопила туристов, повторяя, что времени в обрез, если опоздаем, придется возвращаться не солоно...

Обшивка с сидений была сорвана, некоторые сели на пружины, другие на голую фанеру.

— Крепче держитесь, — приказал кавказец.

Чикита с красным ртом прошла к двери, возле которой крепился выключатель. Она повернула его, и свет в залё погас. Стало почти совсем темно. Автобус взревел и начал покачиваться. Поехал. Иногда его подбрасывало на колдобинах.

Удалов с трудом удерживался на сиденье, так что вглядываться в темноту не было возможности.

Затем стало светло, даже ярко. Оказалось, автобус выехал на залитый солнцем луг. Ласковое солнце катилось по серому небу. Пели птицы, хотя в августе они у нас обычно молчат.

— Вылезаем! — приказал кавказец.

Женщина с длинным лицом ждала их внизу, снаружи. От этого создавалось ощущение какого-то розыгрыша, дурной шутки. Правда, перемену в окружающем пейзаже объяснить было нелегко.

— Скорее, товарищи, скорее, господа! — звала женщина. — Мы теряем драгоценное время.

— Корнелий, запоминайте, все запоминайте! — прошипел Минц.

— Говорят, американским шпионам выдают кинокамеры размером с горошину, — сказал Миша Стендаль. — Жалко, что я не шпион.

Туристы, волоча сумки, поспешили за женщиной по зеленому полу искусственной лужайки. Солнце пекло немилосердно. Чикита и Георгий надели белые панамки. За углом забора началась улица. Улица была чистой, широкой, но дома какие-то скучные и почти без окон. По мостовой неслись закрытые машины неизвестной конструкции, по тротуарам шли люди в широкополых шляпах, длинных плащах или халатах и блестящих перчатках.

Удалов рассматривал жителей отдаленного будущего, но жители не обращали на него никакого внимания.

Минц тут же совершил проступок.

Он обратился к встречному:

— Вы не скажете мне, какой сегодня год?

— Две тысячи девяносто шестой, — ответил житель и прошел не останавливаясь.

— Ах, товарищ Минц, я этого от вас не ожидала! — воскликнула Чикита, скривив красные губы. — Не отворачивайтесь, не прячьте глаз! Если виноват, нужно уметь признать свою вину. Притормозите, Минц! Вы пойдете последним и пускай вам достанется на вещевом рынке самый плохой столик. Вы поняли? Осадите!

— Девушка! — рассердился Удалов, видя, каким унижениям подвергается профессор. — Вы знаете, с кем разговариваете?

— И с кем же?

— С мировой величиной! С профессором! Без пяти минут лауреатом Нобелевской премии.

— Ха-ха, — ответила Чикита. — Эти пять минут грозят затянуться. Здесь нет профессоров. Здесь шоп-тур. И прошу вас, гражданин Удалов, зарубить это себе на носу.

— Корнелий! — предостерег друга Минц. — Я не обижаюсь.

Минц тщательно подмигивал, но Удалов уже завелся и никак не мог понять, к чему его призывают.

Для жителей светлого будущего эта сцена представляла интерес. По крайней мере наконец-то шоп-туристы привлекли к себе внимание прохожих. Но реакция, на взгляд Удалова, была неадекватная.

— Ах, — воскликнула какая-то женщина, укрытая широким зонтом и темными стрекозиными очками. — Какой мужчина! Какая страсть...

Минц потянулся к женщине.

— Вы имели в виду меня?

— Нет, вашего дружка. Лысенького. Который озона не боится.

— Почему его следует бояться? — спросил Минц.

Чикита вклинилась между профессором и дамой и оттеснила его к толпе туристов, умудряясь при этом топать ногами и издавать неприятные хрюкающие звуки, столь свойственные некоторым особам, состоящим при должности.

— Запрещено! Запрещено задавать вопросы! — шипела Чикита. — Вы что, хотите, чтобы нам всю программу прикрыли? Вы не представляете, с каким трудом мы на этот контракт вышли! И никто раньше вопросов не задавал. Сказано — не задавать и не задавали. А вы почему задаете?

— Потому что я любознательный.

— Без пяти минут любознательный? — съязвила Чикита, которой к тому времени удалось оттеснить Минца внутрь группы, и по ее знаку остальные шоп-туристы взяли Минца и Удалова в кольцо, чтобы скрыть от встречных и облегчить экзекуцию.

— Но почему не спрашивать? — вел арьергардный бой Удалов.

— А потому что сейчас ты про год спрашиваешь, а потом спросишь, чего нельзя!

— А чего нельзя?

— Нельзя узнавать, будет война или не будет, когда ты помрешь и какой смертью...

— Но вы же сами в проспекте обещали нам могилы показать!

— Там проведена соответствующая подготовка. Там все схвачено. А вот самодеятельности мы не допустим.

— Не допустим, — поддержал Чикиту Георгий.

Впрочем, и туристы были солидарны с начальством, потому что, конечно же, приехали сюда не из-за места на кладбище, а за товаром.

Постепенно в группе восстановился прежний темп движения.

Кавказец свернул на грязную, узкую улицу. Здесь дома стояли тесно, кое-где через улицу тянулись какие-то провода и шнуры. Наполовину надутый слон сидел, прислонившись к стене дома... Внезапно перед туристами открылась небольшая площадь. Площадь была пуста, на ней стояло несколько столиков, словно в летнем кафе, из которого украли стулья.

— Можете занимать рабочие места, — сказала Чикита. — И раскладывайте свое барахло.

По площади слонялись три человека — наверное, стражи порядка. Удалову захотелось спрятаться или сдаться властям. Но стражи не обратили на

него внимания. Они шли вдоль столов, глядя, что выкладывают на них туристы. Стражи, подобно прочим жителям, были одеты в длинные, до земли, плащи, на головах — широкие шляпы конусом, закрывающие не только голову, но и плечи. Чикита побежала за ними, отставая на два шага.

Некоторые предметы стражи брали в руки, разглядывали, проверяли приборчиками. Один из надзирающих схватил с крайнего стола нечто небольшое и сказал:

— Конфисковывается.

— Как, конфисковывается? — возмутилась кряжистая владелица в желтом берете. — Это же в списке было! В прошлый раз вы разрешали.

— Выдать компенсацию, — сказал полицейский семенившей за ним красногубой Чиките.

— Будет сделано, — живо откликнулась та. Потом погрозила кулаком шумевшей туристке.

Удалов разложил свой товар на шатком столике. Минц смог положить в «общий котел» лишь янтарные запонки и банку маринованных грибов.

Стемнело, сверху посыпался дождик, теплый, вялый, с запахом дешевого шампуня.

— Накройсь! — крикнула Чикита, — дождь опасен для здоровья!

Никто не испугался, но стали доставать кепки и береты. Удалов накрылся носовым платком.

Когда проверка завершилась, появились первые покупатели.

Прицениваись в основном мужчины. Были они деловиты, словно пришли не на базар, а на тактические учения. Впрочем, обнаружилось, что и наши туристы тоже готовы к такому разговору и знают не только набор товаров, которые можно получить, но и их ценность. Так что споров не возникало.

За шелковый халат с драконами, который Ксения, кажется, так ни разу и не надела, Удалову сразу предложили надувную девушку на выбор — три мячика разных цветов.

Ему стало любопытно. Не то чтобы он хотел получить девицу — вы же представляете, что бы случилось, если бы он привел такую домой, — но все же сама возможность обзавестись юной красавицей интриговала. Может, Ксении пригодится помощница на кухне?

— Посмотреть можно? — спросил он.

Покупатель бросил мячики на землю, из них, как в сказке, выросли три брюнетки, все полногрудые, с вьющимися волосами и ямочками на щеках.

Они одинаково улыбались Удалову.

Одежды на брюнетках почти не было — так, нечто вроде купальников.

Конечно, Удалов хотел получить брюнетку. Он все же был мужчиной. Но брюнетку брать было нельзя. Ни в коем случае. Ксения не оценит его заботы о домашнем хозяйстве.

Удалов неожиданно для себя спросил бравого покупателя при погонах и в полумаске:

— А мужчины у вас есть?

— Такие же? — удивился покупатель. — Зачем вам? Кому они нужны?

— О нет! — хором воскликнули брюнетки и полезли к Удалову обниматься. — Мы лучше!

— Эй! — крикнул покупатель своему однополчанину, который торговался возле столика, где держали оборону две гуслярские женщины. — У тебя тринадцатого-бис не найдется?

Тут Удалов увидел, что возле того столика стоит полный юноша в одних трусиках. Гуслярка критически осматривала его.

— Нет! — остановил покупателя Удалов. — Это я так, узнать хотел. Мне бы лучше чего-нибудь из животного мира.

— А мы? — спросила брюнетка. Она нежно погладила Удалова по руке.

— Хочешь, я тебя искусаю?

— Богом прошу, — обратился Удалов к покупателю. — Убери ты их...

— Господин! — окликнул покупателя Миша Стендаль. — Вы ко мне не подойдете?

— Сейчас, минутку, — ответил тот. Шелковый халат притягивал его, как магнит. — А удава не желаете? Есть крупный удав, очень красивой расцветки. Последний экземпляр наблюдается в Лондонском зоопарке.

— Возьмем удава? — спросил Удалов Минца.

— А что ты с ним будешь делать? — удивился профессор. — Кого мы с тобой собираемся душить?

— Пускай дом охраняет. Вместо собаки.

— Он тебе всю квартиру загадит, — предупредил Минц.

— Обижаете, — сказал покупатель. — Удав тоже синтетический. У нас окружающий мир больше не гадит.

Удалов отдал халат, а Минц пристал к покупателю с расспросами разведывательного характера.

— И давно у вас путешественники во времени появились?

— Да уж вторую неделю привлекаем, — ответил покупатель.

— И раньше не было?

— Раньше думали, что без вас обойдемся.

— А теперь поняли?

— К сожалению.

— Почему у вас такое население скучное?

— Это наши проблемы, — отрезал покупатель. Почему-то отвечать на этот вопрос ему не хотелось.

— Не только ваши проблемы, — возразил Минц. — По сути дела вы — наши потомки. Не чужие люди.

— От вас, товарищ Минц, я не происходил. — И покупатель зашагал прочь.

— Мне нужен настоящий информант, — сказал Минц шепотом. — Пока что я не вижу в этом логики. А ты?

— Эй! — окликнул уходящего покупателя Удалов, желая помочь профессору. — Скажите, вас Америка случайно не покорила?

— Это еще почему? — удивился покупатель.

— Ну, может быть, покорила вас Америка и теперь через вас хочет нас покорить.

— И что же она будет тогда с вами делать? — отозвался другой покупатель, пожилой, с заостренной бородкой и в черных очках. Под расстегнутым плащом блестели рядами золотые пуговицы.

— Угнетать, — сказал Удалов. — Высасывать соки.

— А что, в вашем времени этим заняться некому? — спросил старик.

— У нас армия еще держится, — сказал Удалов.

Старик предложил Удалову купить у него старую конусообразную шляпу. Сообщил, что очень помогает от озоновых дыр. Удалов сказал, что в его Гусляре дыр пока не замечено.

Старику хотелось приобрести у Корнелия палехскую шкатулку и потому он отдал ему синий мячик. Этот мячик умел превращаться в палатку с теплым надувным матрасом и подушкой. Для рыбалки то, что надо!

Тем временем центр событий переместился к

Мише Стендалю. А так как его столик стоял совсем рядом, то Удалов был в курсе дел.

Миша принес с собой бочонок меда, но отдавать дешево не намеревался. Уже несколько человек подходили к нему, предлагали животных, технику и девушек, но Миша сказал, что ему требуется флаер, то есть летательный аппарат.

К меду прицениваались разные люди, но флаер не предлагали, может, и не было у них флаеров. И тут к Мише подошла пожилая женщина, скромно одетая, в резиновом платке. Она сказала, что мед ей нужен как лекарство, но единственное, чем она может пожертвовать, это своей помощницей. Она вынула из сумочки очередной мячик и тот, стукнувшись о мостовую, превратился в скромного вида девушку. Она была не столь красива и длинноногa, как те близняшки, что уже шастали по Великому Гусляру, но ее тихое очарование не осталось незамеченным Удаловым.

— Вот это совсем другое дело, — сказал Удалов. — Такую и я бы взял... помощницей.

Миша захлопал голубыми глазами. Снял очки, протер их. Девушка глядела на него робко и преданно.

— Боюсь, что он провалит редакционное задание, — сказал Минц.

Пожилая женщина, которая намеревалась расстаться со служанкой, была сообразительна.

— Ах, — сказала она. — Галочка мне все равно как дочка. Конечно, я только пошутила, что с ней расстанусь.

— Я готов отдать вам бочонок меда! — воскликнул Миша.

По площади прокатился изумленный гул. За бочонок можно было получить трех девиц.

— Вашего меда не хватит на один ноготок Галочки, — произнесла подлая старуха.

И не успел Стендаль возразить, как старуха жестко и решительно щелкнула пальцами, Галочка ахнула и превратилась в мячик. Стендаль ринулся было за мячиком, но мячик отпрыгнул от него и покатился к владелице.

— Но может быть, вы возьмете что-нибудь еще? — взмолился Стендаль. — Например, оренбургский платок из чистой шерсти. В обручальное кольцо продевается без труда.

— Мало! — рявкнула старуха.

— А вот моржовый клык с вырезанной на ней картиной охоты на полярных медведей в исполнении неизвестного чукотского мастера.

— Ах, оставьте! — и старуха пошла прочь.

— Погодите!

Тут в дело вмешался Минц. Он подбежал к Стендалю и схватил его за рукав.

— Миша, — сказал он, — эта женщина более тебя заинтересована в сделке. Не спеши и не суетись.

— А если она уйдет домой? — Мишу колотила дрожь, он был смертельно бледен.

— Потерпи. Поверь моему опыту. Она сама вернется, если ты не будешь ее умолять.

Старуха дошла до конца рынка, остановилась и посмотрела на Мишу через плечо. Миша тянулся к ней, но Минц крепко держал его.

Старуха остановилась в нерешительности, но не возвращалась. Тут появился один из стражей, только переодетый в штатское. Удалов узнал его по родинке на правой ноздре. Переодетый страж сказал Стендалю:

— Могу помочь.

— Сколько? — спросил Минц, не отпуская Стендаля.

— Моржовый клык, — ответил милиционер. — Собираю с детства моржовые клыки.

— Согласен! — воскликнул Стендаль раньше, чем профессор успел его остановить.

— Эй, гражданка Стендаль! — воскликнул милиционер. — Пожалуйте назад.

К счастью, она не заметила, как пошатнулся Миша, услышав свою фамилию.

— Ничего страшного, — успокаивал его Минц, — одна из твоих правнучек окажется деловой женщиной. Это — жизнь.

Старуха резво подбежала к Стендалю и, словно все было оговорено заранее, схватила бочонок с медом, кинула в Стендаля мячиком, а милиционер унес моржовый клык, расписанный охотничьими сценами из жизни чукчей.

— Ну что ж, давай, возвращай красотку к жизни, — сказал Удалов, видя, как робеет, все еще дрожит Миша Стендаль. — Пальцами сможешь щелкнуть?

С другой стороны, где за столиком стоял человек с лицом отставного полковника ДОСААФ, донесся хриплый голос.

— Если бы не возраст, сам бы женился. Это же надо — захотел, чтобы жена замолчала, только и дел — пальцами щелкнуть.

— Ишь чего выдумал! — отозвалась женщина, стоявшая еще дальше. — Мы вам не мячики, чтобы в кармане носить.

В этой дискуссии никто не заметил, как Стендаль щелкнул пальцами, и служанка Галочка материализовалась рядом с ним. Не только материализовалась, но вступила в разговор, так как явно отличалась умом и бойкостью от красавиц, которых завезли в Гусляр из прошлых шоп-туров.

— А вы мне скажите, — напала она на торговку, — чем я хуже вас? Или грудь моя не такая упругая, или бедра мои не покаты, или ноги мои не прямые?

Торговка была толстой, корявой, неухоженной женщиной и потому сразу обиделась.

— Ты, дура надувная! — возопила она. — Вы только поглядите, люди добрые, кто на меня нападает? Кто меня, мать двоих детей, оскорбляет при людях? Ты хоть знаешь, что такое ребенок?

— Если мой будущий муж или возлюбленный захочет, — скромно возразила Галочка, — я немедленно рожу ему наследника.

— Синтетического! — догадалась торговка. — Пластмассового!

Галочка отвернулась от противницы и положила руку на плечо Мише.

— Миша, не слушай наветов. В нашем времени все равны. Неважно, как ты произошел на свет, главное, чтобы человек был хороший. Ты меня понимаешь?

— Еще как понимаю, — ответил Миша.

Галочка потянулась к щеке Миши и ласково, нежно поцеловала его.

Миша даже побледнел от счастья.

— И если ты хочешь, — прошептала надувная девушка так громко, что весь рынок слышал, — то пойдем со мной в трехзвездочный отель «Гусь», потому что я страстно мечтаю тебя любить и радовать!

Девушка часто дышала...

Миша позволил себя увести. Минц пытался было окликнуть его, но Удалов сказал:

— Пускай идет. Его счастье или его беда... Он взрослый. Вышел из комсомольского возраста.

Торговка громко хохотала вслед возлюбленным. К ней подошел страж и предупредил о правилах

поведения на общественных рынках. Торговка замолчала.

— Она свое дома возьмет, — сказал Удалов.

Местный люд лениво бродил от столика к столику; кое-что брали. Стражи, которые сначала проверяли товары, теперь уже переоделись. Ходили как покупатели, как бы направляя действие, помогая вести обмен.

Удалов выменял зонтик, который в собранном виде становился меньше грецкого ореха, у Минца хорошо ушел однотомник Белинского, издания начала века с золотым тиснением по переплету. Стендаль не возвращался, интересно, куда его потащила страстная надувная кукла?

Минц упорно заговаривал с покупателями и просто зеваками из будущего, но люди отвечали ему односложно. Но даже скупые ответы представляли для «лазутчика» интерес.

— Скажите, пожалуйста, какой у вас общественный строй? — слышал Удалов голос профессора.

— Свободный, — отвечал один покупатель.

— Демократический, — отвечал второй.

— Меня он устраивает, — говорил третий. — Другого нам не предлагают.

— Сколько было мировых войн? — спрашивал Минц.

— Не помню, — с туманной улыбкой отвечал страж в штатском.

Бритый молодой продавец долго выбирал себе подругу, наконец ему понравилась губастая, глазастая, рыжая, курчавая. Он не стал сбывать остатки товара, а поспешил с купленной подругой в гостиницу.

Без пяти два на площади появился начальник местных стражей. За ним двигалась машина, нагруженная разного цвета и размера мячиками и шариками. К повозке была прибита вывеска «Ликвидационная комиссия».

За повозкой вереницей шествовали стражи, переодетые покупателями. Начальник загребал с повозки несколько мячиков, вываливал их на стол продавцу, в обмен решительно забирая привезенный товар. Все молчали. Во-первых, с милицией не спорят, это закон шоп-туриста, во-вторых, каждый понимал, что обмен получается в пользу гостей. Десять мячиков — это десять солидных предметов из далекого будущего. Каждый можно толкнуть дома долларов за тридцать, как минимум. Поездка окупилась. А если отвезти товар в Москву...

Вываливая на столик мячики, начальник говорил каждому:

— Благодарим за визит. Попрошу в гостиницу, где вас ждет вкусный обед с прохладительными напитками.

Туристы потянулись к автобусу. Они оживленно беседовали и сговаривались в гостинице обменяться товарами, если кому чего не подходит.

Чикита уже ждала в автобусе.

— После обеда полчаса личного времени, — сообщила она, — затем экскурсия на кладбище. Для всех желающих.

— Зачем? — не понял Минц.

— Ознакомиться со своим захоронением и могилами ближайших родственников и соседей.

Удалов закручинился. Ему не хотелось смотреть на свою могилу, но и отказаться от визита он не посмел.

— У нас не хватает двух молодых людей, — сказал Минц. — Вернее всего, они ушли в гостиницу.

— Ничего с ними не случится, — равнодушно ответила Чикита. — Здесь практически нет преступности.

Обед оказался сытным, но скучным, даже недосоленным и совершенно не перченным. Прохладительные напитки были чуть теплыми, чай просто теплым.

Потом они поднялись в двойной номер. Удалов вывалил мячики и шарики на кровать.

— Может, не стоит их сейчас надувать? — спросил Минц. — Если тебе достался слон, то получится трагедия. Потолки здесь непрочные.

— Но на зонтик я могу полюбоваться? — спросил Удалов.

— Любуйся, — согласился Минц.

Удалов стал рассматривать шарики в надежде угадать, какой из них содержит в сложенном виде зонтик. Даже легонько мял шарики руками. Шарики были тяжелыми, словно сделанными из каучука.

Под дверь комнаты въехал листочек бумаги.

— Смотри, — сказал Корнелий. — Выходят на связь. Может, это Миша Стендаль просит помощи.

— Осторожнее, — предупредил Минц. — Мы в чужой стране.

— В своей, — возразил Удалов. — Но изменившейся со временем. — Надо взять записку.

— Бери, — согласился Минц. — И читай вслух.

Сам он отошел к окну и стал выглядывать наружу. Но что увидишь с шестого этажа, кроме рано облетевшего парка и пролетающих над землей индивидуальных средств передвижения?

Удалов подобрал листок.

«За умеренное вознаграждение, — прочел он вслух, — могу выдать важные тайны. Если согласны, то на кладбище у могилы Корнелия Удалова буду стоять за деревом. Доброжелатель».

— Ох, не нравится мне это, — сказал Удалов, в сердцах отбрасывая листок, который полетел над кроватью и приземлился в руки Минцу. — И на кладбище я идти не хотел. Зачем мне смотреть на свою могилу? Ну кто в наши дни смотрит на свои могилы?

— А я пойду, — сказал Минц. — Я думал убежать от них, пройти по улицам, заглянуть тайком в библиотеку. Для этого и шляпу выменял. Чтобы от них не отличаться. Но боюсь, что моя акция была обречена на провал, так как мы окружены их агентами и переодетыми милиционерами. Теперь же у меня появилась надежда. Что у тебя осталось из ценных вещей?

— Янтарное ожерелье, — сказал Удалов. — Я его припрятал.

— А у меня... — Минц залез двумя пальцами в верхний карман пиджака, — где же мамино колечко? Ага, здесь! И царская десятка! Думаю, что этого хватит, чтобы узнать все, что нужно.

— Иди без меня, — упрямился Удалов. — Мне еще пожить хочется.

Но, конечно же, Минц его уговорил. Да и есть в каждом человеке любопытство перед лицом собственной смерти. Скажите мне: хочешь ли узнать, какого числа и какого года ты умрешь, и я закричу: ни в коем случае! Подарите мне неизвестность! А скажут: подглядеть хочешь? Я ничего не отвечу, но, внутренне содрогаясь, пойду и стану подглядывать в замочную скважину.

Удалов сказал себе, что только дойдет до кладбища, погуляет там, посмотрит на могилы соседей, может, даже им поклонится... хоть это и не очень

красиво. Живут твои соседи, зла против тебя не таят, а ты цветок несешь к ним на могилу...

Вошел кавказский человек Георгий и велел начинать спецэкскурсию. Удалов положил в карман мячик с зонтиком и спустился вниз.

Остальные уже стояли у автобуса и были настроены мрачно, бледны и смущены неправильностью своего поведения перед лицом вечности. А когда подошла Чикита и стала раздавать букетики из искусственных цветов, все брали их со смущением.

— А где Стендаль? — спросил Удалов. — С ним все в порядке?

— А что может быть не в порядке с молодым человеком, который купается в море любви? — искренне удивилась Чикита.

— А когда выкупается? — спросил Минц.

— Присоединится к группе в установленный срок.

Залезли в автобус.

Минц велел внимательно смотреть по сторонам в пользу Академии наук, но Удалов смотреть забывал, потому что мысли возвращались к скорой встрече с собственной кончиной.

Дорога на кладбище вела через городские окраины. Кое-где сохранились старые гуслярские дома — ведь сто лет для хорошего дома не срок. Кое-где поднимались дома новые, но странно, они производили впечатление заброшенных. И народу было немного, и дети не шалили на улицах. «Может быть, — подумал Удалов, — эти люди отвезли с утра малышей по детским садикам, а сами углубились в созидательный труд?»

Минц впился глазами в окно автобуса и непрестанно шептал что-то верхнему карману пиджака, в котором прятал мини-диктофон японской работы.

— По моим наблюдениям, — сказал Лев Христофорович Удалову, — наш с тобой родной городок значительно вырос за последние сто лет, но затем пришел в упадок.

— Вы тоже так думаете?

— Посмотри на дорожки. Лишайники между плит. Взгляни на стены домов. Когда их красили в последний раз? Обрати внимание на детскую площадку — она заросла крапивой. Сомнений нет — эта цивилизация переживает упадок.

— Но как же тогда их достижения? — спросил Удалов.

— Достижения... а ты уверен, что это достижения современные, а не успехи вчерашнего дня?

Удалов не был уверен.

Автобус остановился у ворот кладбища. Ворота были приоткрыты. Туристам велели слезать и расписываться в книжечке кавказца. Каждый должен будет возместить агентству «Голден гууз» десять долларов в рублевом эквиваленте за посещение кладбища и ознакомление с родными могилами.

Расписывались без споров, и каждый думал: черта с два я тебе отдам эти деньги, грабитель проклятый!

У ворот стоял сторож в черном фраке и конической шляпе.

— Из какого года прибыли, граждане? — спросил он, блеснув глазом из-под шляпы.

— Разве не видишь? — озлобилась Чикита и задергала красными губами. — Плановая группа.

— В списке нету, — сказал сторож.

— А разве не всем сюда можно ходить? — спросил Удалов.

— Туристы из прошлого — только в организованном порядке в составе групп с сопровождающими, — ответил сторож. Он отыскал в своей черной потрепанной книге группу из Великого Гусляра, осень, 1996 год. Но что удивило Удалова, отыскал ее не в конце, а где-то в недрах книги, и до, и после списка шли другие фамилии, другие группы. Можно подумать, что гуслярцев записали заранее. Минц тоже обратил на это внимание.

— Возможно, все предопределено, — сказал он тихо, — только мы с тобой остаемся лопухами.

Столь крепкое словцо для Минца — исключение. Но он тоже оказался взволнован и если бы...

— Если бы не встреча с информантом, — произнес он грустно, — никогда бы на кладбище не поперся.

Эти слова примирили Удалова.

Первой шла Чикита. Она повторяла:

— Участок тридцать четыре и далее, до тридцать восьмого, второй поворот налево, а оттуда направо до большой аллеи.

К счастью, день был приятным, не жарким, солнце катилось к закату, золотые косые лучи резали редкую жухлую листву и замирали на верхушках крестов и звезд. Сначала от запустения и подурневшей природы кладбище показалось Удалову незнакомым, но оказалось, — это свое, родное, городское кладбище, засеянное предками, только бестолково разросшееся за последние сто лет.

Через двадцать минут они перешли и к погребениям начала XXI века.

Здесь стояли мертвые дубы и чуть живые осинки.

Но в целом царило пренебрежение к покойникам, словно некому было заходить сюда с цветами или просто посидеть... Удалов миновал ряд незнакомых могил и вдруг ощутил болезненный удар.

Он стоял над небольшой каменной серой гранитной плитой. На ней было вырезано имя:

«Удалов Максим Корнелиевич».

А чуть дальше — как взгляд метнулся! — словно за грибами пошел Удалов, чуть дальше, рядом, две могилы:

«Удалова Ксения Сергеевна»...

А неподалеку кто-то завопил, как изрезанный, — это был отставной полковник ДОСААФ.

— Брат мой! — кричал он. — Братишка Василий! На кого ты меня оставил!

Этот крик заставил Удалова отрезветь и прийти в себя.

«Ничего особенного, — сказал он себе. — На самом деле Ксения жива, и я к ней вернусь... Но где же место моего погребения? Что случилось со мной?»

— Простите, — Минц обратился к сторожу. — Вы не посмотрите в своем списке, есть ли здесь моя могила? Меня зовут Минц, профессор Минц, Лев Христофорович.

— Не может быть! — откликнулся сторож. — Неужели мне довелось лично увидеть нашего знаменитого земляка? Разрешите пожать вашу руку!

Сторож снял коническую шляпу и склонился к руке Минца. Тот смутился, руку вырвал, вдруг испугавшись, что сторож вздумает ее поцеловать.

— Ну как можно! — отвечал он багровея, — я же обыкновенный естествоиспытатель. Не более великий, чем Павлов или Менделеев.

На звук взволнованного голоса шоп-туристы оборачивались, отрываясь от поиска собственных могил.

Удалов с торжеством смотрел на Чикиту. Та молча кривила красные губы. На нее произвели впечатление слова сторожа.

— О нет! — громыхал сторож. — Берите выше! Не скромничайте! — Вы — наш родной Фарадей!

— Еще чего не хватало! — обиделся Минц. — Только не Фарадей. Если вам хочется меня обязательно сравнивать, ну возьмите, к примеру, Гумбольдта или Аристотеля.

Тут Минц осекся, понял, что стал центром внимания современников, и полушепотом спросил:

— Так где же мое погребение?

— В пантеоне. Разумеется, в Московском пантеоне! — сообщил сторож. — Не здесь же, на этом заброшенном провинциальном кладбище...

— А я? — спросил Удалов.

— А вы кто, простите, будете?

— Удалов, Корнелий Иванович.

Сторож принялся водить пальцем по странице, перевернул. И Удалов вдруг воспылал странной тщеславной надеждой: сейчас сторож сообщит, что захоронения Корнелия Удалова на этом кладбище не наблюдается, а похоронен он в Галактическом центре, в районе звезды Сириус, как ведущий специалист Вселенной по межпланетным отношениям... Должны ведь в конце концов отметить его прошлые заслуги перед Галактикой!

— Есть. Удалов Корнелий Иванович, — обрадовался сторож, — вон там, за кустами. Вы пошуруйте палочкой.

Удалов огорчился. Не с чего было огорчаться, а огорчился.

Он продрался сквозь кусты и увидел свою могилу.

— А когда я умер? — крикнул он сторожу.

— Ну как вам не стыдно об этом спрашивать? — откликнулся тот. — Мы же все даты заклеили, как только узнали, что путешествие во времени к нам открыто. Неужели мы имеем право выступать в роли Господа Бога?

И тут Удалов понял, что сторож не лжет — под фамилией была наклейка, замазанная затем под цвет плиты.

Тут, видно, не выдержали нервы у полковника. Он тоже догадался, что самую жгучую тайну от него скрывают, потому рванулся к своему скромному, с красной звездой над профилем, черномраморному памятнику и стал сдирать ногтями наклейку. Но начал не с той стороны — слева. Из-за этого показались даты его рождения, а узнать о смерти турист не успел. Из-за кустов выскочили два стража. Видно, затаились там в ожидании подобного инцидента. Полковнику заломили руки назад — не грубо, но уверенно — и потащили к выходу. Полковник сопротивлялся. Как военный человек он догадался, что сражение проиграно, но сдаваться не любил.

Остальные, уже посмотревшие на свои могилы, стояли пассивными свидетелями. Минц прошептал Удалову:

— Пошли, самое время затеряться.

И они согласно шагнули в кусты.

Их исчезновения не сразу хватились — внимание отвлекал полковник.

Минц с Удаловым сначала быстро шли по тропинке, потом Минц углядел проход в кустах, за старым монументом, с детства знакомым Удалову, только сильно одряхлевшим, который принадлежал жене купца Якимова. Собственный же монумент Якимова бы снесен еще в 30-е годы XX века.

— Ты думаешь, он нас найдет? — спросил Удалов.

— Он должен за нами наблюдать.

— Я и наблюдаю, — сказал кладбищенский сторож. Как это он успел их обогнать и спрятаться за кустом?.. — Времени у нас в обрез. Показывайте, что можете предложить. Я ведь страшно продажный.

Минц и Удалов показали остатки сокровищ.

— Мало, — сказал сторож. — Пиджаки тоже отдадите.

— Если ваш рассказ нас заинтересует, — сказал Минц.

— А как же не заинтересовать? — удивился старый сторож. — Я же головой рискую.

Они присели за памятником, так чтобы их не видно было с дорожки.

Сторож рассматривал трофеи, но отвечал охотно. Хотя неизвестно, насколько правдиво и насколько исчерпывающе.

Первый вопрос Минца прозвучал для Удалова странно:

— Когда появились путешествия во времени, кто их устроил и кому они нужны?

— Путешествие во времени существует только в городе Великий Гусляр, — ответил сторож, — начались путешествия на той неделе, и не сегодня-завтра их прикроют. А устроили их наши городские власти.

— Почему? Почему их прикроют?

— Потому что путешествия во времени категорически запрещены и, если бы не крайняя нужда, наш город никогда бы не пошел на нарушение запрета.

— Но путешествовать в будущее нельзя! — повысил голос Минц.

Сторож прижал палец к губам и ответил шепотом:

— А кто сказал, что это путешествия в будущее?

— Я. Потому что еще вчера я жил за сто лет до вас.

— Чепуха. Эти путешествия организованы нами, проводятся нами, значит, они — путешествия из будущего в прошлое, что, как известно, и теоретически, и практически возможно и даже широко практиковалось в городе Великий Гусляр.

— Значит, они нам только кажутся путешествиями в будущее, — произнес Минц. — Интересная мысль...

— Так и доложите президенту Академии наук, — заметил сторож, чуть усмехнувшись.

— А вы откуда знаете?..

— Из вашей желтой и продажной прессы. Со страниц ваших газет, сообщивших о якобы имевших место в Великом Гусляре контактах с будущим. Но учтите, что вы будете разоблачены и поставлены на место.

— В это я верю, — сказал Минц. — Так зачем вам нужны путешествия во времени? Зачем было устраивать эти шоп-туры?

— Объясняю, — усталым голосом произнес сторож. Он снял темные очки и его лицо показалось Удалову знакомым.

— Не смотрите на меня так, — сказал сторож. — Вы помните председателя Белосельского? Считается, что мы с ним очень похожи. Я прихожусь ему правнучатым племянником.

— Верно, — воскликнул Удалов. Он обрадовался, словно встретил знакомого в пустыне американского универмага.

— Вы нам нужны для компенсации. Не известно, дадут ли плоды наши усилия, но должен сказать, что наша попытка — отчаянная попытка. Мы рискуем всем. Наш город могут попросту закрыть... и будут правы.

На глазах сторож изменился. Не сторож это был, а государственный муж, который печется о судьбе своей земли.

— Граждане предки, подумайте, что же вы, неразумные, жадные и грязные, наделали с нашей родимой Землей! — голос сторожа дрогнул. — И хуже всего досталось моей родине. Большевики гнали план и воровали, капиталисты и «новые русские» воровали и хапали, чиновник получал взятки за то, что дозволял хапать и уничтожать... Америка и Германия спохватились, развели у себя «зеленых», начали бороться... они сейчас почти все восстановили. Если не считать озоновых дыр — нашего общего несчастья! Мы же не только забыли о естественных продуктах, о натуральной пище, мы — генетические обломки прошлого. Вы видели, насколько равнодушны ко всему мои немногочисленные современники? Когда инициативная группа Великого Гусляра в составе... — тут Белосельский вытащил из кармана плаща смятую бумажку и начал зачитывать список инициативной группы, — в составе Белосельского, Ираклия Удалова, Теодора Стендаля, Хосе-Марии Ложкиной и других граждан решилась на нарушение закона о временных путешествиях исключительно для того, чтобы обеспечить единовременное снабжение Великого Гусляра натуральными продуктами и генофондом, — мы понимали, на что идем!

Сторож замолчал, а Удалов подумал: никогда мне не увидеть этого самого Ираклия Удалова. Почему Ираклия? Неужели кто-то из его потомков на грузинке женится?

— Почему Ираклий? — спросил Корнелий.

— Не отвлекайтесь, — сказал сторож. — Откуда мне знать, почему Ираклий? Пробыл шесть лет в плену на Кавказе, вернулся Ираклием. Мы не задаем лишних вопросов.

— Значит, понадобились натуральные продукты? — спросил Минц.

— Я рассказал все, что мог.

— И генофонд?

— Больше я говорить не вправе.

— И долго это будет продолжаться?

— Завтра закрываем.

— Неужели так удачно? Получили все, что хотели?

— Энергии не хватает.

— А еще дальше в будущее можно заглянуть?

— Нет. Там загородка. Ведь путешествия в будущее невозможны, а оттуда никакого привета. Живем в полной неизвестности...

— Вам можно только посочувствовать, — сказал Минц. — Возьмите ваш гонорар, — он протянул сторожу колечко и монетку.

— Спасибо, не надо. Все ваши товары после окончания тура свозятся в горсовет. А в покупателях состоят только сотрудники местных органов.

— И вы не допускаете жителей?

— Конечно, нет. Мы ведь и так нарушили запрет.

— А эти... агентство «Голден гууз», тоже ваши? — спросил Удалов.

— Нет, это настоящие посредники, корыстные люди, не более того.

— Значит, ваш эксперимент подошел к концу? — спросил Минц.

— Вы совершенно правы. Это тоже будет небезынтересно узнать господину президенту Академии наук и всем вашим спецслужбам, которые, Лев Христофорович, после вашего необдуманного звонка в Москву вот уже сутки обсуждают, чего ждать: то ли третьей мировой войны, то ли всеобщего и полного разоружения.

— Но этого не произойдет?

— Ни того ни другого.

Удалов старался не слушать голосов и шуршания в кустах. Шум приближался с разных сторон. Видно, их хватились и искали.

— Минц, — сказал он профессору, — задавай последний вопрос и будем сдаваться — нас уже почти настигли.

Минц улыбнулся... Сторож напялил черные очки и стал похож на навозную муху.

— Были ли вы до конца искренни с нами? — задал Минц свой последний вопрос.

— Почти... — неопределенно ответил сторож, — остались мелкие детали.

— Такие ли уж мелкие?

Сторож рассмеялся:

— Все они поместятся в моей конической шляпе!

На смех из-за памятников выпрыгнули стражи. При виде сторожа вытянулись во фрунт, и первый из них сказал:

— Простите, гражданин председатель, мы искали сбежавших шоп-туристов из прошлого.

—Ничего страшного, — с доброй улыбкой ответил кладбищенский сторож, — получайте моих милых гостей, пускай отдыхают и возвращаются к себе домой. Удовлетворенными и обеспеченными синтетическим товаром. К сожалению, мы не смогли сохранить многие дары природы, но в имитации природы мы достигли больших высот. Все у нас имеется в копиях. Практически все. Иначе бы не выжить...

Сторож грустно усмехнулся, и стражи стояли вокруг в скорбном молчании.

* * *

С кладбища заехали в гостиницу за молодыми людьми.

Те вышли усталые, но довольные, как туристы после выходного дня. Их спутницы — рыжая хохотушка бритого парня и очаровательная скромница Миши Стендаля шли рядом, как стреноженные и усмиренные кобылки. Рядом и на полшага сзади. Очень выразительно.

Остальные туристы встретили их шутками, но шутки были незлыми, потому что все были удовлетворены путешествием.

Автобус провожали несколько покупателей в штатском, в том числе бабушка, расставшаяся со своей служанкой Галочкой.

Кавказец сидел за рулем. Чикита уселась на свободное место рядом с Удаловым и принялась красить губы.

— Устали? — спросил он сочувственно.

— Да нет, день был спокойный, — ответила женщина, — без скандала.

Удалов смотрел на Стендаля и Галочку. Они сидели по ту сторону прохода, нежно обнявшись. Стендаль учил Галочку песне о желтой подводной лодке. Галочка преданно внимала. «Как грустно сознавать, — подумал Удалов, — что она всего-навсего надувная кукла. И Мише никогда на ней не жениться».

— И надолго у вас контракт? — спросил Минц у Чикиты из агентства «Голден гууз».

— Завтра кончается, — призналась женщина. — А жалко. Я сама бы кое-что себе приобрела, но с вами разве успеешь? Столько времени на кладбище потеряли...

Минц, сидевший сзади, вздохнул так тяжело, что звук донесся до Удалова.

— Думаешь о том, что сказать президенту? — спросил Удалов обернувшись.

— Посоветую не вмешиваться, — ответил Минц. — Чувствую, что наш поезд ушел.

— А что этот сторож про шляпу говорил?

— Его слова требуют внимательного анализа, — ответил Минц.

Отставник запел песню «Все выше, и выше, и выше, стремим мы полет наших птиц». Песня была бравая, военная, может, даже довоенная.

Некоторые стали подпевать. Кавказец Георгий, который сидел за рулем, тоже стал подпевать, но на грузинском языке.

Сошли у агентства. Было уже темно.

* * *

Удалова охватила тревога.

Нечто чуждое, как при инопланетном вторжении, присутствовало в воздухе Великого Гусляра. Пошатывались тени за заборами и кустами, пробежала собака служебной масти, далеко-далеко послышался шум танкового мотора... Когда Удалов с Минцем отошли от агентства шагов на пятьдесят и распрощались на углу с отставником и бритым парнем, который увлек за собой рыженькую девицу, в щели штакетника блеснул фонарь, уперся лучом в лицо Удалова, переметнулся к Минцу.

— Сдаемся, — сказал Удалов. — Желательно получить пощаду.

— Получите, — засмеялся президент Академии наук, выходя из-за фонарного столба. Он был в маскхалате, на голове фуражка с государственным орлом. — Как дела, ребята? А то нас тут комары зажрали.

— У вас машина есть? — спросил Минц.

— Я бы хотел сначала задержаться на минутку здесь, — строго сказал президент.

— Зачем, Толя? — спросил Минц. — Мне уже все ясно.

— Мне хотелось бы сначала изолировать всех, кто там побывал, и особенно организаторов.

— Организаторы ничего не знают, — ответил Минц. — Работали на проценте. Туристы тем более не информированы.

— Надо изъять товары, — сказал президент. — Мы привезли сюда комплекс экспресс-лабораторий.

— Погоди до завтра, Толя, — попросил Минц.

— Ты можешь ошибаться, Лев, а мне уже три раза из Минобороны звонили, аппарат президента покоя не дает.

— Если ты веришь в мою гениальность, — скромно сказал Минц, — то придется тебе отозвать своих опричников. Пускай отдыхают.

Президент заскрипел зубами.

Потом сказал:

— Выходите, молодцы.

Из разных щелей и укрытий выскочили молодцы в черных чулках на рожах и в бронежилетах.

Из-за церкви Параскевы-Пятницы выехал бронетранспортер, в который попрыгали черные чулки, а президент Академии наук рывком втащил Минца в джип «чероки», который выскочил из недавно выкопанного блиндажа.

— Мы вдвоем с товарищем, — решительно сказал Минц.

— Товарищ погуляет, — ответил президент. — Есть вопросы, которые я не имею права обсуждать даже с лучшими твоими друзьями.

Минц успел высунуться из дверцы и крикнуть Удалову:

— Побеседуй с Мишей Стендалем. Это обязательно! Не упусти его.

Удалову хотелось домой. Он устал путешествовать на автобусе времени, стоять на базаре и глядеть на собственную могилу с заклеенной датой. Он хотел домой, хотел присесть на лавочку посреди двора и посмотреть, что таится в тех мячиках и шариках, которые ему подсунуло будущее.

Но Удалов не стал возражать. Если Минц просит, да еще так сильно просит, значит, беседа с Мишей Стендалем может открыть глаза на какие-то важные детали, которые Удалов в простоте своей не заметил.

Так что Удалов с тоской поглядел, как уносятся по улице огоньки машины, и стал ждать.

Ждать пришлось совсем недолго. Через минуту вышел Стендаль. Он вел под руку робеющую Галочку.

— Что за шум? — спросил он.

— Академия наук нами интересуется, — ответил Удалов.

Это Стендаля не удивило и не испугало.

— А мы задержались, — сказал Стендаль. — Мы в подъезде целовались.

— Я не могла оторваться, — призналась Галочка. — Мужчины вашего времени — это просто открытие!

— Простите, конечно, — сказал Удалов. — Но мне давно уже хочется спросить: вот у вас много разных... женщин и животных. Вас что, в компьютерах выводят или как?

— Или как, — лукаво улыбнулась Галочка. — Все у нас по-честному, все копируется. И даже моя копия где-то живет.

— Но можно сделать много копий?

— Разве это так важно?

— Это неважно, — поддержал Галочку Миша. — Я полюбил одну женщину. Только одну. Завтра я женюсь!

— О нет! — вырвалось у Корнелия. — Нельзя же так...

— Почему? — спросила Галочка, и голос ее зазвенел, как лист кровельного железа.

— Потому что вы ненастоящая! Вы надувная... вы кукла, в конце концов!

— А вам не приходило в голову, гражданин Удалов, — сказала Галочка, — что вы тоже надувная кукла? Как вас надули при советской власти, так и забыли выпустить воздух после ее конца.

— Галочка! — упрекнул невесту Миша.

— Молчи! Ты бы только посмотрел, как ваши мужчины расхватывали бесплатных девушек! Потому что все вы стремитесь к дешевым удовольствиям. Если не удастся затащить во двор слона или бегемота, то дайте мне крокодила! Но учтите, что крокодилы кусаются, а мы, надувные куклы, можем подарить радость, но можем и дать пощечину! Вы забываете, дорогой Корнелий Иванович...

«Откуда она знает, как меня зовут? Неужели это все Миша? Глупый, глупый Миша, ты попал в руки к провокаторше из будущего».

— Не отворачивайтесь, Корнелий Иванович! Я и мои подруги — детища высокой цивилизации, не вашему пещерному уровню чета. Даже в копиях мы дадим сто очков вперед самой распрекрасной вашей красавице! И учтите, Миша будет со мной счастлив, и я рожу ему много детей — сколько он

захочет. У меня внутри все для этого предусмотрено.

— Вот так-то, Корнелий Иванович, — сказал Миша. — Приглашаю вас завтра на свадьбу.

— Миша!

— Вот именно. В двенадцать!

— Адье, — сказала Галочка и умудрилась лизнуть Удалова в щеку. Язык у нее оказался в меру шершавым и в меру мокрым. А черт их знает, может, и рожать будут...

Удалов пошел домой.

У Минца горел свет. Перед подъездом в кустах таились два бойца в черных чулках на рожах, но Удалов не стал их замечать. Только сказал:

— Спокойной ночи, ребята.

Те кашлянули в ответ, в разговор вступать им было, наверное, не положено.

Удалов пошел спать — все равно в темноте трофеи на дворе не испытаешь. А завтра могут и конфисковать. Так что Удалов тщательно запрятал шарик и мячики в нижний ящик максимкиного письменного стола, которым сын ни разу не пользовался с тех пор как окончил школу.

На столе стояла тарелка, кружка простокваши и лежала записка:

«Котлеты в холодильнике. Ушибла ногу о колокольню. К.»

В доме царила тишина, во всем мире царила тишина, только слышно было, как далеко и таинственно прогреваются танковые моторы, как дышат в кустах и на крыше сотрудники Академии наук, а снизу, из кабинета Минца, доносятся голоса. Идет совещание...

* * *

Утром все обошлось.

Минцу каким-то образом удалось уговорить президента и сотрудников покинуть город, или затаиться так, чтобы их не стало слышно и видно.

Правда, Удалов проспал, и, если техника двигалась по улицам до десяти утра, он мог пропустить.

В одиннадцать он встал, покормился из кухонного комбайна, к которому уже стал привыкать, потом спустился к Минцу, рассказать и послушать.

Минц встретил его в халате. Он тоже не спал ночью, уговаривал президента потерпеть, не принимать мер, потому что сегодня вот-вот все должно решиться.

Минц спросил:

— Что же ты свои трофеи из будущего не притащил? Может, испытаем?

— Не хотел при Ксении. А вдруг там девушка?

— Если девушка, отдашь Ксении, пускай на рынок снесет.

— Стыдно девушками торговать. Среди них такие интеллигентные встречаются! — возразил Удалов.

И Удалов рассказал Минцу о вчерашней беседе с Мишей и о приглашении на свадьбу.

— Когда? — встревожился Минц.

— В двенадцать.

— Тогда я предлагаю тебе, Корнелий, не спешить с игрушками и трофеями. Сходим на свадьбу, посмотрим, как она пройдет. У меня с ней связаны особые ожидания.

— Черный костюм надевать? — спросил Удалов.

— Не думаю. Мише будет приятнее, если свадьба пройдет в непринужденной обстановке.

Так, не переодевшись, они пошли к загсу, чтобы присутствовать на торжестве.

Удалову ясно было, что Минц не случайно повел его на свадьбу. Эта свадьба была связана с тайнами и ночными перемещениями войск в районе Гусляра. Поэтому он спросил напрямик.

— Лев, что вы решили с президентом?

— По моим расчетам, через час все утрясется, — сказал Минц. — И если я прав, то все наши попытки воспользоваться путешествием во времени в интересах государства или человечества бессмысленны.

— Не понимаю.

— А вот дойдем до загса, поймешь.

Они дошли до государственного особняка без десяти двенадцать, чуть раньше новобрачных.

Вскоре появились и молодые. Галочка была в белом платье. Жених — в своем единственном выходном костюме. За Мишей шел кудрявый редактор «Гуслярского знамени» Малюжкин, который и отправил Стендаля в счастливую командировку, а также секретарша редакции Эльвира — она с трудом сдерживала слезы и желание растерзать невесту из будущего.

Вдруг с другой стороны переулка появилась иная процессия.

Шел бритый парень, его рыжая подружка, их мамаша, отец, друзья, только не было, естественно, родителей невесты. За ними медленно следовал слон с нарисованными на боках двумя обручальными кольцами.

Послышался рев мотора. Обогнав процессию, приехал Николай Гаврилов, бывший подросток из дома шестнадцать. Он привез свою невесту на мотоцикле. За мотоциклом бежала мать Гаврилова, которая была недовольна очередным браком сына, потому что после каждого развода приходилось оставлять бывшей жене одну из комнат или покупать кооператив. Из-за этого Гавриловы жили в постоянной бедности.

Если кроме Удалова и Минца (не говоря о женихах) кто-то и знал, что эти невесты вовсе не люди, а надувной синтетический товар из будущего, никто и виду не подавал.

К загсу подошла заведующая Мария Тихоновна, яркая блондинка неопределенного возраста, разговорчивая и доброжелательная.

— Ого! — воскликнула она. — У нас большой день! Полна горница людей.

Улица заполнялась народом. С обоих концов подтягивались зрители, привлеченные слухами и пересудами.

В толпе зевак Удалов увидел и президента Академии наук, переодетого цыганкой, а также двух его охранников, изображавших сенегальскую правительственную делегацию.

Значит, все же подглядывают, хоть и затаились. Впрочем, так и надо.

Мария Тихоновна сняла замок с дверей, зашла первой, остальным велела ждать в приемной, а пока заполнять анкеты.

Все расселись за столы и принялись писать.

Правда, как выяснилось, невестам пришлось придумывать фамилии, но это сделали быстро и с шутками. Только мать Гаврилова плакала. То ли от предчувствия, что скоро придется снова разменивать квартиру, то ли огорчилась тем, что молодежь придумала невесте фамилию Рабинович.

Невесты заразительно смеялись. Галочка шутила, а у обеих Эльвир шутки не получались, и они смеялись просто так.

Кого-то послали за шампанским, кто-то спохватился, что нет цветов. Цветы нарвали в саду у

Савичей, за что заплатили крикливой Ванде в долларах и взяли ее в свидетельницы.

В помещение загса набилось человек тридцать.

Подошел торжественный момент, когда анкеты сданы, взносы уплачены, в зале наступает момент тишины и даже перешептывания смолкают.

Три пары стояли перед столом регистраторши Марии Тихоновны.

— Сегодня выдающийся день в жизни Великого Гусляра, граждане, — сказала Мария Тихоновна. — Сразу три очаровательные пары подошли к моему так называемому алтарю... — тут она смутилась, потому что в наши дни шутки с религией вряд ли уместны.

По душному помещению пронеслось шуршание голосов, согласных с ней гостей и новобрачных.

— Но закон есть закон! — продолжала Мария Тихоновна. — И я попрошу брачующихся подходить ко мне по алфавиту. Первыми к столу подойдите Гаврилов с гражданкой Рабинович и их свидетели.

Мать Гаврилова продолжала тихо плакать.

Профессор Минц вытащил видеокамеру и снимал церемонию.

Камера была японская, маленькая. Точно такой же камерой снимал и президент академии в образе цыганки. Только он стоял в другой точке зала.

Слон сунул хобот в открытое окно и затрубил «Свадебный марш» Мендельсона. Никогда еще Удалову не приходилось слышать, как трубят слоны. Все засмеялись, благодаря слона за участие в церемонии.

— По доброй ли воле вы вступаете в брак? — спросила Мария Тихоновна у Гаврилова и длинноногой красавицы.

— По доброй, — сказал Гаврилов.

— Ой, по доброй! — воскликнула красавица Рабинович. — Вы не представляете, вы просто не представляете, как он умеет меня любить!

Стало уже так душно, что хотелось скорее перейти в просторную церковь или за свадебный стол.

— Тогда я вас попрошу поставить свои подписи под этим документом, — сказала Мария Тихоновна, широко улыбаясь.

Гаврилов предоставил право сделать это своей невесте.

— А можно я сразу «Гаврилова» напишу? — спросила та.

Часы над головой Марии Тихоновны, которые занимали теперь место сменявших друг дружку портретов разных государственных деятелей прошлого, пробили час.

И тут девушка Рабинович, такая красивая и воздушная, сказала:

— Ах, мне дурно... не надо...

И на глазах она стала съеживаться, уменьшаться, но не так, как раньше, когда надувная девушка превращалась в мячик, а как-то более грустно и натуралистично — из нее словно и на самом деле выпускали воздух, оставляя лишь оболочку. А ведь нет ничего более ничтожного и прискорбного, чем оболочка красивой девушки ростом метр восемьдесят.

— Ты что, погоди! — закричал Гаврилов.

Расталкивая зрителей, Минц рванулся к девушке, но не помогал, а только снимал эту трагедию на пленку.

— Мама! — закричал Гаврилов. — Верни мне невесту! Я люблю ее!

— Не надо было выбирать девушку с такой фамилией, — ответила мама, глядя в пол. Она была человеком старых, реакционных взглядов.

Миша Стендаль, заподозрив неладное, вцепился в руку своей невесты и крикнул ей:

— Бежим отсюда!

— Куда бежать? — зарыдала невеста. — Мы с тобой жертвы гадкой политики!

И дрожащим пальчиком она показала на вторую длинноногую блондинку — невесту, которая покорно упала и превратилась в тряпочку с белыми волосами. Лишь ее туфли, купленные утром в Гусляре, да белое подвенечное платье, вытащенное из семейного шкафа, остались нетронутыми этим ужасным превращением.

Ноги бритого жениха подкосились, и он упал на колени перед своей несбывшейся женой.

«Этого и следовало ожидать, — думал Удалов. — Наверное, и Минц догадался о том, что все подарки из будущего не более как фикция. Они получили от нас то, что хотели, и не пожелали делиться с прошлым передовыми технологиями. Исторический эгоизм, можно даже сказать — цинизм, столь свойственный любой развитой цивилизации. Но почему я, со всем моим житейским и космическим опытом, при всем моем незаурядном уме так и не смог догадаться, что же надо от нас будущему?

Мы — время неопределенности. Мы не знаем, от чего избавились и не знаем, к какому берегу пристать. Даже не исключено, что к берегу, от которого мы отплыли, нас тянет еще сильнее, чем в открытое бурное море. Подкинули нам девиц — взяли девиц и стали придумывать, куда их приспособить. Пожертвовали нам слона — взяли слона. Даже с будущим мы общаемся на авось... Так заслуживаем ли мы снисхождения... Ведь даже я, человек в принципе честный и бескорыстный, так и не удосужился проверить, что хранится в шариках и мячиках, полученных в будущем. Я откладывал это, якобы боясь, что там окажется слон или крокодил и он повредит мне мебель и обстановку, хотя никто не мешал мне выйти для испытаний во двор... На самом-то деле я боялся неожиданности. Я боялся получить девушку или женщину средних лет, в которую я влюблюсь или которая влюбится в меня, я боялся получить нечто невообразимое, что принесет нашей планете чесотку или кариес. Но почему я должен ждать чесотку от собственных внуков? Зачем они станут делать нам гадости?..

Гадостей они не сделают, но и помогать не будут. Мы, русские люди, предками только и гордимся».

Удалов задумался глубоко и, как всегда, не вовремя. Пока он витал в облаках, исчезла и Галочка. Затем из-за окна донеслись крики, и те, кто был ближе к окну и смогли выглянуть наружу, сообщили, что могучий слон превратился в серую шкуру. И ребятишки начали резать шкуру и растаскивать по домам, но тут из-за угла выскочили люди в черных чулках на рожах и унесли шкуру слона в свой танк, который таился в кустах.

«Ну что ж», — вздохнул Удалов, стараясь не слушать страшных криков и причитаний толпы. Он решил увести рыдающего Мишу Стендаля, который только что потерял смысл жизни...

Он сделал шаг к корреспонденту и даже протянул руку, но сказать ничего не успел...

— О Боже! — раздался чей-то возглас. Но возгласом не остановить неизбежности...

Миша Стендаль начал съеживаться, уменьшаться, и через несколько секунд обнаружилось, что Удалов смотрит на лежащий возле его ног костюм,

рубашку, галстук... Десантники из окружения президента уже прибежали с лопатой и носилками. На эти носилки они положили тела Миши, Гаврилова и бритого жениха — из чего следует догадаться, что пока Удалов глазел на гибель Миши Стендаля, остальные женихи тоже сдулись.

— Это выше моего понимания, — сказал Удалов. — Куда выше.

Вокруг выли, кричали и ругались родственники. Требовали прокурора и намеревались жаловаться в газету.

Удалов же пробился к Минцу, который как раз закончил съемку. Он засунул камеру в сумку, что висела на плече, и пошел к президенту, отступавшему к выходу. Путь ему прокладывали могучие десантники.

А когда все они вышли на улицу, то Удалов увидел, что оболочки, шкурки людей и слона постепенно исчезли, словно испарились. И хотя Президент приказал взять на анализ одежду погибших, ясно было, что он не надеется поживиться ради науки.

— Пленку отдашь? — спросил президент, когда они уже стояли на свободе под августовским, одновременно жгучим и прохладным солнцем...

— Сам сначала просмотрю, — сказал Минц.

— Только копий не снимать, — велел президент.

— Ты думаешь, что все забудется?

— И скоро, — ответил президент.

Он снял черный лохматый парик и вытер им потное лицо.

— А как же матери, — вмешался Удалов, — друзья, родственники? А ведь я поверил кладбищенскому сторожу, что они не желают нам зла...

— Никто не желает нам зла! — крикнул Минц. — Неужели ты ничего не понял?

— Я понял, что произошло убийство! — громко возразил Удалов.

— Тише, тише, — постарался успокоить друзей президент. Голос его звучал глухо, потому что он стаскивал через голову цыганскую юбку. — Трагедия — тоже понятие субъективное. Минцу кажется, что трагедии нет, а Удалову кажется, что трагедия есть. Я же как истинный ученый и государственный деятель обдумываю, как компенсировать нанесенный ущерб. То есть примирить ваши несовместимые точки зрения — трагедия была и ее не было.

— И что же ты намерен для этого сделать, Толя? — спросил Минц.

— Уехать. Ты прав, Лев, ты прав, — согласился президент, — я просто уеду отсюда.

— Значит, ты поверил мне, что заговора против нас не было? Что это попытка разрешить их собственные проблемы...

— Если они для этого могли убить наших парней, — не выдержал Удалов, — значит, они наши враги!

— Погодите, Удалов! — рассердился президент. — Дайте мне уехать.

— От ответственности?

— Минц, уведи этого маньяка!

— Уведу, если ты поклянешься мне, что никто в городе не пострадает.

— Я не буду проводить конфискаций, — усмехнулся президент. — И ты знаешь, почему.

И Удалов с горечью догадался — почему. Да потому что никаких предметов и покупок из будущего уже нет, не существует, они растворились в воздухе.

— И ты не боишься, что в нас вживили жучки, что нас отравили вирусом шпионажа? — Минц ехидно усмехался.

— Не нужны им ваши души и головы! — закричал президент.

Прокричав это, президент полез в машину.

Джип умчался к столице, к большим делам. За ним, показавшись на мгновение из тучи подсвеченной уличным фонарем пыли, вылетел танк сопровождения и скрылся в другой туче.

— С наукой покончено, — сказал Минц. — Осталась лишь человеческая трагедия. Скоро домой из загса вернется мать Гаврилова...

— Какая ужасная судьба! — сказал Удалов.

Он последовал за Минцем в кабинет. Не хотелось идти домой и отвечать на вопросы Ксении. Все равно хорошим все это уже не кончится.

— Даром ничего не дается, — сказал Минц, словно подслушав мысли Удалова.

— Нельзя быть таким жестоким, — упрекнул друга Удалов. — Дети погибли, молодые мужчины... на пороге семейного счастья.

— Да? — Минц поставил на плиту чайник. — Тогда ответь мне, что надо путешественнику во времени? Если он едет из прошлого в будущее — то достижения человеческого разума, вещи, предметы, радости жизни, которые в конце концов обернутся не радостями, а испытаниями, если вторгнутся в жалкую цивилизацию, подобную нашей. А если он отправился из будущего в прошлое?

— Я знаю, — сказал Удалов, — я думал. Им нужны естественные предметы, шелк и хлопок, янтарь и огурцы, мед и кедровые орешки — они истратили все, что есть на Земле, и теперь тоскуют.

— А тебе не кажется, что это наша вина? Что это мы истратили то, что есть на Земле, а им оставили только озоновые дыры и необходимость всюду ходить в широких шляпах и плащах, чтобы меньше подвергаться действию космических лучей.

— Ты хочешь сказать, — испугался Удалов, — что, убив юношей, они нам отомстили за погубленные леса и нивы, опороченные реки и испоганенный воздух?

— Корнелий, перестань! — отмахнулся Минц. — С какой стати внуки будут мстить дедушкам? Истреблять их, чтобы самим не родиться на свет?

— Но они же их убили!

— Обрати внимание — они не тронули ни одного женатого мужчины. Исчезли лишь холостяки.

— Ну и что?

— Ты так и не ответил на вопрос: что нужно человеку будущего от своего прадеда? Чего он не имеет?

— Не знаю!

— Им нужны молодые силы. Понимаешь, им нужны здоровые отцы для своих детей.

— Какие еще отцы?

— Сегодня наш город недосчитался шестнадцати молодых людей.

— Шестнадцать мертвецов!

— Нет, не мертвецов! Наши с тобой земляки: и Стендаль, и Гаврилов, и неизвестные нам люди — все они живы и сегодня празднуют свои свадьбы с оригиналами тех кукол, которые исчезли сегодня у нас.

— Они там? В будущем?

— Как же ты не догадался? Они получили от нашего времени то, чего были лишены из-за экологической катастрофы. Неужели ты не заметил, что в будущем нет детей?

— Я думал, что они в школе.

— Будущее — трагическое общество, и виноваты в этом мы с тобой, потому что губили Землю, а Земля отомстила человеку. Теперь пора платить по счетам. Подобно тому, как самых прекрасных греческих девушек отправляли в лабиринт к Минотавру, так и мы отправили, сами того не подозревая, своих молодых людей в будущее, чтобы они стали отцами нового и, может быть, славного поколения гуслярцев.

— Значит, провели нас на куклах?

— Это был тонкий эксперимент. Сначала они подсылали к нам копии, так чтобы молодые люди могли выбрать себе девушку по вкусу. Затем во время визита в будущее девушка уводила молодого человека в спальню. Если у них зарождалось настоящее чувство, юношу оставляли там, а нам возвращали копию девицы вместе с копией жениха.

— Значит, мы здесь женили копию на копии?

— Точно. А настоящие сейчас гуляют на свадьбе в конце двадцать первого века.

* * *

Вроде бы не стоило расстраиваться, но Удалов ушел к себе удрученный. Ксения встретила его неласково: почему-то она решила, что Удалов замешан в похищении ее покупок из будущего. Пропеллер, кухонный комбайн — все исчезло.

Удалов, как смог, объяснил Ксении, что виноваты в том правнуки.

Ксения не до конца поверила, но ушла спать.

Дождавшись, пока он останется один, Удалов выдвинул нижний ящик Максимкиного письменного стола. Понимал, конечно, что ничего там нет и быть не может, но все же полез — обидно было, что халат отдал, а зонтика нет.

Ящик был пуст.

Удалов запустил руку вглубь. И вдруг его пальцы натолкнулись на мячик.

У него захолонуло сердце. Неужели забыли? Забыли отобрать?

Но что это?

А вдруг это провокация? Удалов вышел на улицу и прошел до сквера. Не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, какое у него сохранилось сокровище.

Там, где собирались курильщики из стоявшего неподалеку туберкулезного диспансера, он положил мячик на горку окурков и щелкнул пальцами.

Из мячика не получился ни слон, ни девушка, ни зонтик.

Там был конверт официального вида, толстый, тугой и гладкий.

Когда Удалов все прочел, он отнес бумаги из конверта Минцу, а тот сдал их президенту академии. В конверте находились документы на выплату пенсии в швейцарских франках родителям и близким всех молодых людей, которые остались в будущем, чтобы цепь поколений человечества, вернее, той части его, что обитает в Великом Гусляре, никогда не прерывалась.

Ежемесячный иллюстрированный журнал-дайджест

«СПУТНИК»

- издается с января 1967 года на русском, английском и немецком языках;
- знакомит с самыми лучшими, интересными и разноплановыми материалами из десятков российских газет и журналов;
- имеет тысячи читателей на всех континентах.

Присоединяйтесь к ним!

По вопросам распространения рекламы и подписки на «Спутник» обращайтесь:
Россия. 103786, Москва, Зубовский бульвар, д.4,
Телефон: (095) 230-30-97, 201-57-28.
Телефакс: (095) 230-21-70, 230-26-67
Телекс: 411323 RIA

Вячеслав Басков

РЕБЕНОК ПОД НОГАМИ

Читатели, наверное, заметили, что в грядущем, которое нарисовал Кир Булычев, нет детей, «нашего будущего», как говаривали в пору строительства коммунизма. Не оттого ли, что новая власть по-большевистски взявшись построить капитализм «в четыре года», решила проблему взращивания граждан нового общества с присущей ей непоколебимостью. В «светлое будущее», то есть в десятый класс средней школы решено брать только «самых достойных». Остальные, не выдержавшие тест на право жить при капитализме, выбрасываются не только из школы, по сути — из жизни. У фантастов не хватит мужества заглянуть в завтрашний день такого общества.

С будущим всегда проблемы. Люди, которые счастливо пребывают в состоянии НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ (когда протекание действия совпадает с моментом говорения), устроены чрезвычайно практично. С такими хорошо на базаре выбирать картошку. Однако жарким летом 1992 года большую часть личного времени они проводили отнюдь не на бедных московских рынках: наоборот, их нельзя было выгнать на свежий воздух из тогда еще неважно оборудованного кондиционерами и микрофонами зала Дома Советов Российской Федерации, прозванного в скором времени «Белым домом», где они обсуждали Закон об образовании. И 10 июля президент его подписал.

А полтора года спустя, когда тех практичных людей в Белом доме уже давно не было, ему пришлось выносить на всенародный референдум проект конституции России, и в нем, в этом основном законе, пришлось просто повторить то, что уже было записано в Законе об образовании. Практичные люди записали в статье 19, что «общее образование включает три ступени соответствующего уровня образовательных программ: начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование». Разложив образование на три, как они пишут, «ступени», практичные люди объявили, что «основное общее образование и государственная аттестация по его завершении являются обязательными». Тем самым они отменили всеобщее среднее образование, какое бытовало в России долгие годы и было записано в брежневской конституции. Они самовольно снизили планку общественного сознания со «среднего образования» до «основного общего», то есть до девяти классов. В статье 43 Конституции Российской Федерации та же мысль изложена еще короче: «Основное общее образование обязательно». Звучит красиво и можно подумать, что «основное общее образование» — это ого-го! На самом же деле оно, — как бывшая семилетка, а к описываемому моменту, когда в школах был введен 11-й класс, — девятилетка. Конституция была просто-напросто подогнана под Закон об образовании!

Но уже тогда, на склоне жаркого лета 1992 года, страна вступила в непредусмотренное практичными людьми будущее, и мы его увидели своими глазами: из школ повыгоняли тех окончивших девять классов, чьи отметки были учителям не по душе. А заодно и тех, кто просто никогда не нравился. Юноши и девушки, которые пришли 1 сентября 1992 года в школу в свой десятый класс, вернулись домой с опрокинутыми лицами: их в школу не пустили. В десятый класс взяли, оказывается, только тех, у кого были пятерки и четверки, остальным велели скрыться с глаз долой.

И началось... Куда податься бедному беспачпортному? Выброшенные на улицу дети 14 — 15 лет попали в дурные компании, стали, естественно, хулиганить, заниматься обоеполой проституцией, пополнили бандитские группировки, организовали новые. На их счету убийства, они вовлекли в энергичную и заманчиво таинственную уличную жизнь своих сверстников, которые еще ходили в школу, где каждый день слышали, что «мучаются тут с ними» последний год, дальше учиться их не пустят. Не вытерпев давления на психику, многие перестали ходить в школу уже с шестого класса. Заранее! В газетах, правда, иногда писали о том, что детская преступность что-то, знаете, немножко стала большой, но вообще в стране детьми заниматься перестали. Сообщение о каком-то детском преступлении в газетах появляется даже теперь крайне редко и всегда с тем, чтобы заинтриговать читателя, привлечь подписчика.

Нужно заметить, что к взрослой жизни дети адаптировались в считанные дни. Уже ранней осенью того, в высшей степени памятного, 1992 года детей заметили на далекой окружной дороге в Москве, где они продавали бензин. Они начали торговать газетами, папиросами, спиртным. Сейчас все это продолжается, мы к этому привыкли — но началось-то это в сентябре 1992-го, когда Верховный Совет под управлением Хасбулатова принял — на радость школьным учительницам! — Закон об образовании!

Но самое любопытное в этом то, что от детей на улицах в восторге иностранцы. Они говорят, что вот теперь в России началась нормальная жизнь, потому что нарастает класс предпринимателей. Они, вероятно, не читали Закона об образовании и всерьез думают, что эти хорошие дети, торгуя на улицах в свободное от учебы время, глотают воздух свободы. На самом деле в Кодексе законов о труде сказано, что ребенок, достигший 14 лет, может быть принят на работу только во время школьных каникул, а если он не учится, то в те же четырнадцать лет принят на работу быть не может. Тут между двумя законодательствами некоторое противоречие: почему это работать можно школьнику, у которого голова занята уроками, и нельзя нешкольнику, у которого голова свободна?

В оправдание иностранцам, которые плохо знают наши законы, следует сказать и то, что они были первыми, кто заметил в Москве бездомных детей и кинулся им на помощь. Международная неполитическая организация «Врачи без границ» устроила несколько так называемых акций по вылавливанию детей на московских вокзалах, чтобы накормить и освободить от вшей. Местные жители любят ужасаться видом детей между автомобилями возле светофоров (дети торгуют прессой и бутылками воды), на обочинах дорог (дети там торгуют всякой всячиной), возле гостиниц (там идет самоторговля), в метро (там дети побираются, выдавая себя за сирот или беженцев), на тех же вокзалах, где

возможность есть для любого промысла, — и не умеют детям чем-то помочь, как это сделали иностранцы. В самом деле, как помочь БУДУЩЕМУ, если сами мы, такие несовершенные, живем ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС? Мы не знаем, как это делается.

Мы в своем невежестве убеждены, что учителя обязаны заниматься детьми. Конституция России с нами не согласна. Она уведомляет нас о следующем: «Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования». Об учителях в конституции даже не упоминается, учителей словно бы в стране вовсе нет! Там говорится лишь, что «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования».

Учителя лютуют. Свободные отныне от соблюдения конституции, они установили в «образовательных учреждениях» свои жестокие порядки. До девятого класса, пока ребенку не исполнится 15 лет, они с детьми еще кое-как возятся. И то, согласно пункту 6 статьи 19 своего любимого Закона об образовании, они теперь вправе распрощаться с ребенком уже в 14 лет, «до получения им основного общего образования». Для этого требуется лишь согласие родителей. В некоторых ситуациях, изобретенных самими учителями, согласия родителей можно избежать. Если «обучающийся» ведет себя плохо, то он может «оставить образовательное учреждение» по инициативе учителей за год до своего пятнадцатилетия. От педагогов требуется только в трехдневный срок «проинформировать органы местного самоуправления». Это очень просто, потому что органов самоуправления еще почти нигде нет, за них еще идет борьба. Словом, любой человек школьного возраста, независимо от пола и расовой принадлежности, чувствует себя в полной зависимости от учительского произвола.

Еще в 1994 году московские школьники и их родители переживали настоящий стресс, связанный с отчислением из школы после девятого класса и перед необходимостью «держать конкурс» в десятый класс. Не все дети оказались в состоянии выдержать учительский прессинг. По Москве ходят слухи о мальчике, который утром пошел в школу и не вернулся, родители искали его два месяца, милиция несколько раз приглашала их на опознание детских трупов. И вдруг он объявился... на арбузной площадке возле школы. Выяснилось, что, когда он возвращался из школы, продавец арбузов попросил его постеречь гору арбузов, а когда вернулся, то уплатил сторожу сто тысяч рублей. Мальчик остался жить на арбузной площадке, потому что боялся вернуться домой. Он там обжился: уже работал дворником, ему чуть было не дали комнату в ближайшем доме и платили большие деньги. В школу он перестал ходить, потому что ему сказали, что все равно в институт ему не поступить...

Рассказывают и о другом мальчике, которого учителя допекли своими выговорами и воспитанием до того, что он просто перестал ходить в школу и стал разгружать во дворе хлебный фургон...

Учителя живут настоящим. Обучение и воспитание — эти две нагрузки им не по силам. В Департаменте народного образования Москвы работают люди, совершенно искренне полагающие, что ребенок, который перестал ходить в школу, связался с дворовыми хулиганами, — чужой ребенок.

«Вам нужно обращаться в милицию», — сказали мне.

О, это не традиционное советское «равнодушие»! Это новейшее хладнокровие: сотрудники Департамента народного образования прекрасно знают, что человека можно привлечь к уголовной ответственности именно с 14 лет. Вот почему на этом возрасте прямо-таки зациклился хасбулатовский Закон об образовании, вот почему на нем основано и свеженькое административно-педагогическое спокойствие. ДЕТЕЙ больше нет. Есть ЛЮДИ, которые или хотят учиться, или не хотят. Живи в наше время Пушкин, его бы отчислили из лицея и за плохие отметки, и за плохое поведение. Детей для Департамента народного образования нет настолько, что он своей волей упразднил школу для детей-преступников, которая была открыта на Лосином острове. Одной рукой он детей из школ вышвыривает, не дает учиться, а другой закрывает учебное заведение, которое все-таки реабилитировало подростков и возвращало их на путь истинный. Работники милиции, которые силою обстоятельств вовлечены в детские судьбы, просто не знают, куда неблагополучного подростка девать: раньше его пугали школой на Лосином острове, потом, если «пропаганда» не помогала, туда везли. А теперь несовершеннолетнего правонарушителя насильно увозят в другие области, в другие школы, где за содержание каждого ребенка требуют больших денег.

Детей, конечно, нет, но они растут, и в них видим будущее мы. Других, более объективных, ориентиров не существует. Было глупенькой, легкомысленной, кокетливой девочке 14 лет, учителя поставили на ней крест, оставила она школу и стала учиться на продавщицу, закончила месячные курсы кассирш. Прошло всего два года — и перед нами взрослая женщина, мать грудного младенца. Считать она умеет с трудом. Читает неважно. Ругаться с покупателями умеет отлично. Жизнь знает превосходно: ее муж-не- муж оставил ее беременную и попал в тюрьму, она теперь, «как взрослая», в определенные дни недели ездит по Казанской ж/д в тюрьму на свидания, возит передачи. Она не успела пройти «Евгения Онегина», «Войну и мир», «Недоросля»... Она темная. Вот она и есть наше светлое будущее.

Как же совместить ее и миллионы ей подобных, кого мы видим на тротуарах, на мостовых, на вокзалах, с прекрасной 21-й статьей Конституции: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для ее умаления»? Разве ничто? А Закон об образовании?

Несмотря на то, что печать безмолвствует, учителям в последнее время стало не по себе. Их комфортное состояние, с которого началась эта статья, нарушили письма родителей президенту. 8 июля 1994 года Министерство образования выпустило распоряжение № 1008 «Об утверждении типового положения об общеобразовательном учреждении», в пункте 47 которого разрешило устраивать конкурсы для старшеклассников только в спецшколах с углубленным изучением какого-то предмета. Министерство пошло дальше и подготовило «Проект закона «О внесении изменений и дополнений в «Закон Российской Федерации об образовании». Здесь речь идет о том, что школы не могут отлучать детей от образования и обязаны принимать их в старшие классы,невзирая на отметки. И вот тут-то и началась борьба!

«Проект закона» был утвержден Государственной Думой 11 октября 1995 года (N1179-1 ГД) и направлен на рассмотрение Советом Федерации. Совет Федерации его утвердил, и «Проект» пошел на подпись президенту. Однако оттуда он был возвращен в Совет Федерации потому, что при голосовании были допущены нарушения регламента. «Проект» был переголосован с соблюдением всех норм и правил и направлен на подпись президенту вновь. Но тут — выборы, скоро президентские выборы... Когда же в Закон об образовании будут внесены полугуманные изменения? В самом деле, почему конкурсы сохранили в спецшколах? Что в них, ей-Богу, такого, чтобы школьник чувствовал себя там, как на иголках? Если бы отличия в правилах обучения были разрешены в зависимости от формы собственности школы (в частной школе одни порядки, в государственной — другие), то это было бы понятно. А пока что и школы, и лицеи, и гимназии, и спецшколы — в основном государственные и содержатся на наши налоги.

Все-таки учителя не сдаются. Власть над детьми — для них неизменный атрибут профессии. Они не могут не командовать будущим, не держать его в ежовых рукавицах.

...Конечно, президент подпишет «Проект» вот-вот. Он у нас на руку скор. Еще не успеет наступить будущее с его проблемами...

«Крутицкий: — У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумов: — Я ленив был учиться, ваше превосходительство.

Крутицкий: — Ну, что ж, это неважно. Очень-то заучишься, так оно, пожалуй, и хуже».

А. Островский. «На всякого мудреца довольно простоты».

Возможна ли победа над раком?

Новые лекарства и методы лечения, такие, как иммунотерапия и гормонотерапия, усовершенствованные методы скрининга и последние достижения молекулярной генетики, позволяющие проводить генную терапию и скрининг ДНК, дают надежду онкологическим больным более оптимистично смотреть в будущее, заявили представители лондонского Императорского фонда раковых исследований. «В наших фундаментальных знаниях произошла целая революция», — сказал на конференции по обмену новостями в этой области медицины Уолтер Бодмер, генеральный директор Фонда. — «За последние 15 лет в лабораториях достигли удивительно многого. Это была поистине золотая эра исследований в биологической науке». Бодмер рассказал, что Британский департамент здравоохранения обратился в Фонд с просьбой оценить перспективы для раковых больных на начало будущего века. Для того чтобы подготовить это сообщение, к делу привлекли 50 врачей, генетиков, биологов, химиков, психиатров и других специалистов.
По его словам, изменения в стиле жизни населения и лучшее понимание некоторых причин рака уже начинают приносить свои плоды. Он предсказал, что смертность от рака, которая в развитых странах все еще повышается, в течение следующих 25 лет, начнет снижаться. Например, в Британии в 1995 г. прогнозируют 43000 новых случаев рака легкого, 32500 случаев рака груди и 32000 случаев рака кишечника. «Эти проблемы универсальны, и для их решения потребуется кооперация сил всего мира», — заявил Бодмер. Доктор Джек Кьюзик, статистик Фонда, сказал, что к 2020 г. в результате тех усилий, которые привели к недавнему падению интереса к курению, смертность от рака легкого может сократиться на 30%. Специалисты, изучающие раковые заболевания, прогнозируют до 10 миллионов новых случаев рака в год во всем мире. Это вторая по значению причина всех смертей в развитых странах после сердечно-сосудистых заболеваний.
По словам Кьюзика, больше всего людей погибает от рака кишечника, легкого, молочной железы и простаты, однако в развивающихся странах, таких, как Китай, где гигиена и питание оставляют желать лучшего, большой проблемой остается рак желудка и печени.
Усовершенствованные методы скрининга, в том числе анализ ДНК для идентификации групп повышенного риска, могут способствовать значительному снижению заболеваемости раком молочной железы, раком шейки матки и других распространенных форм злокачественных опухолей. «Смертность от рака кишечника к 2020 г. при использовании все более тонких методов скрининга может быть сокращена на 40%», — сказал Кьюзик.
Высокоточные диагностические методы, в том числе усовершенствованный ультразвуковой скрининг, различные методы сканирования мозга с использованием всех средств видео- и компьютерной техники и биологические методы, такие, как анализ на раковые антитела, тесты на генные мутации, поиск опухолевых маркеров типа онкогенов должны способствовать ранней диагностике рака.
«Для тех же, кто все-таки заболеет, сегодня разрабатываются многочисленные лекарства на основе знаний, полученных в исследовательских лабораториях за последние 15 лет», — сказал Кэрол Сикора, заведующий клиническими исследованиями Фонда. «Некоторые из этих вновь сконструированных лекарств уже проходят предварительные испытания». Такие способы лечения, как радиотерапия, также будут развиваться с подключением компьютеров и роботехники, что позволит врачам воздействовать точно на опухоль.
В то же время оперативное вмешательство все еще не теряет своего важного значения, отметили представители Фонда. «Хирург 2020 года должен будет хорошо разбираться в технике, уметь управлять роботами и быть специалистом в области компьютерной реконструкции изображений», — отметили они.

Первое издание «генного справочника»

Ученым удалось расшифровать три четверти человеческого генома и определить функции приблизительно 10000 генов. Эти знания открывают путь к разработке лекарств против самых разных недугов, от рака до болезни Альцгеймера, заявили ученые на брифинге, состоявшемся за день до публикации «Генного справочника» в британском научном журнале «Нэйчур». Собранные в «Нэйчуре» данные по всем известным генам отражают достижения сотен ученых за пять лет работы по программе «Геном человека», нацеленной на составление полной карты человеческого генома к 2005 г.
Крег Вентер, глава Института геномных исследований в Роквилле (Мэриленд), коснулся тревожащего общественность вопроса о возможном злоупотреблении информацией генетического характера, особенно в тех случаях, когда обусловленное влиянием генов заболевание можно диагностировать, но нельзя вылечить. «Пока у нас не появятся эффективные способы лечения таких заболеваний... нельзя не беспокоиться о возможной генетической дискриминации», — сказал Вентер на брифинге.
«С информацией такого рода связано много проблем, но тем не менее она способствует существенному продвижению медицины вперед, — отметил он. — Ясно, что, по мере того как углубляются наши фундаментальные знания, появляется все больше надежды на создание новых, эффективных методов терапии». Ученые отметили, что исследования по генетике достаточно быстро продвигаются вперед и, как предсказывает Вентер, к 2000 г. им будут известны функции 90% всех человеческих генов.

Целительная березовая кора

Недавно найдено новое потенциальное противораковое средство — бетулиновая кислота. Чикагские исследователи получили препарат из березовой коры и испытали его действие на выращенных клетках меланомы. Большинство противораковых препаратов поражает разные виды раковых опухолей, но при этом наносит вред здоровым клеткам, а бетулиновая кислота оказывает воздействие только на клетки меланомы. Она полностью остановила рост злокачественной опухоли, которая была пересажена подопытным мышам и даже в больших дозах не вызывала таких присущих противораковым препаратам побочных эффектов, как уменьшение веса или повреждение здоровых тканей. Однако специалист по меланоме Антонио Бузайд (Техасский университет) предупреждает, что впрямую экстраполировать положительные результаты этих опытов на перспективу излечения человека не следует, т. к. в большинстве случаев препараты, оказывающие эффективное действие на животных, на человека воздействуют иначе.

Томас Диш

Его племя

Я не человек и не волк, а потому считаю, что мне более, нежели кому бы то ни было, пристало говорить об Аресе Пеладжайне. Сама обладая двойственной природой, я могу относиться к своему герою с сочувствием и пониманием, чего трудно было бы ожидать от человека. Кроме того, я знала Ареса — и того, и другого — лучше прочих, и одного этого уже вполне достаточно.

Меня зовут Дафна. Имя, разумеется, ненастоящее. Нынешняя привычка открывать свое истинное имя первому встречному кажется мне весьма вульгарной, не говоря уже о том, что это довольно опасно: Дафна — милое имя, вполне уместное для истории, которую, скорее всего, сочтут вымыслом и для моего положения в системе мироздания — я гамадриада*.

Средний читатель может испытывать некоторое предубеждение против гамадриады, выступающей в роли литератора, ожидая от повествования чрезмерной сентиментальности, непоследовательности и перегруженности разными небылицами. Когда-то подобное мнение могло иметь основания, но перенесение стольких из нас на английскую почву в эпоху Возрождения немало способствовало повышению интеллектуального уровня лесных нимф. Зима в Англии просто невыносима, если не скрашивать жизнь чтением.

Впрочем, вступление слишком затянулось. Позвольте мне, наконец, поведать вам историю Ареса.

Он родился в Сочельник (как вы, наверное, могли догадаться сами, если хоть немного разбираетесь в подобных вещах) в семье Джорджа и Лидии Пеладжайнов, чей домик, расположенный в уютной лощине, был всегда доступен для моего взора. Джордж служил егерем в поместье лорда Эдмунда Гамильтона, и юный Арес мог надеяться преуспеть на том же поприще, ибо все это происходило в те времена, когда должность отца составляла часть наследства.

Арес рос здоровым, крепким и резвым ребенком, а его любовь к природе была сродни пантеизму. Отец обожал Ареса и восхищался им не меньше, чем я, а мать, как и положено матери, его холила и лелеяла. Помню весенний день, когда Аресу было шесть лет: он сидел в узорчатой тени моих едва распустившихся ветвей и играл на самодельной свирели. Я страстно люблю музыку, а мальчик играл так хорошо, что, должна признаться, мне пришло в голову наложить на него заклятие. С тех пор он приходил каждый день, если позволяла погода, и играл для меня свои песни. Я с нетерпением ожидала его совершеннолетия — мне ведь так давно не приходилось являться человеку.

Однако изображать Ареса, хотя бы и в шестилетнем возрасте, невинным ребенком, эдаким розовощеким ангелочком, резвящимся на хорах какой-нибудь барочной церкви, означало бы вводить читателя в заблуждение. Он был настоящим зверьком, безжалостным к другим зверькам — лягушкам и змеям — и как никто другой умел ставить силки на белок и кроликов и даже выслеживать оленей, пасшихся в угодьях лорда Эдмунда, хотя ему еще не позволяли брать в лес ружье. Невозможно сосчитать, сколько дроздов и малиновок упало на землю с моих ветвей — несчастные жертвы меткой рогатки маленького Ареса. Воистину, он был сыном своего отца.

И все же — не совсем. Я уверена, что Джордж Пеладжайн пришел бы в ужас, доведись ему увидать то, что видела я: как-то раз Арес склонился над трепещущим телом пойманного силками кролика и вдруг вонзил свои молочные зубки в его горло, от чего сразу прервался жалобный крик. Это зрелище всколыхнуло древнюю память, гнездящуюся в самой сердцевине моего ствола. Вот она — бьющая через край жизненная сила юного язычника, подумала я тогда с одобрением.

На следующий год выпало столь редко случающееся совпадение семи- и девятигодичного циклов, которое неизменно и торжественно отмечалось в дни моей юности. Именно тогда приносили Священную жертву, совершая ритуальное убийство Царя. Теперь времена переменились. Правда, в 1710 году, когда снова совпали магические циклы, в Кентерберийском соборе был убит Томас Беккет**, но с тех пор о древнем обычае больше не вспоминали. Но хотя человек уже давно перестал чтить законы магии, Природа ими не пренебрегает. Так вот, в тот год, в ночь на Великую пятницу, Арес Пеладжайн превратился в волка.

Он возвращался домой со службы в деревенской церкви по тропинке, огибавшей подножие моего холма, осторожно ступая по мокрой глине, перемешанной с талым снегом. Я видела, как мальчик упал на четвереньки и решила, что он поскользнулся. Некоторое время он, казалось, не делал никаких попыток подняться и просто беспомощно барахтался в грязи. Потом я вдруг поняла, что передо мной уже не Арес, а волчонок, запутавшийся в зимней одежде. Наконец ему удалось разорвать зубами куртку, и он, пыхтя и фыркая, полез по холму прямо ко мне. Поняв, что маленький Арес оборотень, я испытала жгучее разочарование. В самом деле, гамадриада имеет законное право открыться человеку. Но вервольфу? Об этом не может быть и речи. Вервольфу надлежит знаться с людьми или с волками, но уж никак не с другими существами двойной природы.

Волчонок скрылся из виду, а я вернулась к прерванному чтению — томику Гиббона, который попался мне на глаза в усадьбе лорда Эдмунда в один из тех немногих за последние несколько лет случаев, когда я позволила себе небольшую прогулку, причем в виде всего-навсего бесплотного призрака. Но мне никак не удавалось сосредоточиться, ибо мысли мои непрестанно возвращались к человеческому детенышу, который только что стал волчонком.

После того как моя вполне понятная досада

** Гамадриада — в греческой мифологии нимфа дерева. Отличается от дриады тем, что рождается вместе с деревом и гибнет вместе с ним. (Здесь и далее прим. перев.)*

*** Томас Беккет — лорд-канцлер Англии, позже архиепископ Кентерберийский. Убит в Кентерберийском соборе по приказу Генриха II.*

прошла, я стала относиться к новому Аресу более благосклонно: ведь он остался Аресом, хотя и принял другое обличье. В Англии почти не осталось волков — за все предыдущее столетие мне удалось повстречать всего двух, но, по моему мнению, Арес был столь же удачным волчонком, как и ребенком — здоровым, сильным и храбрым. Правда, теперь его лицо не окрашивал яркий румянец, зато шкурка лоснилась и блестела. Он в мгновение ока покончил с кроликом, которого поймал, закопал кости под моими корнями (эти кости давно истлели) и завел неокрепшим щенячьим голосом одну из волчьих песен. Я почувствовала безмерную жалость. Как мальчик он еще мог бы быть счастлив (насколько вообще может быть счастлив ребенок в Англии), но как волчонок... Я боялась, что его не ждет ничего, кроме одиночества и страданий.

На закате дня в Великую пятницу нагой и дрожащий от холода Арес-мальчик проснулся.Он лежал, свернувшись клубком у подножия моего ствола. В ту же минуту из домика в лощине вышел его отец и начал взбираться на холм, тревожно выкликая имя сына. Я невольно нарушила молчание, которое всегда хранила в присутствии Ареса: «Твоя одежда на тропинке у березы. Поторопись!» Он был слишком испуган, чтобы удивиться (хотя, по правде говоря, в этом и нет ничего удивительного: лишь безнадежно низменные души не способны слышать голоса деревьев), и последовал моему совету. Когда отец подошел, он уже оделся, хотя еще дрожал, но одежда была перепачкаиа глиной и разорвана чуть ли не в клочья. Несомненно, его постигло суровое наказание, но в Святое воскресенье мне довелось лицезреть все семейство — Джорджа, Лидию (в новой и, на мой взгляд, довольно безвкусной шляпке) и Ареса, направлявшихся на праздничное богослужение. Я лениво подумала: «Интересно, что за историю преподнес Арес родителям?» Но гораздо больше меня интересовало, что сам он подумал о случившемся. О, в тот день я размышляла о многом — в воскресенье можно умереть со скуки, если вы не христианин.

Очевидно, Арес все понял, ибо он с природной детской изворотливостью стал избегать всевозможных неприятных последствий своей ликантропии* (мерзкое слово, но английский так беден в отношении терминов, обозначающих сверхъестественное. Подумать только! Ликантропия! Звучит совсем как название болезни. А вот слово «гамадриада» мне всегда нравилось). Когда наступало полнолуние, Арес нагишом выскакивал из окна родительского дома и мчался в лес, откуда выходил уже в волчьем облике. Поймав добычу, он всегда нес ее ко мне. Мальчик ли, волчонок ли, охотником он был отменным, и потому почти все ночи в полнолуние мы проводили вместе: я шелестела листьями, а Арес по-детски подвывал на луну, от которой, задумайся он как следует, мог ожидать одних неприятностей.

Шли годы или, вернее, месяцы, потому что я, как и Арес, привыкла мерить время лунными циклами. Арес превратился в красивого юношу и красавца волка. Когда ему исполнилось восемнадцать, Джордж Пеладжайн умер от воспаления легких, и его похоронили на церковном погосте. После похорон Арес пришел навестить меня. В последние годы сила моего заклятия стала иссякать, и мне редко удавалось видеть Ареса-человека.

— Он умер, — сказал Арес и заплакал.

— Теперь ты егерь, — прошелестела я в ответ так тихо, что боялась: он не услышит. Но он услыхал.

— Теперь я егерь, — повторил он.

После смерти отца Арес стал приходить ко мне чаще, но не один. С ним была Линда Уилрайт, младшая дочь одного из арендаторов лорда Эдмунда. По природе я не ревнива, но, надо признаться, мне казалось, что Линда недостойна Ареса. О, она была достаточно привлекательна на свой лад, полна жизни и блеска пробудившейся женственности и, вне всякого сомнения, без памяти влюблена в Ареса. Под моими ветвями он сделал ей предложение. Идея брака вызывает во мне глубочайшее презрение, но тут уж ничего не поделаешь: такова моя природа. Когда они пришли в следующий раз, я убедилась в том, что Арес не слишком связан путами христианских условностей, да и Линда тоже...

Страсть прекрасна, и я благословила юную пару, благородно пожертвовав эгоистическими притязаниями на привязанность Ареса. В тот же день они объявили о своей помолвке родителям Линды, которые как истинные англичане отложили свадьбу на год. «Чтобы молодые люди проверили свои чувства!» Мнение Ареса, которым он поделился со мной с глазу на глаз на этот счет, полностью совпадало с моим, хотя он выразил его куда более красноречиво. Вот для подобных случаев английский незаменим. Я посоветовала ему набраться терпения.

В то же самое время, когда Арес ухаживал за Линдой, другой Арес, которого я видела в полнолуние, также обзавелся подругой. Его ночные призывы в конце концов принесли плоды. Откуда она появилась, мне не известно. Они тоже страстно любили друг друга, хотя о браке речь между ними не заходила. Волки, как мне кажется, более свободны в этом отношении. Хотя, поскольку она была, вероятно, единственной волчицей в Англии, не томившейся в клетке зоосада, ей не требовалось от Ареса гарантии верности, которая была так нужна Линде. В июле следующего года Арес стал отцом четверых волчат. А в сентябре Арес с Линдой поженились.

Все те годы, что Арес-волк рыскал по Уилтширу, он умудрялся не привлекать к себе внимания соседей, потому что разумно ограничивал свои охотничьи устремления кроликами, фазанами да прочей мелкой дичью. Конечно, иной раз он попадался на глаза запоздалым путникам, но они неизменно принимали его за бродячую собаку — волки не водятся на юге Англии. Теперь их стало шестеро. Арес охотился раз в месяц, но его подруге приходилось выходить на охоту каждый день, чтобы добыть пропитание для себя и четверых волчат. Все чаще люди стали видеть странных собак, а одинокий вой волчицы скоро сделался едва ли не единственным предметом досужих разговоров в поместье и всей округе, хотя до домика егеря слухи не доходили. Часто, проводив вечером Линду до дому, Арес сворачивал в лес, и взгляд его иногда ловил тень волчицы или одного из отпрысков, которые уже стали подростками (так скоро!) и следовали за матерью, постигая охотничьи законы и способы их нарушать. Повинуясь загадочному внутреннему чувству, она, как и Арес, никогда не нападала на домашний скот или оленей лорда Эдмунда. Но ее сыновья, более ленивые, более голодные и менее удачливые в охоте, обнаруживали все более явное пристрастие к баранине. И скоро все окрестные фермеры стали поговаривать о волках.

— Волки! — презрительно фыркал Арес. — В Уилтшире нет волков.

— И, верно, волки, — удрученно проговорил он, когда ему принесли полуобглоданный скелет ягненка.

— Ты должен что-нибудь с этим сделать, дорогой. Все так считают, — заявила Линда. Они отдыхали под моими ветвями.

— Конечно, скоро я этим займусь.

— Они говорят, что собираются сами пойти на охоту. Только представь себе: какой-нибудь фермер

** Ликантропия — волшебное превращение человека в волка или другого дикого зверя.*

подстрелит волка, пока ты сидишь дома да ружье чистишь. Позора не оберешься.

Арес взглянул на луну — она входила в последнюю четверть.

— Скоро. — Это было все, что он мог ответить.

Ночью в полнолуние кучка решительно настроенных фермеров, вооруженная до зубов ружьями и карабинами и предводительствуемая мистером Уилрайтом, новоиспеченным тестем Ареса, посетила жилище егеря. Линда объяснила, что ее муж пошел охотиться на волков, и тогда они тоже поплелись в лес, заметно утратив пыл.

Тем временем Арес беседовал со своей подругой в их любимом месте — у подножия моего ствола. Она, как всегда обходясь без слов, жаловалась, что так редко его видит, а он уговаривал ее убедить сыновей отказаться от баранины. Тишину леса разорвал звук выстрела. Оба волка насторожились. И тут из чащи появились виновники переполоха, дрожащие от страха, но довольные. От них исходил явственный запах овечьей крови. Четверо молодых волков взлетели на залитый лунным светом холм и присоединились к родителям.

У Ареса не было времени, чтобы задать им взбучку, впрочем, из этого и не вышло бы никакого проку. Сыновья его становились все более дикими и необузданными, они давно уже не относились к отцу с должным почтением. Снова раздался звук выстрела, и он почувствовал жгучую боль в левой ляжке. Не успел он лизнуть рану, как она затянулась. Пуля не оставила даже царапины на коже. В положении вервольфа есть все же определенные преимущества.

Волки бросились вниз, в темноту леса. Той ночью до моего слуха донеслось еще несколько выстрелов, но до конца охоты я больше не видела ни Ареса, ни волчицы, ни их детей. Как мне стало потом известно, охотники вернулись не солоно хлебавши.

На другой день под моими ветвями, которые в соответствии с временем года уже начали терять листву, снова происходила семейная сцена. Арес был угрюм, а в голосе Линды звучало негодование.

— Мой отец, — повторяла она. — Родной отец! А где был в это время ты?

— Говорю тебе, я тоже охотился.

— А почему же тогда я нашла твое ружье в сарае?

— Это старое ружье, я давно с ним не охочусь.

— Не рассказывай мне басен. Хочешь, я скажу, где ты был? Любезничал с этой новой служанкой в «Певчем Дрозде»!

— ..!

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?! Подумать только, мой отец...

— Да ведь с ним ничего не случилось!

— Не случилось! — вскричала Линда. — На него набросился волк! Не случилось!

Арес улыбнулся.

— Хорошенькая история, верно? Он палит картечью в упор. Три патрона, так он говорил? А волк валит его с ног и убегает как ни в чем не бывало. И при этом на твоем отце ни единой царапины. Да кто в это поверит?

— Не хочешь ли ты сказать, что мой отец лжет?

— Я хочу сказать, что, может, это твой папаша заглянул в «Дрозда» перед охотой. И вообще, не фермерское это дело — волков стрелять.

— И впрямь, это твое дело и, если ты за него наконец не возьмешься, я уйду жить к родителям. Так и знай.

— Я же сказал, сегодня пойду.

— Отец пойдет с тобой.

— Пошел он к дьяволу, твой отец!

— Он теперь и твой отец, так что выражайся повежливее!

— ..!

Линда закатила глаза в притворном ужасе. По правде говоря, от своего отца она слыхала и не такое. Прежде, чем довести эту историю до ее трагической развязки, мне хотелось бы высказать некоторые умозаключения по поводу судьбы Ареса, которые, быть может, окажутся достойны внимания читателя, несмотря на их очевидность. До последнего часа Арес — и человек, и волк — поступал самым добропорядочным образом, как примерный англичанин. Он не совершал кровавых злодеяний, как это обычно делают оборотни в страшных рассказах; убивал лишь тех зверей, на которых, будучи егерем, имел право охотиться; ни разу не напал на человека, за исключением собственного тестя, которому, впрочем, не причинил ни малейшего вреда. Именно племя — племя людей и племя волков — поставило его перед неразрешимой дилеммой: Арес-человек должен был истребить семью Ареса-волка. Я благодарна небу за то, что, будучи привязана к одному месту, почти никогда не испытываю нужды в обществе. Способность к перемещению (в противоположность крепким корням) может оказаться источником многих бед.

Той ночью Арес вышел на охоту в сопровождении мистера Уилрайта и еще нескольких фермеров. Обычно охота вызывала у него прилив сил и приподнятое настроение, но сегодня лицо его было угрюмым, а походка нетвердой. Уилрайт настоял на том, чтобы они поднялись на холм, где видели волков накануне, и Арес не нашел подходящих возражений.

Она ждала там. Его подруга. Не то чтобы ждала — у нее просто вошло в привычку быть рядом со мной, когда она хотела быть с ним. Они увидели друг друга одновременно, и она узнала его.

— Стреляй! — закричал Уилрайт.

Она радостно бросилась к Аресу, не обращая внимания на остальных, доверяя ему, как доверяла всегда. Я видела, что, когда Арес поднимал ружье, в глазах его стояли слезы.

— Стреляй же!

— Нет! — воскликнула я, но он не услышал, а может быть, и услышал, но это его не остановило.

Арес выстрелил. Прицел был как всегда точен. Тело волчицы дернулось в воздухе, и она рухнула на землю уже бездыханной. Арес рванулся к подруге, не слыша предостерегающих возгласов и выстрелов, рвущих тяжелый воздух.

Пока Арес изливал свою печаль в звуках, в которых человеческое было едва различимо, волчата — но они уже были не волчатами, а взрослыми молодыми волками — устремились к убийце матери. Град пуль и картечи не замедлил их бега — недаром они были детьми оборотня. Волки бросились на Ареса: один вцепился ему в горло, остальные ожесточенно рвали зубами плоть отца. Фермеры, пораженные ужасом, пустились наутек, и я осталась единственной свидетельницей этой последней страшной сцены: четверо молодых волков, цепочкой сбегающих с холма, и два мертвых тела, на которые я роняла в знак скорби свои последние листья. И надо всем сияние луны.

Надеюсь, благосклонный читатель простит меня за то, что я собираюсь завершить свою историю моралью. Мне приходилось слышать, что хорошая история не нуждается в морали, но такова уж моя старомодная привычка — размышлять над виденным и искать закономерности в событиях жизни. Когда в одном существе сливаются две природы, худшая, как правило, берет верх над лучшей, и неизбежная трагедия человека-волка состоит в том, что он не может жить в мире ни с тем, ни с другим из двух извечно враждующих племен.

Перевела с английского
Ирина МОСКВИНА-ТАРХАНОВА

Наталия Сафронова

ЕСЛИ МИР В САМОМ ДЕЛЕ — ТЕАТР...

Как-то среди ТВ-новостей мелькнул сюжет о новом преемнике верховного правителя Тибета — Далай-ламы, решившего удалиться от дел. Объектив приблизил поразительное в своей неподвижности лицо ребенка, выбранного по традиции ламаистскими жрецами в качестве земного представителя Будды. Перед камерой он держался соответственно своему сану: поза «лотоса», невозмутимое выражение лица. Для обычного ребенка подобная неподвижность — симптом психического неблагополучия, для будущего Далай-ламы — это признак самоуглубленности, склонности к созерцанию. Мальчика уже долго тренировали; почти с пеленок ему пришлось «жить в роли», которую предстоит играть до конца дней. Герою Т. Диша гораздо сложнее: ему предстоит играть сразу две роли. Впрочем, только ли герою писателя-фантаста?

ИГРУШКА БОГА

Понятия «роли», «игры», которые вызывают сейчас пристальное внимание специалистов различных наук — гуманитарных, естественных, социальных — многозначны. Обычно мы, говоря «быть в роли», подразумеваем искусственность поведения, притворство, некое неорганичное для человека состояние, далекое от его подлинного «я». То, что дети, исполняя с большим воображением и азартом свои роли «дочек», «матерей» или «индейцев», называют «понарошке». Социальная психология использует понятие роли для описания повторяющихся, стандартизированных форм и способов поведения. Известный отечественный психолог И. Кон обращает внимание на «разделение функций», которое возникает, например, в дружеской компании, особенно если ее участники собираются не впервые. Кто-то всегда исполняет роль тамады, кто-то веселит собравшихся анекдотами, кто-то создает фон. Причем от один раз избранного амплуа отказаться бывает трудно: от человека ждут того, что подсказано предыдущим опытом.

В нашем поведении всегда присутствуют те или иные клише, которые задаются ситуацией, окружением, испытанным опытом. В течение дня каждый из нас способен сыграть несколько ролей: прилежного сотрудника на службе (при полной бездеятельности), безучастного внешне пассажира метро (от внимания которого не ускользает ничего из происходящего в вагоне) или удачливого «охотника», сделавшего долгожданную покупку и т. д. Мы легко справляемся со всем этим, меняя интонации голоса, выражение лица и глаз, фактически «актерствуя», ничего не зная и не ведая о «социологии роли» или «метафизике маски», которым посвящаются объемистые труды современных человековедов. Как справедливо заметил великий философ античности Платон, «люди в большей своей части куклы, и лишь немногие причастны истине». С позиций современной ему технологии философ мысль уточняет: «Человек... это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением».

Одновременно «игрушка» играет и сама. Тот же Платон, рисуя свой проект идеального государства («Каноны»), предполагает необходимость человеческих игр — жертвоприношения, песни, пляски — дабы «снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей натуры». Концепция жизни-игры разрабатывалась многими мыслителями и художниками. Цель человеческого существования видел в игре Шиллер, мечтая об обществе и государстве «эстетической видимости», где люди смогут выбирать и менять, как актерские маски, все формы существования. Эта идея питала творчество Вагнера, Ницше, Гессе и других представителей романтического направления. В известной мере реальным воплощением тезиса «смены масок» может служить жизнь гениального соотечественника Шиллера — «громовержца» Гете. Поэт, естествоиспытатель, государственный деятель, опытный царедворец, человек энциклопедических знаний и бюргер одновременно — все это можно рассматривать как своего рода театр одного «актера», хотя роли в спектакле могли исполняться целой труппой. Недаром Гете принадлежат слова: «Каждый человек — это целый мир, который с ним рождается и с ним умирает. Под каждой могильной плитой лежит всемирная история».

Читатели «Если» в свое время имели возможность ознакомиться с концепцией выдающегося историка и культуролога Йохана Хейзинги об игре как явлении и основании культуры, изложенной автором в книге «Homo Ludens» (Человек играющий). Эту мысль подхватывают социологи, предлагая вообще все поведение человека в обществе, отличающееся условностью и нарочитостью обличий, рассматривать как игру. В общественном бытии люди общаются друг с другом, являя окружающим свой характер, привычки, особенности. Разумеется, мало кому захочется выставить себя в неприглядном виде, если, конечно, человек способен к более или менее объективной самооценке. Отсюда возникает потребность «маски» и одновременно осознание того, что вокруг тебя могут быть маски тоже. Сейчас у нас в ходу модное словечко «имидж», желательный образ, который создается определенными усилиями. Есть даже технологии создания благоприятного имиджа, которыми владеют имиджмейкеры. То, что образ может совсем не соответствовать его носителю, деликатно опускается. «Казаться» — важнее, чем «быть».

Получается своего рода «сознательный договор», по выражению Михаила Эпштейна, согласно которому люди добровольно принимают правила игры и определенные роли, стараясь держаться в их рамках. Все общественное поведение — это соблюдение принятых норм,

верность ритуалам и традициям, приспособление к требованиям социума с его четкими социальными и этическими дифференциациями, принятие сложившихся статусов. Конформизм? В известной мере — да. Но только в той мере, в которой его исповедовал тот же Гете, нашедший интересный образ человека, сохраняющего равновесие и гармонию. Поплавок. Он удерживается всегда на поверхности, несмотря на изменение скорости течения.

Есть точка зрения о том, что естественность или, как выразился Платон, «причастность истине» человек способен сохранять в ситуациях, биологически обусловленных, когда форма поведения диктуется самой природой. Таких ситуаций три: рождение, любовь, смерть. Не потому ли один из тончайших знатоков народных характеров писатель Василий Шукшин не раз повторял: «О человеке надо знать три вещи: как родился, как женился, как умер»?

«Я» И МАСКА

Итак, маска надевается человеком, который хочет скрыть свое подлинное лицо, но одновременно она накладывает на своего нового «хозяина» определенные обязательства. Отныне он должен следовать определенному стилю поведения, получая как бы компенсацию того, чего ему самому не хватает. Между маской и ее носителем устанавливаются сложные порой отношения. Литература и искусство XX века эти отношения исследовали. Оказалось, что здесь заложена возможность трагического конфликта, особенно в тех случаях, когда маска выбирается непроизвольно, навязывается грубо обстоятельствами или окружением. Эта тема разработана в романе японского писателя Кобо Абэ «Чужое лицо», герой которого — ученый с обезображенным от ожога лицом пытается решить свои проблемы, надев маску. Однако она не просто сглаживает уродство героя, но начинает требовать других мыслей, чувств, поступков. Человек ощущает потерю самоидентичности, раздвоение личности, его устрашает давление чуждых темных сил, навязывающих свои законы. Символика Кобо Абэ поднимается до уровня серьезных обобщений: утрата своего лица — общая судьба современных людей. Что же касается героя его романа, то кроме новых несчастий маска ему ничего другого не приносит.

Известный французский мим Марсель Марсо, представления которого мне довелось увидеть во время его приездов в Москву, показывал пантомиму, имеющую отношение к теме этого разговора. Под веселую ритмичную музыку улыбающийся герой меняет одну маску за другой. Игра явно доставляет ему удовольствие, как и зрителям, наблюдающим изящные метаморфозы Марсо. Неожиданно его лицо искажает гримаса отчаяния — герой силится сорвать маску, вернуть свое прежнее лицо. Но... маска «прирастает» крепко, она становится как бы другим, новым лицом героя.

Отделяя маску от собственного лица или признавая собственное поведение неподлинным, человек подразумевает наличие своего настоящего «я». В отечественной психологии «я» (фрейдовское «эго») определяется как довольно устойчивая, в большей или меньшей степени осознаваемая, система представлений индивида о самом себе. На этой основе обычно он строит свои отношения с другими людьми. Как показывают исследования психологов, каждый из нас располагает «букетом» образов собственного «я». О чем могут не догадываться окружающие нас люди, поскольку эти образы не наблюдаемы объективно. Свое «я» личность может выразить только словесно, определенными поступками. Психоанализ, правда, создал методики, позволяющие заглянуть в разные этажи личности, в том числе и самые «нижние», куда порой опасается заглянуть и сам человек. Однако и здесь возможна формализация информации о человеческом «я». Известный американский психотерапевт Эрик Берн предлагает, например, состояние «я» описывать как систему чувств, которым соответствует определенный набор поведенческих схем. По мнению Берна, каждый человек обладает довольно ограниченным «репертуаром» состояний своего «я», которые автор гипотезы предлагает разбить на три категории: Ребенок, Взрослый, Родитель. Три основные ипостаси человеческого бытия, которые как раз предполагают возможную «причастность истине», поскольку биологически все эти состояния детерминированы. И в каждый данный момент времени личность обнаруживает одно из этих состояний. Всегда ли к месту?

Берн считает, что есть люди, в которых Ребенок проявляется весьма некстати, беря в свои руки управление личностью. Можно себе представить последствия прорыва личности с таким «я» к реальной власти! Для жизни необходимо состояние Взрослый, когда личность имеет возможность контролировать действия и Ребенка, и Родителя, перерабатывая информацию в поисках адекватных взаимоотношений с окружающим миром. На этом уровне и возникает автоматизм многих реакций, что позволяет нам сберегать массу энергии и времени. Но для нормального функционирования личности важны все три аспекта; их разумное чередование делает бытие полноценным и плодотворным.

Множественность человеческого «я» затрудняет межличностные общения. Общаясь с другими людьми, довольно трудно уловить индивидуальность каждого. Гораздо легче оценивать ее, исходя из стереотипов или собственных представлений. А если к тому же смотреть на других через призму социальных ролей — их и своей собственной — добраться до сути невероятно сложно. Не случайно философия нашего века породила школу экзистенциализма, которая пришла к идее принципиальной некоммуникабельности людей. Карл Ясперс сетовал на поверхностность всех социальных связей, их внешний характер, тогда как человеку необходима подлинная, экзистенциальная коммуникация, в которую вовлечено все его существо, а не только отдельные грани личности. Такое общение требует полной искренности, самораскрытия. Открываясь другому, человек становится самим собой и видит в себе и окружающих то, что ранее было скрыто. Отсутствие такого рода контактов и общения, по Ясперсу, причина распространения неврозов, различных психопатологических расстройств.

Личное самосознание, образ «Я» развивается у человека в процессе общения с другими людьми и благодаря ему. Другая личность — как бы зеркало, которое помогает увидеть лучше и собственное твое «лицо», а мнение других позволяет правильно оценивать себя (об этом говорит нехитрый совет Льва Толстого поделить числитель дроби — мнение других — на знаменатель — собственная самооценка, чтобы понять, кто ты). Однако и здесь все не так просто. Недаром фантасты неоднократно «проигрывали» варианты отношений «я» общающихся людей. Вспомним рассказ Брадбери «Марсианин», герой которого, казалось бы, чутко реагирует на мнения и желания окружающих людей. В конце концов возникает острый конфликт, приводящий «марсианина» к гибели. Человеку необходима устойчивая внутренняя структура, собственное «я», сохраняющее индивидуальность, неповторимость личности. Тот самый «целый мир», о котором говорил Гете.

СОБИРАНИЕ СЕБЯ

В атмосфере внутреннего разлада невозможно долго пребывать без ущерба для психики, а многие факторы современной жизни разладу способствуют. Как этому противостоять? За последние десятилетия

на Западе получило развитие новое направление психологии, ориентированной на оказание людям непосредственной психологической помощи. Широко распространена групповая психотерапия, в процессе которой люди учатся общению, занимаются репетицией поведения, тренируют умения, самовыражаются, достигают внутренней свободы. Публикуется множество трудов, посвященных методикам психокоррекционной работы, которые, как считают их авторы, помогут человеку решить все проблемы: обрести уверенность в себе, раскрыть свои потенции, приобрести друзей, наладить сексуальную жизнь, заменить «иррациональные убеждения рациональными представлениями»(термины известного психотерапевта Кьелла Рудестама) и т.д. Похоже, «игрушка бога» основательно поломалась. В нашей стране подобная практика пока не получила столь широкого развития, что имеет и определенный положительный смысл. Если человеку постоянно давать различные подпорки, есть ли надежда увидеть его уверенно стоящим на собственных ногах? Кроме того, методики, разработанные в рамках психоаналитического направления, долгие годы не принимаемого нашими психиатрами и психологами, могут оказаться неорганичными в отечественной традиции.

Недавно мне довелось ознакомиться с опытом арттерапевтов, работающих с группами детей, находящихся, как говорят специалисты, в «пограничных состояниях». Неврозы этих детей, проявляющиеся тиком, заиканием, недержанием мочи, трудностями общения и т.п., связаны с определенной патологической доминантой, которую психотерапевты определяют в первую очередь. А воздействие на доминанту они производят с помощью игры, используя средства кукольного театра. Не будем подробно их методику описывать, в контексте статьи важно другое. Авторы метода Ирина Медведева и Татьяна Шишова, достигнув положительных результатов у почти 500 детей (внушительная цифра!), пришли к выводу о неприемлемости классического психоанализа в сообществах с репрессивным типом культурных традиций. Имеется в виду подавление определенных эмоций, неафиширование интимных сторон жизни, сексуальной в частности, что характерно для России и некоторых других стран. Попытки заглянуть на «нижние этажи» психики зачастую приводят не к внутреннему освобождению, а к еще более глубокому неврозу.

Поэтому важнее другой путь — через развитие индивидуального начала в человеке, усложнение его самосознания (И. Кон). Чтобы усложнение «ролевой игры», неизбежное при общем усложнении жизни и задач, которые она ставит перед личностью, не порождало неврозов или чувства опустошенности, самосознание должно быть устойчивым и пластичным одновременно. О необходимости и путях восстановления утраченной целостности бытия размышляют современные философы, теологи, психологи, этологи и просто многие толковые люди. Но иногда для становления личности, разумеется, добровольно задумавшейся о «собирании себя» (термин современного отечественного философа и культуролога Григория Померанца) более полезными оказываются не психотерапевтические или психологические методики, а просто опыт разумной, самодостаточной личности. Отсюда неутихающий интерес к исповедальной литературе, мемуарам. Впрочем, вся литература и искусство могут помочь в «собирании себя» — только имеющий уши да услышит.

Нет, не слаб человек. Возможно, представляя себя таким, он снова надевает привычным уже жестом маску. Маска в моральном смысле есть попытка облегчить себе жизнь, уменьшить бремя ответственности быть на земле Человеком.

«Если, желая оправдать себя, я объясняю свои беды злым роком, я подчиняю себя злому року. Если я приписываю их измене, я подчиняю себя измене. Но если я принимаю всю ответственность на себя, я тем самым отстаиваю свои человеческие возможности. Я могу повлиять на судьбу того, от чего я неотделим. Я составная часть общности людей».

Антуан де Сент-Экзюпери.

О ВАС УСЛЫШИТ ВСЯ МОСКВА,

если вы разместите рекламу своей фирмы в программах радиокомпании «Москва».

Миллионы жителей столицы и Подмосковья слушают наши передачи утром и вечером по первому каналу московской городской сети (1 программа), на СВ-355 м и УКВ 66,44 мГц, а также на волне 4,52 м.

Звоните: 233-71-38, 233-79-83, 233-79-74.
Факс: 231-82-99

КОНКУРС «БАНК ИДЕЙ»

Очередной тур конкурса «Банк идей», стартовавший в девятом номере журнала «Если» за прошлый год, поставил перед нашими читателями сложную задачу: на основании нескольких отрывков из рассказа разгадать весьма необычную идею автора, его фантастическое допущение.

«Как и всегда, его больше всего заинтересовал прогноз погоды, особенно для других районов: «Атмосферный фронт, идущий со стороны Канады, затронул наши северные штаты... Эта кинопленка — один из немногих материалов, доставленных из района стихийного бедствия».

Изображение диктора сменилось зернистыми черно-белыми кадрами: на узких улицах теснились запряженные лошадьми фургоны и угловатые автомобили».

«По дороге на работу он оставил окно в машине открытым. «Дорз», «Стоунз» (когда это настоящие «Стоунз»), «Криденс» — музыка, которая нравилась ему гораздо больше той, что придет ей на смену».

«Босс гонял кондиционеры на всю катушку, утверждая, что компьютерные технологии восьмидесятых оправдывают все затраты на климат. Том не жаловался на жару, но что толку в кондиционерах здесь, а заодно и от высоких технологий, если с северными штатами можно связаться лишь по древнему телеграфу».

К сожалению, ряд читателей обратил внимание лишь на климатические условия, не заметив фактора времени, достаточно четко заявленного в этих отрывках. И, как следствие, приверженцы чисто «погодных» сюжетов сумели предложить лишь различные версии КЛИМАТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (инопланетяне против Земли, Россия против США, третья страна против цивилизованного мира, террорист-одиночка против человечества) и ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ. Наиболее мирный вариант развития событий сообщил нам А.Попов из Магадана, написавший рассказ в соавторстве с Киром Булычевым и Робертом Шекли. По их мнению, Корнелий Удалов в очередной раз поймал золотую рыбку в озере Копенгаген и потребовал от нее, чтобы Великий Гусляр стал 53-м штатом США. Золотая рыбка безропотно исполняет желание, после чего Америку захватывает мощнейший катаклизм (ну как же — солидный массив суши вклинился между штатами), однако Удалову, ставшему Президентом, вместе со своими друзьями удается ликвидировать последствия катастрофы. Воодушевленный Корнелий, подзуживаемый первой леди страны Ксенией, запрещает рок-музыку, и отныне по всей Америке звучат старые добрые мелодии «Битлз», «Стоунз», «Криденс»...

Большинство же любителей фантастики учло все условия задачи, обратив внимание не только на погодные условия, но и на запряженные лошадьми фургоны, старинные автомобили, древний телеграф. Увидев в сюжете явный временной сдвиг, многие читатели взялись за разработку МАШИНЫ ВРЕМЕНИ, отправив героя — в одиночку или с группой ученых — в прошлое, дабы предотвратить катастрофу.

Гораздо тяжелее приходится человечеству, когда катаклизм оказывается связан не с природными факторами, а с механизмом управления временем. Чуждая раса, научный эксперимент, некий космический артефакт — источников много, но суть одна: Земля ПОГРУЖАЕТСЯ В ПРОШЛОЕ, и когда остановится этот процесс, неизвестно. Дело — за Томом...

В рамках этой версии возможен более щадящий вариант развития событий: злого умысла нет, а Земля просто попала в ПРОВАЛ ВО ВРЕМЕНИ. По мнению одного из приверженцев этой теории, А.Сизикова (Воронеж), подобные «временные ямы» локальны, т.е. могут захватывать небольшую территорию. Естественно, погодные условия в границах этой территории иные, что вызывает резкое перемещение воздушных масс. Люди, оказавшись в районе стихийного бедствия, пытаются вызвать помощь, однако приборы, захваченные регрессией времени, исчезают, как пропадает и техника спасателей, лишь только они пересекают границу зоны...

Троих наших читателей воодушевила идея ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ. Наиболее интересной нам показалась гипотеза В.Сорокина из Симферополя: ураган, случившийся в «параллельной Америке» в 1920 году, оказался столь мощным, что преодолел барьер между мирами и пронесся по США 90-х годов. Однако разрушениями дело не кончилось, и ураган начинает «подстраивать» современную Америку под «свое» время.

А теперь — версии финалистов конкурса.

Ю.Былинкин (г. Ртищево, Саратовская обл.) Разбушевавшаяся стихия, причинившая немало бед США в 1921 г., вновь демонстрирует свою мощь, причем все параметры урагана полностью совпадают. Более того, северные штаты Америки погружаются в двадцатые годы. Том, работник метеостанции, которая граничит с северными штатами, пытается выяснить, что же произошло. Руководствуясь объективными данными метеосводок, архивными документами, собственными наблюдениями, он приходит к выводу, что подобное просто невозможно. Однако в его городе, да и во всех пограничных штатах царит паника: люди, бросая свои жилища, бегут на юг. Том пытается остановить повальный исход, и в этот момент к нему «на помощь» прибывают агенты спецслужб, которые подтверждают его догадку: над обывателями был поставлен социально-психологический эксперимент. Его цель — выяснить, насколько самые нелепые и фантастические идеи, прокрученные через масс-медиа, способны повлиять на сознание людей. На самом деле никакого урагана, меняющего реальность, конечно же, нет, есть иллюзия, созданная средствами массовой информации. Осознав, что эксперимент зашел слишком далеко, спецслужбы пытаются остановить национальную катастрофу, но люди уже верят в то, что видели, и никакие разумные доводы не воспринимают...

Э.Ткаченко (с. Новая Безгина, Белгородская обл.) предлагает решение, которое удовлетворило бы нашего любимого автора Филипа Дика. Том и его босс, погибнув в автокатастрофе, помещены в Мораториум Возлюбленных Собратьев, где испытывают на себе все «прелести» псевдожизни. В мораториуме, на уровне иллюзорного существования, возникла своеобразная «калька» человеческой цивилизации. Один из соседей, почувствовав в новичках своих конкурентов, пытается вывести их из игры, создавая для них искаженную систему координат и воспроизводя различные отрезки прошлого.

По мысли **В. Коалова** (Москва), Том — молодой талантливый физик. Его теория состоит в том, что изменение облика внешнего мира, старение материи, прогресс человеческой деятельности — все это возможно лишь потому, что находящиеся в движении атомы постоянно изменяют свои положения и соединения, количество ударов и их силу. Другими словами, в следующую и последующие секунды два определенных атома уже никогда больше не столкнутся друг с другом. Этим

и объясняется наше с вами понятие будущего, утверждает Том в своей научной работе.

Если атомы существовали всегда, тогда нам подвластно не только настоящее, но и прошлое, стоит только повернуть процесс столкновения атомов вспять и ускорить его. Вся проблема состоит лишь в том, как повернуть этот процесс и вычислить зависимость столкновения атомов.

На практике Том получает подтверждающие его теорию результаты. Можно было уже помечтать о Нобелевской премии, но секретная организация забирает всю работу над проектом в свои руки.

Приехав однажды на работу, Том узнает о произошедшей при испытаниях его изобретения аварии. Небольшой мощности атомный взрыв оказывается достаточным фактором для глобальной катастрофы, обращая процесс соединения и столкновения атомов вспять. Весь материальный мир перестраивает свою атомарную структуру: телефоны оборачиваются древним телеграфом; автомобили превращаются в повозки; остается незатронутой лишь духовная, интеллектуальная сфера людей. Атмосферный фронт подхватывает это образование и несет его через всю Америку.

Но катастрофа ли это или новый шанс для человечества? Ведь человек может заново пройти весь путь к высоким технологиям, но уже обладая печальным опытом Хиросимы...

У **Т.Алешкина** из Подольска (чью версию мы излагали в предыдущем туре конкурса, но в финал автор тогда не вошел) есть своя теория. Кстати, среди финалистов именно Т.Алешкин оказался ближе всех к разгадке идеи, дав ей, к тому же, научное обоснование, чем сам писатель-фантаст не озаботился. Итак: время есть напряженность поля, создаваемого квантами времени — хронами. Течение времени — изменение напряженности этого поля. Магнитное поле Земли удерживало хроны вокруг планеты так, что поверхность земного шара была эквипотенциальной — равномерно распределенные в атмосфере хроны создавали на всей поверхности одинаковый потенциал хронополя, а значит, и время везде текло одинаково. Напряженность хронополя изменялась, так как хроны постепенно отрывались от Земли. Изменения происходили равномерно, равномерно шло и время на Земле (более резкие колебания — результат солнечного ветра — вызывали такие аномалии, как, например, Бермудский треугольник, менее резкие — когда планета разворачивалась от Солнца и на противоположной стороне отток хронов несколько замедлялся — заставляли некоторых людей замечать, что зима тянется медленней, чем лето). Именно благодаря хронам на Земле зародилась жизнь, для которой время — необходимое условие существования.

Вследствие космического катаклизма хронополе Земли изменило одно из своих основных свойств — эквипотенциальность. В тот день жители Сан-Франциско обнаружили Лос-Анджелес, лежащий в руинах после землетрясения 1907 г. Вся Земля как бы рассыпалась на бесчисленное множество областей, в каждой из которых царствовала своя эпоха Над разными участками земной поверхности установились разные потенциалы хронополя. Время над каждым участком теперь определялось погодой. Влажность воздуха, давление и облачность влияли на количество отраженной солнечной радиации, которая, в свою очередь, увеличивала или уменьшала плотность слоя хронов, так что местность, над которой вечером сгущались облака, могла оказаться утром лет на тридцать в прошлом.

Вместе с жителями небольшого города главные герои оказались в восьмидесятых годах. Им повезло, ведь ни в одной части Америки не появлялось области позже 1989 г. (и раньше 1881 г.). У Тома есть шанс дожить до воссоединения осколков разбитого зеркала мира, и его главный враг в этом — переменчивая погода. Среднее время существования «осколка» в одном периоде — две недели, дольше одна и та же погода держится редко. Люди, перед которыми встает неизбежность исчезновения, реагируют по-разному. Одни остаются, готовые уйти в небытие вместе со своим миром. Другие бегут в соседние области, пытаясь сохранить жизнь. Третьи (их немного и среди них главные герои), оказавшись в середине 1988 г., выбирают иной путь — продержаться до 1989 г. и, быть может, попасть в «нераздробленный» мир. Но, чтобы прожить полгода, надо научиться управлять погодой. И, как выясняется, на небольшом участке это вполне осуществимо. Единственная химическая фабрика на устаревшем оборудовании производит сорбент для конденсации облаков. Доменная печь выпускает теперь не сталь, а горячий воздух. Каждый делает все, чтобы повысить температурный режим. Для Тома, семья которого осталась в северных штатах, работа становится единственным средством, отвлекающим от мрачных мыслей. Он — вербовщик, разъезжающий по соседним «осколкам» и разыскивающий людей, умеющих работать и готовых на все ради пропуска в будущее.

Многие наши читатели попытались отгадать имя автора рассказа. Среди предложенных кандидатур лидируют Роберт Шекли, Генри Каттнер и Курт Воннегут. На самом деле это один из наиболее изобретательных современных писателей-фантастов — Гарри Тартлдав, с которым мы познакомили наших читателей в предыдущем номере «Если», опубликовав его «хьюговскую» повесть «В низине» и интервью. В предисловии к интервью мы говорили о том, что именитый автор почти не известен отечественному читателю, однако в конце прошлого года издательство «АСТ» выпустило сборник Г Тартлдава, куда вошел и рассказ, предложенный нами на конкурс. К сожалению, оригинальные идеи даже в фантастике весьма дефицитны, и издательство, готовя сборник, не прошло мимо того рассказа, который в свое время отобрали для перевода и мы. Так что некоторые наши читатели, возможно, уже знакомы с разгадкой.

Чувствуя свою невольную вину, издательство «АСТ» готово выступить спонсором следующего тура нашего конкурса. Вопрос нового тура будет предложен читателям после того, как они познакомятся с рассказом.

Нам остается сообщить, что ближе всех к разгадке авторской идеи подошли А.Филькин (г.Новониколаевка, Херсонская обл.), В.Туленов (Санкт-Петербург), Даша, которая почему-то скрылась под псевдонимом Д.Карпов (п.Лежнево, Ивановская обл.), С.Колесников (Тула). Но за шаг до правильного ответа оказались только два читателя — **В.Герасимов** (Новосибирск) и **М.Липский** (Нижний Новгород). Именно они увидели в предложенных отрывках не однонаправленный вектор времени — назад, в прошлое, — но постоянную изменчивость процесса, возможность управления временем с помощью изменения окружающей среды.

Итак, книги серии «Спектр» (Орсон Скотт Кард, Барбара Хэмбли, Пола Волски и другие) отправляются нашим призерам: Ю.Былинкину, Э.Ткаченко, В.Козлову, Т.Алешкину, В.Герасимову и М.Липскому.

А теперь — слово автору.

«Иногда идеи приходят по частям. Первая половина пришла ко мне, когда я ехал по авто-

страде и слушал прогноз погоды: а что если... А ЧТО ЕСЛИ СТОЛБИК НА ТЕРМОМЕТРЕ БУДЕТ ПОКАЗЫВАТЬ НЕ ТЕМПЕРАТУРУ, А ГОДЫ?

Я тут же остановился, чтобы немедленно эту идею записать. Однако прошло два года, прежде чем из нее вырос сюжет».

Гарри Тартлдав

ПРЕКРАСНАЯ ПОГОДА

Том Кроузлл вошел в тесную кухню своей квартирки и достал из холодильника пиво. Он экономил, и кондиционер на кухне был настроен на середину семидесятых. Том вернулся в комнату и включил телевизор, остановившись на программе новостей. Кушетка заскрипела: даже для середины семидесятых она выглядела старушкой.

Как и всегда, его больше всего заинтересовал прогноз погоды, особенно для других районов: «Атмосферный фронт, идущий со стороны Канады, затронул наши северные штаты. Он уже вызвал многочисленные обрывы линий связи. Местные власти делают все, что в их силах, чтобы противостоять стихии, но неполадки слишком многочисленны, и портативные генераторы не могут решить все проблемы. Эта кинопленка — один из немногих материалов, доставленных из района стихийного бедствия».

Изображение диктора сменилось зернистыми черно-белыми кадрами: на узких улицах теснились запряженные лошадьми фургоны и угловатые автомобили.

Уже в который раз Том порадовался тому, что живет в Южной Калифорнии, где температура редко опускается ниже пятидесятых.* «Неудивительно, что сюда переехало так много людей», — подумал он.

Вновь появившийся на экране диктор начал передавать местный прогноз. Ожидалась нормальная для апрельского Лос-Анджелеса погода: в основном конец шестидесятых. Он решил, что завтра в машине кондиционер можно не включать — Том неплохо выглядел с длинными бакенбардами.

* * *

По дороге на работу он оставил окно в машине открытым. «Дорз», «Стоунз» (когда они настоящие «Стоунз»), «Криденс» — музыка, которая нравилась ему гораздо больше той, что придет ей на смену. Динамик, однако, дребезжал как жестянка. «Наверное, холодает», — решил Том.

Приехав в офис, он настроился на более деловой лад. Босс гонял кондиционеры на всю катушку, утверждая, что компьютерные технологии восьмидесятых оправдывают все затраты на климат. Том не жаловался на жару, но что толку в кондиционерах здесь, а заодно и от высоких технологий, если с северными штатами можно связаться лишь по древнему телеграфу?

Вздохнув, он уселся перед своим терминалом. Пусть об этом болит голова у начальства. Кстати, все могло оказаться куда хуже. Он вспомнил ту ужасную зиму, когда Европа на несколько недель застряла в начале сороковых, и содрогнулся.

Шагая после работы к машине, он обнаружил, что оказался в расклешенных брюках. Что ж, этот стиль ему когда-то нравился.

Вспомнив, что у его двоюродной сестры скоро день рождения, он решил заехать в универмаг по дороге домой.

Казалось, у всех в городе есть сестры, которые ждут не дождутся подарка к дню рождения. Ему пришлось минут десять кружить около универмага, пока не отыскалось местечко для парковки. Том заторопился к ближайшему входу. «И до этого ближайшего еще топать и топать», — в сердцах бросил он. Холостяцкая жизнь одарила его привычкой разговаривать с самим собой.

Том заметил, что многие покупатели, оказавшись у входа, тут же разворачивались и спешили обратно к машинам. Когда, удивленный, он приблизился к двери, то обнаружил объявление: «ИЗВИНИТЕ, НАШ КОНДИЦИОНЕР СЛОМАЛСЯ. НО ВСЕ РАВНО ЗАХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА». Наверное, у тех, кто уходил, все-таки не было сестер... Том вздохнул и вошел.

Кондиционер, естественно, не работал — Том не почувствовал привычной струи теплого воздуха, не услышал обычного ровного гула. Универмаг, как и весь город, застрял в конце шестидесятых.

Том уловил запахи ладана и ароматических свеч. Да, давненько он не бывал в торговом центре, застрявшем так далеко в прошлом. Интересно, попадется ли *сейчас* что-нибудь интересное для сестрички? Том слегка улыбнулся, проходя мимо отдела фирмы «Джинсы Вест», где висели брюки в полоску и битловки, но входить не стал. Сестра предпочитает одежду более позднего покроя и майки.

Том поднялся на второй этаж. В отделах импортных товаров больше шансов отыскать что-либо стоящее. Какая бы ни стояла погода, там всегда найдется любопытная вещица. Патлатый продавец кивнул ему из-за прилавка.

— Помочь подыскать что-нибудь, приятель?

— Спасибо, я пока просто погляжу.

— Нет проблем. Свистни, если потребуюсь.

Звуки ситар из колонок хорошо сочетались с висящими на стенах индийскими коврами и легкой плетеной мебелью, выставленной в центре отдела, но никак не подходили к глиняным пивным кружкам (сделано в Германии) или поделкам в стиле «Дикого Запада» (якобы создано рукаами индейцев навахо). «Не те у вас индейцы, ребята», — подумал Том.

Он задумчиво повертел в руках литровую пивную кружку и поставил обратно. Сойдет, но только если не отыщется что-нибудь получше. Свернув за угол, он миновал стопки дешевых тайваньских тарелок и вскоре очутился перед витриной с греческой керамикой: современные копии древних ваз.

Он и раньше видел подобные изделия, но большинство из них было сработано слишком грубо. В этих же ощущалась достоверность — четкие и совершенные контуры, элегантная простота росписи и рисунков. Том взял вазу, медленно повернул. Такой у сестры нет, и ваза будет хорошо смотреться в ее коллекции.

Том уже собрался направиться на поиски кассы, затерявшейся в лабиринте прилавков, когда из-за угла вышла девушка. Заметив Тома, она внезапно остановилась и повернулась к нему.

---

* *Имеются в виду градусы по шкале Фаренгейта. 32° F соответствуют нулю по Цельсию, 50° F равны 10° С. (Здесь и далее примеч. пер.).*

— Том! — воскликнула она, бросаясь в его объятия.

— Донна! — удивленно воскликнул он. У девушки было что обнять: ростом она не уступала Тому с его пятью футами и восемью дюймами, а фигура была просто восхитительна.

Она тряхнула головой, характерным движением отбрасывая с лица длинные прямые черные волосы, потом поцеловала его в губы. Когда Том отдышался, он взглянул в знакомые серые глаза всего в нескольких сантиметрах от его лица и спросил:

— Ты пришла что-нибудь купить?

— Да нет, просто потратить деньги, — улыбнулась она.

«Ответ как раз в ее стиле», — подумал Том.

— Тогда давай я заплачу за твои покупки, и, если хочешь, поедем ко мне.

Ее улыбка стала шире.

— А я думала, ты не догадаешься...

Взявшись за руки, они направились к выходу. Донна насвистывала «Идем с тобою вместе». Теперь улыбался и Том.

Когда они подошли к стеклянной двери, он придержал ее, пропуская Донну вперед. Пока они шли к машине, он не сводил глаз со стройных ножек в темных узорчатых чулках, мелькающих под мини-юбкой.

Они сели в машину. Кондиционер он включать не стал — погода стояла прекрасная. Всю дорогу он напоминал себе, что за рулем следует быть внимательным. Когда Донна сидела, ее мини-юбка казалась еще короче.

* * *

Он обнимал Донну за талию, поднимаясь по лестнице, и, когда убрал руку, чтобы достать ключ, она так тесно прижалась к нему, что Том не смог засунуть руку в карман. Но все же с удовольствием попробовал. Ей это тоже пришлось по вкусу, и она прижалась еще теснее.

Наконец он распахнул дверь. Поток теплого воздуха из кондиционера взъерошил волосы. И сразу же вернулись воспоминания. Том застыл у двери.

Теперь он видел Донну другими глазами. Она не могла вынести семидесятых. В эти годы Том жил собственной, независимой жизнью; по крайней мере, пытался. И они из-за этого постоянно ссорились.

Он вспомнил стакан, разбившийся о стену — а не о его голову (ему просто повезло, потому что ей было все равно, куда швырять посуду). Ее ладонь дернулась к щеке: она вспомнила пощечину. Сдавленно всхлипнув, Донна повернулась и, спотыкаясь, стала спускаться по лестнице.

Он непроизвольно шагнул следом. Едва он очутился достаточно далеко от дверей, воспоминания о неприятностях начали слабеть. Она тоже остановилась и посмотрела на него снизу вверх.

— Плохи наши дела, — сказала она, покачав головой. — Неудивительно, что мы все время не уживались.

— Неудивительно, — глухо отозвался Том, ощущая горечь и боль неудачи; воспоминания нахлынули слишком внезапно. Он был одновременно возбужден, зол и подавлен. Спустившись, он встал рядом с Донной. Она не побежала, не набросилась на него, и это кое о чем говорило. Рядом с ней ему стало легче. В шестидесятые ему всегда было легче с ней, чем без нее.

Он глубоко вздохнул.

— Я сейчас пойду и выключу кондиционер.

— Ты уверен, что желаешь этого? Не хочу, чтобы ты ради меня менял что-то в квартире.

— Зато я хочу, — ответил он, надеясь, что не лжет самому себе.

Она сжала его руку.

— Ты просто прелесть. Постараюсь тебя за это осчастливить.

Ее обещание погнало его вверх сразу через две ступеньки. Несколько прыжков вдоль коридора — и вот он в квартире.

Он оказался прав. Внутрь в самом деле лучше заходить сразу, а не постепенно — словно ныряя в бассейн с холодной водой. Воспоминания, разумеется, нахлынули потоком, но не успели приобрести остроту. Он взялся за ручку хронoстата, повернул ее решительным движением. Гул смолк. Привычного, почти не воспринимаемого шума не стало. Он прошел в спальню и распахнул окна, впуская прохладный воздух. В голове снова замелькала мешанина воспоминаний, но теперь они скорее уходили, чем возвращались.

Когда он вошел в комнату, со столика уже исчез маленький калькулятор. «Хороший признак», — подумал он и взглянул на стрелку хронoстата. Ага, уже опустилась почти до семидесяти... Он несколько раз открыл и закрыл входную дверь, проветривая квартиру. В голове опять замелькало, но совсем ненадолго.

Он снова проверил стрелку. Шестьдесят восемь. Да, достаточно.

— Донна, — позвал он. — Уже можно.

— Иду, — отозвалась она. Теперь она бежала вверх через две ступеньки.

— Хочешь вина?

— Конечно. Любого, какое найдется.

Том открыл холодильник. В нем стояла полугаллонная бутылка «Спаньяды». Он наполнил два стакана, принес их в комнату.

— А мне нравится плакат, — заметила она, указывая на огромное черно-белое полотно, на котором громадными буквами было написано: «ПРОДОЛЖАЙТЕ НЕСТИ ЧУШЬ». Пока работал кондиционер, его не было, но раз плакат понравился Донне, Том не стал обращать внимания на исчезновение картины, которая в конце семидесятых висела на этом месте.

А потом, как и множество раз в прошлом, они направились в спальню. Позднее Том перетащил в спальню телевизор, включил его, покрутил колесико настройки, отыскал выпуск новостей и опять лег рядом с Донной.

Некоторое время он почти не прислушивался к сводке — наблюдать, как медленно тает румянец в ложбинке между грудей Донны, было гораздо интереснее. Краем уха он уловил, что в Миннесоте, наконец, потеплело до тридцатых.

— Все еще паршиво, но уже лучше, — пробормотал он, лишь бы подтвердить, что следит за передачей.

Донна кивнула — она смотрела программу внимательно.

— Помнишь, как прошлой зимой похолодало ниже нуля и правительство пыталось доставить продукты на собачьих упряжках? Люди голодали. В Соединенных Штатах — и голодали! До сих пор не могу поверить.

— Ужасно, — согласился Том.

Настала очередь прогноза погоды для их штата. Как обычно, диктор говорил с неестественной бодростью:

— В большинстве прилегающих к городу районов завтра ожидается начало семидесятых, — радостно сообщил он, тыча указкой в карту, — в долинах и пустыне потеплеет до середины или конца семидесятых. Прекрасной тебе погоды, Лос-Анджелес!

Донна медленно и глубоко вдохнула.

— Мне лучше уйти, — произнесла она, села на край кровати и начала одеваться.

— А я надеялся, что ты останешься. — Он хотел произнести эти слова с болью в голосе, но опасался, что вместо нее пробьется обида.

Очевидно, ему удалась нужная интонация, потому что Донна тихо ответила:

— Том, сейчас я тебя очень люблю. Но если я проведу эту ночь с тобой, и мы проснемся в начале семидесятых...

Нахмуренное лицо Тома показало, что он все понимает. Донна грустно кивнула и встала. Мысль о ее уходе причиняла Тому боль, потому что сейчас он по-настоящему ее любил.

— Послушай, — осторожно начал он, — допустим, я установлю кондиционер на шестьдесят восемь. Тогда ты останешься?

Вопрос захватил Донну врасплох.

— Ты действительно этого хочешь? — спросила она. В ее голосе чувствовалось сомнение.

Теперь и Том задумался, верит ли он собственным словам. В конце шестидесятых его квартира станет совсем другой. К примеру, ему будет очень не хватать маленького калькулятора. Вместо него придется орудовать счетной линейкой, но с линейкой в его профессии не очень-то заработаешь. Но это мелочь, верхушка айсберга. В шестидесятые замороженная пицца больше походила на картон...

— Давай попробуем, — решился он. Лучше картонная пицца с Донной, чем «мозарелла» без нее.

Том закрыл окна в спальне, вышел в комнату и настроил хроностат. Прибор не включился сразу, потому что в квартире уже было шестьдесят восемь, но, передвигая стрелку, Том снова задумался над своим поступком. Он заметил, что книжная полка исчезла. Кое-каких книг ему будет не хватать.

— И черт с ними, — сказал он вслух, направляясь в ванную.

Взяв зубную щетку, он кое о чем вспомнил и начал бестолково копаться в шкафчике возле раковины. Изо рта у него торчала щетка, по подбородку стекала пена, и со стороны он напоминал бешеную собаку. Остановился он столь же внезапно, как и начал — к его удивлению, в шкафчике отыскалась запасная щетка. Когда Том, слегка покраснев, торжественно вручил ее Донне, та хихикнула.

— Где ты сейчас работаешь? — спросила она, снова ложась в постель. — Если это примерно то, чем ты занимался, когда жил здесь...

— Нет, — быстро ответил он, поняв суть ее вопроса. Если он каждый день на работе станет вспоминать свежие обиды и ссоры, то у них ничего не получится, как бы они ни старались дома.

— А ты чем занимаешься? — спросил он.

Донна рассмеялась.

— Я, наверное, не пошла бы в универмаг, если бы не знала, что их кондиционер сломан. Люблю шестидесятые. Я работаю в магазинчике грампластинок под названием «Босые звуки», и это меня вполне устраивает.

— Понимаю, — кивнул он. — Давай спать.

Она призывно улыбнулась:

— Мы этим уже занимались.

Схватив подушку, Том сделал вид, словно собирается швырнуть ее в Донну.

— Я имел в виду то, что сказал — спать.

— Хорошо, хорошо.

Донна потянулась через него, мягкая и теплая, и выключила свет. Том знал, что у нее дар легко засыпать. И точно, всего пару минут спустя она полусонным голосом спросила:

— Утром отвезешь меня на работу?

— Конечно, — ответил он, но тут же задумался. С таким названием ее магазин пластинок наверняка не пережил шестидесятые. — А если погода изменится, я смогу найти твой магазинчик?

— Да, там есть кондиционер. Какая бы погода ни была снаружи, внутри всегда шестидесятые. И дела у нас идут очень даже неплохо.

— Хорошо придумано, — согласился он. Через несколько минут он понял, что Донна заснула. Но сам он продолжал ворочаться. Том давно не делил постель с женщиной и теперь четко ощущал, как пружинит матрас под весом ее тела, слышал тихий шепот ее дыхания, улавливал ее запах. «Довериться человеку настолько, чтобы спать с ним рядом, — подумал он, — это, возможно, больше, чем даже любить его». Внезапно он возжелал ее сильнее, чем раньше.

Том неподвижно лежал в темноте. Он никогда не встречал женщин, желающих любви сразу после пробуждения. «К тому же, — подумал Том, — она будет здесь и завтра».

Будет, но не наверняка... Завтра на улице начало семидесятых. Паршивая погода для них с Донной.

Он так и уснул, не избавившись от тревоги. Около двух часов ночи кондиционер внезапно включился, разбудив Тома. Донна даже не шелохнулась. Том протянул руку и мягко опустил ладонь на изгиб ее бедра. Она что-то пробормотала и перевернулась на живот. Он отдернул руку. Донна не проснулась. Том долго лежал, затаясь, пока не заснул снова.

* * *

Грохот будильника вполне можно было заменить взрывом бомбы возле уха. Тому было достаточно громкого будильника, Донну же могло разбудить только одно — столкнуть ее с постели на пол. Он успел забыть, какая же она соня.

Но все же она успела приготовить яичницу, намазать тосты маслом и разлить кофе раньше, чем он завязал галстук.

— Теперь я знаю, почему попросил тебя остаться, — признался он. — Сам я на завтрак пробавлялся кукурузными хлопьями.

— Бедняжка, — сочувственно протянула она. В ответ Том выдал гримасу голодного тигра.

Складывая тарелки в раковину, он спросил:

— Так где этот твой босой магазинчик?

— В Гардене, на Гриншоу. Надеюсь, ты из-за меня не опоздаешь?

Том взглянул на часы, быстро прикинул в уме.

— Должен успеть. Тарелками займусь вечером. Тебя забрать после работы? Когда вы закрываетесь?

— В четыре тридцать.

Том простонал.

— Вряд ли я смогу добраться до твоего района раньше половины шестого.

— Я подожду тебя внутри, — пообещала она. — Так я, по крайней мере, буду уверена, что счастлива видеть тебя снова.

Том знал, что здравого смысла у нее хватает, как бы она ни старалась временами изобразить полное его отсутствие.

— Неплохая мысль, — согласился он.

Насколько она хороша, Том обнаружил, едва они закрыли за собой входную дверь. Диктор оказался прав — и в самом деле было за семьдесят. Когда Том и Донна спустились вниз, они уже не держались за руки.

Том вырвался вперед и на ходу рявкнул через плечо:

— Пошевеливайся. Я не могу торчать тут из-за тебя весь день.

— Я в твоих милостях не нуждаюсь! — вспыхнула Донна, уперевшись руками в бока. — Если ты так торопишься, скажи, где здесь ближайшая автобусная остановка, и проваливай. Прекрасно обойдусь и без тебя.

— Знаешь!.. — Все спасло лишь то обстоятельство, что Том понятия не имел, где поблизости останавливается автобус. Как и большинство жителей Лос-Анджелеса, он был совершенно беспомощен без машины. — Садись и помалкивай, — буркнул он. В семидесятые она частенько доводила его до бешенства. Гневное пощелкивание ее каблуков по тротуару подтвердило, что их чувства взаимны.

Том даже не взглянул на нее, когда она села рядом. Он повернул ключ зажигания, утопил до упора педаль. Мотор взревел. Не дожидаясь, пока тот прогреется, Том протянул руку к кондиционеру. Его пришлось подрегулировать, поставив на охлаждение, — обычно он стоял на восьмидесятых, чтобы заранее настроиться на работу.

Кондиционер подействовал не сразу, но напряженность понемногу начала исчезать.

— В моей последней машине не было кондиционера, — сказал Том.

— Я бы так жить не смогла, — призналась Донна, покачав головой.

«Босые звуки» Том отыскал без особых проблем. Магазинчик оказался рядом с маленьким торговым центром, где большинство прочих заведений выглядели гораздо современнее. Том пожал плечами. Судя по словам Донны, лавочка себя окупала, а это самое главное. К тому же он любил музыку шестидесятых.

— Наверное, я загляну к вам, когда приеду вечером за тобой.

— Конечно, почему бы и нет? Я тебя познакомлю с Риком — хозяином магазина.

Донна поцеловала его и вышла. Том сразу тронулся с места — он не выключил мотор, чтобы не прерывать работу кондиционера.

Но он успел увидеть в зеркальце выражение лица Донны, и оно ему не понравилось. Да, семидесятые не для них, и тут ничего не поделаешь. Оставалось лишь надеяться, что Донна не забудет о своем обещании и вечером останется ждать его в магазине. Если она выйдет на улицу, то к его приезду будет готова плюнуть ему в лицо.

«А скорее всего, — подумал он, — просто уйдет домой».

* * *

Едва он подключился к потоку информации, все посторонние мысли мгновенно испарились. Теперь, когда на Среднем Западе наконец потеплело, потоком полились новые заказы, и он едва успевал обрабатывать их, вводя в базу данные компаний.

До ленча Том только-только успел разгрести накопившиеся завалы, но у него все равно не осталось времени выйти, и он перекусил сандвичем. Жадно глотая, он вспомнил о Донне.

Том прекрасно понимал, что, пока погода будет удерживать семидесятые, его жизнь превратится в метания из одного кондиционированного помещения в другое. Сможет ли он выдержать подобное? «Если я хочу остаться с Донной, то придется многим поступиться», — понял он с практичностью восьмидесятых.

Ему захотелось узнать, какова Донна в восьмидесятые, но вряд ли это удастся. Она свой выбор сделала.

Он все еще терзался сомнениями, выйдя после работы в семидесятые. Но, как ни крути, надо же ему было добраться до своей машины. Включив кондиционер, он сразу почувствовал себя лучше. Время поджимало, зато всем сомнениям пришел конец.

На дорогах творилось нечто невообразимое, но он сохранял невозмутимость стоика. Когда погода переваливает в восьмидесятые, все становится еще хуже, потому что машин заметно прибавляется. А если холодает до пятидесятых, то эстакада Сан-Диего исчезает, и путь до города по наземным улицам превращается в пытку.

* * *

Том остановился на стоянке перед «Босыми звуками» в четверть шестого. Неплохо. Выскочив из машины, он торопливо направился к магазинчику.

И все же успел вспомнить о неприязни к Донне. Когда он вошел внутрь, окунувшись в конец шестидесятых, его переполняли и мстительность, и раздражение.

Все стены заведения были обклеены плакатами: «ПРОДОЛЖАЙТЕ НЕСТИ ЧУШЬ»; Питер Фонда на мотоцикле; Пресли, настолько накачавшийся наркотиками, что у него между пальцев по каплям просачивалось лицо; Микки Маус, вытворяющий черт знает что. Из больших динамиков мощно неслось «Любить друг друга», но не в исполнении «Янгбладс», а в другой версии — более медленно и навязчиво...

— Господи! — воскликнул Том. — Это же Г.П. Лавкрафт!

Парень за кассой удивленно приподнял бровь. У него были вьющиеся темные волосы и усы в стиле Фу Манчу.

— Неплохо, — заметил он. — Половина моих постоянных покупателей о нем даже не слышала, а вы здесь впервые. Могу я вам помочь что-нибудь отыскать?

— Да, некоторым образом. Я приехал за Донной.

Том огляделся, но Донны не увидел. Он начал тревожиться. Спрятаться здесь вроде негде.

Но тут парень — это, должно быть, тот самый Рик, которого она упоминала, — сунул голову за занавеску и позвал:

— Милочка, карета подана.

Милочка? Том было нахмурился, но тут заметил у парня обручальное кольцо и немного успокоился.

Донна вышла. Том увидел, как она обрадовалась, и мысленно выбросил все опасения в мусорное ведро — там им и место. Им с Донной хорошо в конце шестидесятых. Том насвистел кусочек из «Дорз».

Рик снова приподнял бровь.

— А вы спец! Заходите к нам почаще.

— С удовольствием. Потрясное у вас заведение. — Том взял Донну за руку и кивнул Рику. — Рад был познакомиться.

— Я тоже. — Рик извлек бумажник из заднего кармана клешеных джинсов, достал визитку и протянул ее Тому. Может, он и чудак, но его заведение явно держится на плаву. — Заходи, ладно?

— Обязательно.

Том сунул карточку в свой бумажник. Донна стояла у двери, нетерпеливо притоптывая ногой. Какими бы хорошими ни были их отношения, сейчас она в любую секунду могла обидеться. Возможно, галантность ему поможет. Изысканно поклонившись, Том распахнул перед ней дверь.

— Я тебя достаточно долго терпела, — бросила Донна выходя. Ее голос тут же изменился — она вернулась в семидесятые. Когда Том шагнул следом, его тут же охватил гнев.

На этот раз напряженность не успела перерасти в ссору — машина Тома стояла всего в нескольких шагах. Они сели, и кондиционер не дал им обменяться чем-либо весомее яростных взглядов.

Вскоре они расслабились. Том вел машину к своему дому. Через некоторое время Донна спросила:

— О чем ты так задумался в магазине?

— Пока не спрашивай, — попросил Том. — Я еще не готов ответить. Посмотрим, как у нас пойдут дела, и тогда я, может быть, сам тебе скажу.

— А я тем временем умру от любопытства, — заметила Донна, но настаивать не стала. В семидесятые она вцепилась бы в него мертвой хваткой, заставив его лишь упорнее молчать. К счастью, когда он подъехал к дому, она думала совсем о другом. Поднимаясь по лестнице, они молчали — и на том спасибо, — зато когда дверь захлопнулась, все снова стало прекрасным.

* * *

В выходные Донна перевезла свои вещи. Они ничего не обдумывали и не решали, все сложилось как бы само собой. Единственной ложкой дегтя оставалась его работа. Но вовсе не ежедневные скачки из одного времени в другое изводили его более всего — ему не нравилось, что он начисто забывал о Донне на восемь рабочих часов. Том, конечно, мог потерпеть, но ему это *не нравилось*.

Кончилось тем, что он достал карточку Рика и позвонил.

— Ты уверен? — спросил Рик, когда Том смолк. — По сравнению с тем, что ты зарабатываешь в восьмидесятые...

— Прикинь сам, — предложил Том. — Каждая двадцатка из моего бумажника восьмидесятых превращается в твое время в пятерку. Инфляция.

Какое-то время Рик задумчиво молчал.

— Что ж, пожалуй, я могу себя поздравить с новым работником, — произнес он наконец и, помедлив, добавил: — Ты ее очень любишь, верно? Иначе не решился бы на такое.

— Я очень ее люблю в шестидесятые. И если я хочу быть с ней, то мне лучше оставаться в них. Знаешь, — рассмеялся Том, — к тому же я наловчился обращаться со счетной линейкой.

В тот день, когда они впервые отправились вместе на работу в «Босые звуки», с лица Донны не сходила улыбка. На этот раз она открыла перед ним дверь.

— Заходи, — пригласила она. — Сегодня прекрасная погода.

— Да, — согласился он. — Прекрасная.

Она вошла следом и закрыла дверь.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Не правда ли, идея этой романтической истории разработана автором столь тщательно и изящно, что даже при всей своей необычности выглядит вполне убедительно.

Ну а вам, уважаемые читатели, бросает вызов новый автор, предлагая не менее оригинальную гипотезу, требующую разгадки.

Землю посещают инопланетяне, которые называют себя гейстами. Гейст в переводе с немецкого значит «дух», но вроде бы ничего мистического за этим не стоит, просто вот такие полупрозрачные существа с особыми возможностями. Пришельцы представляют мощную галактическую корпорацию «Время и Жизнь» и начинают контакт с попытки всучить взятку главному герою, мелкому чиновнику с большими связями (нет-нет, рассказ написан зарубежным автором, а не нашим соотечественником). В качестве взятки чиновнику предлагают некий прибор в виде серебристого диска, оперируя которым герой переживает свое «подправленное» прошлое и довольно привлекательное будущее, которое, кстати, выглядит вполне реальным.

Неужели иллюзии — плата за возможное лоббирование в пользу Корпорации?

А меж тем пришельцы предлагают человечеству торговлю на весьма выгодных условиях. Они обеспечивают землян неисчерпаемым источником энергии, высокими технологиями, а взамен просят...

ВОПРОС: ЧТО ЖДЕТ ОТ ЗЕМЛЯН КОРПОРАЦИЯ «ВРЕМЯ И ЖИЗНЬ» В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ТОРГОВЛИ?

Победители этого тура конкурса получат десять последних книг из серии издательства «АСТ» при участии издательства «Terra Fantastica» — «Координаты чудес». В их числе: знаменитый сериал Рэндала Гаррета «Слишком много волшебников» (с одной из повестей сериала, опубликованной в «Если», читатель уже знаком), а также романы Роберта Джордана, Майкла Сузнвика и других авторов. Письма принимаются до 1 июня.

Желаем успеха, уважаемые читатели!

ВНИМАНИЕ!

Открыта подписка на второе полугодие 1996 года. Стоимость полугодового комплекта журнала «Если» — 45 тыс. рублей (без стоимости почтовых услуг). Хотим обратить ваше внимание, что цена журнала за шесть прошедших месяцев выросла **всего на 15%** и остается единой для всех регионов России. Причем, выписывая журнал «Если», вы одновременно подписываетесь на два самых известных НФ-издания — журнал «Analog» и «Asimov's Science Fiction» (лауреат прошлогодней премии «Хьюго»).

Индекс «Если» в каталоге Федерального Управления почтовой связи при Минсвязи России — 73118.

КУПЕР, Эдмунд (COOPER, Edmund)

*Английский писатель.
Родился в 1926 г.
Писать начал
в начале 50-х гг.
получив перед
этим военно-морскую
специальность.
Первое НФ-произведение —
новелла «Единорог» (1951 г.).
Многие его рассказы, написанные
в 50-е годы,
вошли в сборники:
«Завтрашний дар» (1958 г.),
«Голоса во тьме» (1960 г.)
и ряд других.
Известность Эдмунд Купер
приобрел в первую очередь
как романист.
Критика отмечала
его безусловный талант
и трудолюбие. Наиболее
лестные отзывы вызваны
его первыми произведениями
большой формы, такими,
как «Неопределенная полночь»
(1958 г.), «Семя света» (1959 г.),
«Транзит» (1964 г.) и др.
Однако и более
поздние романы,
такие, как «Культура
сверхчеловека» (1971 г.)
и, в особенности, «Кирон
Голова-в-Облаках» (1973 г.)
получили высокую
оценку критиков. Причем,
как явствует из энциклопедии
Клюта и Николлса, последний
роман считается лучшим
произведением Купера и одним
из самых ярких образцов
романтической фантастики.
В оригинальности видения
будущего мира и свежем подходе
к темам Куперу
не откажешь, хотя сами темы
были классическими
для НФ 60-х — 70-х гг.:
последствия глобальных
катастроф на Земле,
космические перелеты,
андроиды и их
взаимоотношения с людьми.
Такие романы,
как «Пять к двенадцати» (1968 г.)
и «Кому нужны
мужчины?» (1972 г.) —
произведения с ярко выраженной
антифеминистской
направленностью,
что на фоне всплеска феминизма
в США в 70-е гг.
не добавили Куперу
популярности
в этой стране.
Купер скончался в 1982 г.
выпустив более двух
десятков романов
и восемь сборников рассказов.*

СТИГЛЕР, Марк (STIGLER, Marc)

*Молодой американский писатель,
публикуется с 1980 г
Первое произведение — рассказ
в стиле «твердой НФ» «Задира и
чудак» в журнале «Astounding
Science Fiction».
Его произведения
малой формы, в основном
посвященные технологическим
методам решения стоящих
перед людьми проблем,
собраны в книге «Ласковое
соблазнение» (1990 г.).
Роман «Праща Давида» (1984 г.)
отличает та же вера
во всесилие технической мысли,
позволяющей решать
разнообразные политические
и социальные проблемы.
Регулярно публикуется
в журнале «Analog»,
наиболее близком ему
по убеждениям.*

БУЛЫЧЕВ, Кир

*(см. биобиблиографическую
справку в № 9, 1994 г.)*

*«Я хотел бы отметить
один аспект манеры
Кира Булычева.
На карнавале или в парке вы
можете встретить художника,
который с помощью ножниц
вырезает из куска черной
бумаги ваш силуэт.
После этого он приклеивает
его к белой карточке
и вы, довольный, уходите,
не задумываясь о том,
что у художника остался точно
такой же портрет, только на
месте вашего лица — пустота.
Булычев хорошо владеет
этим приемом.
В его произведениях
главным становится не то,
о чем он говорит и что
показывает, а то, о чем
он не говорит
и чего не показывает».*

*Т.Старджон. Из предисловия
к книге К.Булычева «Половина
жизни», Макмиллан, Нью-Йорк.*

ДИШ, Томас

*(см. биобиблиографическую
справку в № 4, 1995 г.)*

*«Будущее намного больше
подвержено изменениям,
нежели прошлое.
Поэтому гораздо
труднее спорить
с книгой, подобной «1984»,
чем, скажем, со «Спящей тьмой».
Кестлер, следуя исторической
правде, вынужден
воздерживаться
от наиболее
веских аргументов.
Его книга в большей степени
относится к произведениям
искусства, однако книга
Оруэлла более эффективна.
Именно поэтому все книги
на политические темы,
написанные сегодня,
в той или иной мере
являются фантастикой».*

*Из предисловия Томаса Диша
к его известной НФ-антологии
на политико-экологическую
тему «Восход злой луны».*

ТАРТЛДАВ, Гарри

*(см.биобиблиографическую
справку в № 2, 1996 г.)*

*Сравнивая Тартлдава с другими
авторами, пишущими в жанре
альтернативной истории, Орсон
Скотт Кард отмечает резкое
отличие Тартлдава
от подавляющего большинства
его коллег.
«...Тартлдав не просто историк,
он умный историк, легко
схватывающий суть явления.
И если добавить к этому,
что он дьявольски хороший
рассказчик, то вы безусловно
не пожалеете о времени,
потраченном на прочтение
его книги... Если вы уже знакомы
с творчеством Тартлдава,
то вас не удивит, что на многих
сотнях страниц его книг
практически нет ни одной
нелепости или несоответствия
фактам, присущих большинству
авторов, пишущих в этом
жанре...»*

*«Fantasy & Science Fiction»,
сентябрь 1993 г.*

*Подготовил
Андрей ЖЕВЛАКОВ*

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Глен Кук
ЗОЛОТЫЕ СЕРДЦА С ЧЕРВОТОЧИНКОЙ

Кэтрин Куртц
МЕЧИ ПРОТИВ МАРЛУКА

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Роберт Артур
САТАНА И СЭМ ШЭЙ

Роберт Шекли
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КАРМИЧЕСКИЙ БАНК

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ
73118, 39801